

Валерий Столыпин

ИСПЫТАНИЕ БЛИЗОСТЬЮ

Рассказы о любви и интимных отношениях

18+

Валерий Столыпин

Испытание близостью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63603922

SelfPub; 2023

Аннотация

Возможности воображения настолько значительны, что в фантазиях человек способен совершать чудеса: изменять мир, преобразовывать действительность, творить. Например, летать. Имея достаточный опыт, совсем не сложно переноситься в иные миры, путешествовать во времени, любить и ненавидеть. Разыгравшееся воображение в активной фазе способно менять эмоциональное и психическое состояние человека, заставляет драматизировать и развивать события. Не успев узнать человека, влюбиться, неокрепшие духовно юные романтики переносятся в мир галлюцинаций, создают вымышленные чувства и эмоции, наполняют ими пространство вокруг, сгорают в пламени соблазнительных событий. Любовь всё преувеличивает, раскрашивает яркими красками. В этом и сила, и слабость романтических чувств. Однако, во всём важна мера. Союз, основанный исключительно на романтической любви и воображении, обречён на провал. Избыточное фантазирование, лишённое реалий, способно разрушить любые отношения.

Содержание

Взрослые люди	5
Покаяние	15
Про дефицит витаминов и недостаток сна	26
Сладкая месть	29
О пользе секса	42
Пятнадцать секунд	64
Modus vivendi, или лет через тридцать	82
Счастье просто так	98
А после... после мир привыкнет	108
Стихи и проза	119
Безумное счастье	139
Слишком сложный вопрос	146
Билеты в разные купе	166
Серёжка на пузе	179
С лица воду не пить	195
В сетях греховного соблазна	213
Ребёнку отец нужен, не абы кто	251
Всё могло быть иначе	257
Мечта по наследству	280
О друзьях и подругах	297
Очень взрослые игры	307
Подарок Деда Мороза	327
Прививка от любви	339

Призрачно все в этом мире бушующем...	355
Притормози у счастья	365
Приходил-то зачем?	382
Пусть прошлое останется в прошлом	392

Валерий Столыпин

Испытание близостью

Взрослые люди

*Ну, вот и всё, окончен год,
простились вроде...*

А он сидит, чего-то ждёт – и не уходит.

*И теребит мои ключи
в ладони красной...*

*Но я молчу – и он молчит:
и так всё ясно.*

Анна Полетаева

Ничто не предвещало грозу.

Был замечательный день, изумительный вечер, раскрашенный закатными переливами с оранжевым, алым и васильковым акцентом.

Такого огромного солнца, в половину неба, на фоне которого летела стая птиц, Сергей и Катя, кажется, никогда ещё не видели.

Настроение пело и плясало, тем более, что их ждали у подружки, которая наметила справить день рождения. Двадцать пять лет не каждый день случается.

У парочки ещё было время. Сергей уговорил жену до-

смотреть закатное шоу до самого конца. Натанцеваться они ещё успеют. Ведь пригасили к половине десятого. До Серены идти пешком не больше десяти минут.

Сергей прижал милую, празднично одетую супругу, пригнул к себе её голову, поцеловал в ушко, в шею. Девушка поёжилась, посмотрела на мужа ласково-ласково, но словами выразила не восторг, а негодование, – причёску помнёшь, медведь.

– Как же хорошо мне с тобой, Катюшка, не представляешь. Так бы стоял всю жизнь на берегу этого пруда и не выпускал из рук своё счастье. Может, ну её, Серену, по телефону поздравим? Я так хочу побыть с тобой наедине. И вообще хочу, просто задыхаюсь от желания.

– Глупее ничего не мог придумать! Не обижайся, она моя лучшая подруга. Можно подумать, не успеешь наиграться в любовь. Будет тебе счастье, Серёженька, всё, что захочешь, будет... нужно немного потерпеть, дождаться, когда останемся одни. Мы же взрослые люди.

– Ждать, так ждать. Знаешь, Катюша, у меня беспокойство какое-то. Сам не пойму, что со мной происходит, но сердце щемит.

– Ерунда. Ты нарочно так говоришь, чтобы в гости не ходить. И не вздумай портить мне настроение ревностью. Танцевать сегодня буду, с кем захочу. Серенка гостей пригласила, жуть сколько. Оторвёмся по полной. У меня уже ноги в пляс пошли... от предвкушения хмельного азарта. Не сер-

дись, любимый. Завтра всё возьму... в призовом размере. Сегодня веселимся.

– Завтра так завтра. Как говорит моя мама – у бога дней много.

Гостей у подружки действительно оказалось много. Сергей почти никого не знал.

Катя сходу завелась, как электрический моторчик, забыв про мужа. Танцы и весёлые кампании она обожала.

Предчувствия не отпускали Сергея. Что-то изнутри настойчиво напрягало.

Катя увлечённо танцевала. Мужчины приглашали её на перебой.

Один танец она подарила мужу, но он не был любителем обниматься на людях под музыку, тем более без настроения, потому из этой затеи ничего хорошего не получилось.

Немного погодя, когда было произнесено много тостов, продемонстрированы подарки имениннице, поведение гуляющих стало приобретать пошловатый оттенок.

Кавалеры без стеснения прижимали в танцевальных движениях дам, оглаживали их крутые попки, что-то фривольное шептали, дотрагивались губами до чувствительных точек, вызывающих слишком откровенного характера восторг.

Люди все взрослые, имеют право. Тем более что семейная пара на этом празднике всего одна, он и Катя.

После очередного танца Сергей увлёк жену на улицу, подышать. Думал, что удастся уговорить завершить приключе-

ние на этой замечательной ноте.

Катя согласилась выйти. Её слегка шатало от выпитого спиртного.

Кто-то из гостей курил. Жена залихватски попросила мужчину угостить сигареткой, что было странно, она не умела курить.

Сергей узнал в нём одного из кавалеров, который настойчивее других кружил жену в танцах.

Жена уверенно подкурила у него, вдохнула едкий дым полной грудью и закашлялась. По её лицу потекли слёзы вместе с косметикой.

– Пошли домой, Катенька.

– Так и знала что попытаешься испортишь праздник. Не нравится, не мешай другим. Лично я остаюсь. Роман, проводите меня, – настойчиво потребовала девушка, – хочу танцевать.

Сергей отодвинул было в сторону провожатого, но получил неожиданный удар в солнечное сплетение.

Дыхание остановилось, в глазах померк свет. На некоторое время он отключился.

Жены и её агрессивного кавалера не было.

Удар от мужчины Сергей перенёс стойко, а от Кати...

Неожиданно засвистел ветер, налетая порывами, сгибающими деревья. В глаза полетел песок, мусор кружился в свете уличных фонарей. Молнии одна за другой засверкали поверх деревьев, затем раздались разрывы грома, хлынул

дождь.

На втором этаже были раскрыты балконные двери, громкая музыка звучала в перерывах между раскатами.

Мокрый Сергей стоял, не решаясь ни на что.

Всё же нужно попытаться увести Катю домой. Она опьянела, сама не понимает, что делает.

На кухне и в зале жены не было. Гости по-прежнему веселились.

Сергей прошёл в дальнюю комнату и обомлел. Катя и танцор целовались, лёжа на диване. Рука мужчины шарила у Кати под юбкой. Они были настолько увлечены процессом, что никого не замечали.

– Что же, – с горечью подумал Сергей, – действительно взрослые люди. Нет смысла прерывать удовольствие, устраивать на людях скандальные сцены. Пусть развлекаются, если это единственная и основная цель их жизни.

Настроение... какое к чертям собачьим настроение! Мужчина шёл по лужам, не разбирая дороги. Сознание привело домой, куда же ещё.

Что он чувствовал? Этому невозможно дать определение. Сначала внутри бушевал ураган, сверкало и гремело. Долго, бесконечно долго. Потом всё прекратилось, разверзлась дыра, через которую заползала пустота.

Сергей пил крепкий кофе, чашку за чашкой. Такого мучительного похмелья у него никогда ещё не было.

Сердце стучало с перерывами, в голове шумело, в глазах

сверкали концентрические круги, взрывающие мозг.

Как такое могло произойти! Катя, милая девочка. Ведь они были так счастливы вместе.

Сергей силился вспомнить что-то хорошее. Сознание настойчиво выдавало одну и ту же картинку: уверенные движения под платьем жены мужской руки.

От очередного глотка кофе его вывернуло наизнанку, потом сами собой потекли слёзы.

Ненадолго после этого Сергей забылся. Очнувшись, начал лихорадочно соображать, что делать.

Решения не было. Он знал лишь одно, что вчера ещё любил эту девочку больше жизни. И что теперь делать с этой любовью?

Мысли путались. Временами Сергей умудрялся себя убедить, что ничего трагического на самом деле не было, что ему показалось. Это было видение, мираж, галлюцинация. Что угодно, только не измена.

Он потерялся в пространстве и времени, витал в мареве фантазий. Когда приходил в себя, решал, что жить больше незачем.

В дверь позвонили. Настойчиво, длинно. Затем начали стучать ногами. Так могла требовать открыть только Катя. Её Катя.

Сергей машинально вставил ключ в замок с внутренней стороны, когда пришёл ночью. Увидев в глазке Катю, обрадовался было её возвращению, но память вернула на мен-

тальный экран неприглядную сцену.

Его передёрнуло от брезгливого отвращения.

– Пусти, Серёжа! Пожалуйста, открой, – кричала Катя, – я тебя очень прошу... на надо поговорить.

Она барабанила в металлическую дверь руками и ногами. Было слышно, что она плачет.

Сергей не мог определиться, хочет ли её видеть.

Там, за дверью, была совсем другая Катя, женщина, которую он совсем не знает. Чужая, к которой ничего, кроме неприязни, здесь и сейчас чувствовать не мог.

– Серёжа, миленький, не бросай меня, не отталкивай. Давай поговорим... как взрослые люди. Я тебя очень прошу. Впусти, нельзя же выяснять отношения на глазах у всего подъезда. Да, я виновата, очень виновата, признаю. Но давай обсудим инцидент без свидетелей. Я всё объясню.

Сергей стоял за дверью в их общую квартиру. Не впускать жену было глупо, да и ни к чему действительно выносить сор из избы, превращая размолвку в публичное шоу.

Он открыл, стараясь не глядеть в сторону жены, развернулся, пошёл на кухню.

События происходили в автоматическом режиме, словно в дурном сне.

– Я знаю, ты всё видел. Прости, если можешь! Не знаю, что на меня нашло. Я поступила подло, гадко. Пойми, это была... как бы... совсем не я. Я понимала, на самом деле понимала, что делаю... но не могла остановиться. Мне хоте-

лось чего-то тебе доказать, наказать что ли. Мной руководило чувство противоречия.

– Зачем мне всё это знать? Ты это была или не ты, но целовались вы на моих глазах. И рука в твоих трусах была настоящая. Да и стонала ты, катя, вполне натурально.

– Серёженька, любимый, я ничего не отрицаю. Да, я поступила гадко. Там, у Серены, было только начало. Я подчинилась этому мужчине, словно загипнотизированная. Мы даже не разговаривали. Он глазами и жестами приказывал, я соглашалась.

– Как у вас, взрослых людей, всё просто. Я больше половины года не мог решиться на робкий поцелуй, а ему ты не могла отказать после первого танца.

– Я же объясняю, это было наваждение. Сама не понимаю, как такое могло произойти, что это было.

– Подразумеваю, интимная связь между мужчиной и женщиной называется секс. Обыкновенные развратные действия, без любви, ради удовлетворения животной страсти. Видимо, подобные фантазии давно будоражили твоё воображение.

– Нет же, Серёженька, нет! Это была нелепая роковая случайность.

– С чем тебя и поздравляю. Если я ни о чём подобном не грезил, мне и предложений таких никто не сделает. Мысли, Катенька, материальны. Признайся хотя бы себе, что стечение обстоятельств, кажущаяся случайность, вполне законо-

мерна.

– Тебе непременно хочется меня обвинить, выставить развратной, порочной, лживой?

– Помилуй, ты сама эту постыдную связь сделала достоинством общности. Сначала у Селены, теперь здесь, в подъезде.

– Да, Серёженька, я дрянь... не сумела справиться с вождением. Но я твоя жена... и хочу быть ей всегда. Пойми меня и прости! Я не такая на самом деле, вот увидишь. Я хорошая, верная.

– Похоже, Катенька, ты сама не знаешь, какая. Любой поступок только в первый раз тяжело совершать, потом даже самое неприглядное действие становится привычной обыденностью. Любопытство заставит тебя повторить острые ощущения. Возможно, возбуждение и сладострастие сильнее твоей воли. Я не знаю, если честно, не хочу ничего знать про механизмы измены. Мне просто противно будет к тебе прикасаться.

– Ты меня больше не любишь, не желаешь даже попытаться простить!

– Мы же взрослые люди. Ты забыла добавить эту ритуальную фразу, которой можно всё объяснить. Да, мы сформировались, созрели. Можем себе позволить. Если доверие и верность, просто ничего не значащие слова. Нам лучше расстаться.

– Как, почему? Ты не можешь так со мной поступить!

– Ты же смогла. Я любил ту Катеньку, с которой счастливо прожил три года. Ты – самое прекрасное, что случилось в моей жизни. Теперь ещё и самое ужасное. Не знаю, получится ли пережить этот шок.

– Прости, миленький... я больше не буду!

– Меньше, как оказалось, тоже не будешь. Как думаешь, танцор тебя любит? Сомнительно. Зачем ему доступная женщина. Он про тебя уже всё знает. Теперь и я тоже.

– Каждый может оступиться, сделать ошибку. И что, сразу приговор и смертная казнь!

– Я тебя не гоню. Сама не захочешь со мной жить. Мы потеряли самое главное, что превращает обыкновенные эмоции в чувства, а чувства в любовь – доверие.

Больше супругам не о чем было говорить. Тем более, скандалить, спорить. Жизнь сама расставила всё по местам.

Развелись они через два месяца.

Покаяние

Мы можем навсегда прощаться

Полу-во-сне, полу-в-бреду.

Я всё равно к тебе приду:

Мне просто некуда деваться.

Вадим Хавин

Зойка любила дружка своего больше жизни, оттого и дразнила. Время пришло девчонке невеститься, да и смелая, дерзкая была чересчур: одевалась намеренно в короткие платьица, специально для Витьки, грудью упругой прижималась, волосами распущенными щекотала, чтобы аппетит у парня разбудить, о котором тот ни сном, ни духом. Коленки голенастые напоказ выставляла, подол до трусиков, как бы случайно задирала, за руку нежно брала, чтобы в глаза удобнее заглядывать, губы жадные до ласки подставляла.

Но, Витька – телок: мычит, глаза зажмуривает. Сердечко волнуется, стукотит. За метр беспокойный пульс услышать можно.

Зойке, конечно, приятно, но она взрослой стать решила, от своего желания не отступится. А уж коли игра в любовь в такую жаркую пору вошла, жди неожиданностей. Горячая кровь на такие безумства способна толкнуть – только держись.

Налюбоваться дружок не мог на узорчатые прожилки под

её прозрачной кожей. Дрожал, как осиновый лист, когда невзначай прикоснуться к подружке доводилось. Млел, созерцая божественное цветение беспечной юности.

Нельзя! Мальчикам, вроде, можно до поры (выдерут да и только), чтобы опыт накопить, чтобы не опозориться, когда срок наступит, а девчонкам беда. Позор на всю оставшуюся жизнь. Витька не может так поступить, особенно с Зойкой. Они же с детства не разлей вода. Куда один, туда и другой. На селе все знали, что рано или поздно...

Знала и Зойка, что он застенчивый, робкий, мечтала, – сейчас поцелует. Разве от такого подарка можно отказаться! Не дурак же он.

Представляла, как сладко будет вдвоём, – любит ведь, чего ждёт? Вот она я.

За руку брала, в заросли лозняка поутру водила, подальше от любопытных глаз. Смело сбрасывала платице, – гляди, любуйся. Вот здесь можешь дотронуться. И здесь. Всё-всё можно, даже то, чего совсем нельзя. Ну, же! Какой же ты у меня...

Зойка танцевала нагишом, руками ласково звала, – иди ко мне, любый.

Она была почти взрослая. Так все говорили. Вон, и грудь поспела, и кустик меж ног призывно топорщится. Расцвела девчонка, округляться начала, порозовела. Млеет в ожидании любви, трепещет от откровенного бесстыдства толпящихся в голове мыслей, от переполняющих кровь эмоций, от

невнятного напряжения в груди и внизу живота.

Витька краснел, терялся, отводил в сторону зачарованный взгляд. По ночам грезил, позволяя в фантазиях всё то, чего не мог себе разрешить в Зойкином присутствии.

Его чувственность только пробуждалась. Ничего он ещё толком не понимал, но позывные взросления настойчиво о себе напоминали, наполняя незрелое тело нежностью и бурлящей кровью.

Только бы Зойка не узнала, какие мечты он себе позволяет! Не мог Витька подружку обидеть, не мог.

А Серёжка стесняться не стал. Задрал подол и опростался, причиняя при этом боль.

Не любил, “на дармовщинку” позарился. Любопытен через край. Жаден до грешных впечатлений. Чего не взять, коли плохо лежит. Девка-то в соку, ничего не соображает: из реальности-то выпала. Может и не вспомнит, когда в себя придёт.

Зойка была к нему равнодушна. Созрела прежде времени, это да. Так природа распорядилась, чтобы мальчишкам дать время окрепнуть: сил накопить, мышцы нарастить. А Витька малость старше был, что к чему представление имел: не она первая, не она последняя. Зов плоти.

Кто-то скажет, – чокнутая она, эта Зойка, суицидница. В психушке ей место, – и будет прав. Отчасти. Поскольку не сумел распознать душу тонкую. Девочка реальность с фантазиями перепутала.

Так бывает, когда напор гормонов в крови мысли в раско-
ряку ставит, а необузданный творческий потенциал, помно-
женный на развитую сверх меры впечатлительность, толкает
в пропасть неизведанного.

Влюблённые девочки – натуры хрупкие, импульсивные.
Натворят невесть чего в хмельном угаре сладкого влечения,
вкушая по неопытности ворох запретных для их опасного
возраста эмоций – не расхлебать опосля.

Вот и Зойка... дурочка, на крючок запредельной глупости
попалась. Нет, чтобы успокоиться, подумать. Сразу в про-
пасть, чтобы не страдать. Как же это глупо!

Потом жалела, кляла себя за порочную беспечность.
Поздно. Крапивное Серёжино семя упало в благодатную
почву, выпустило цепкие щупальца, разом и проросло.

Зойке в тот год, когда родила Никитку, едва семнадцать
исполнилось. Сама дитя, до ставней оконных дотянуться не
может, ростом не вышла, а богатыря выродила. Боровичка
голосистого с красной головкой почти пять кило весом.

Порвалась вся, но терпела. Все орут, а она молча муку ад-
скую приняла: кару добровольно себе назначила.

Не дождалась любимого – получи!

Вспоминала чуть не каждый день, как Витька украдкой
смотрел на острые её локотки, на узкие плечи с подвижными
лопатками, на впалый животик, над которым нависали ху-
досочные рёбрышки, которые можно было пересчитать по-
штучно.

Она ведь звала его тогда, – на, возьми.

– Время не пришло, Зоенька. Погоди, пока повзрослеем. Всё у нас будет. Как положено, по-честному. Только дождись.

Глупый. Не будет теперь ничего! Кто захочет связать жизнь с утратившей честь гулящей девкой.

Как же она ревела в тот день, когда Витька в областной центр учиться уехал, как упрашивала, – останься! Сгину без тебя.

Накрутила себя, чуть умом не двинулась.

Не послушал. Думал, блажит девка. А она чуть руки на себя не наложила, такова была сила потрясения.

Серёжка из петли вынул. Никому о том не сказал, но плату непомерную взял – невинности лишил, пока Зойка окончательно в себя не пришла. Девчужке тогда без разницы было: она с жизнью уже распрощалась. Семь бед – один ответ. Пусть делает, чего надобно, и проваливает.

Ведь знал, паршивец, что нельзя семенем разбрасываться, что осрамит девку, а замуж не позовёт. Недаром говорят, что охота пуще неволи. Больно велик был соблазн запретный плод сорвать, надкусить, сочной мякоти целомудрия отведать. Правда, слово дал, что никто о том не узнает. Но, шила в мешке не утаишь.

И Зойка не призналась, чей сын брюхо обживает, кто мальцу настоящий отец.

У Сергея к тому времени, когда живот у Зойки на нос по-

лез, свадебка наметилась. По залёту нечаянному. Он и в этот раз хотел незаметно отползти, но не успел. Братья невесты вовремя сообразили, подсуетились. Руки-ноги не повредили, а портрет здорово разукрасили.

А ему как с гуся вода. Недёржанных девок на селе пруд пруди. Он теперь опытный, следов не оставляет. К тому ещё солдаткам да вдовам маета неприкаянности душу травит. Всем любви подавай. Хоть такой, развратной, коли другой для них нет. А есть ещё иная порода баб – любительницы жеребятины. Сами знаки подают, мало того – наливают за утоление порочного голода.

В деревне думали, что отец Никитки Витька. А он – ни сном, ни духом.

То есть, что родила, знает, про своё якобы отцовство – нет. Ему ли не ведать, что до сей поры невинный телок. Целоваться и то не выучился. Разве что в шею Зойкину губами впивался пару раз, да за ухом грелся. Но, то не в счёт. Это по-дружески, по-братски.

Горько ему, больно, что так несуразно вышло. Себя виноватит.

Закроет глаза, Зойка танцует. Для него. Танцует и зовёт. Смешная, красивая, родная, в чём мать родила.

Тщедушная, маленькая, прозрачная, как уклейка, а грудь... он ведь только делал вид, что не смотрит. Как было удержаться от соблазна?

Всё как есть помнит. Грудь была настоящая.

Сколько раз Витька потом грезил, протягивая навстречу длинноногой танцовщице без покровов, к её бархатистой коже, к упругому бутону груди, размером с румяное яблочко, раскрытую ладонь, представляя, как прикасается к этой бесценной реликвии, как наливается священной энергией любви.

И застывал в ужасе, физически ощущая потерю, которой могло не случиться, будь он решительнее, смелее.

Упустил своё счастье! Сам упустил.

Может, стоило тогда поступиться принципами, забыть про традиции, про девичью честь и свою совесть, которая на поверку оказалась тяжким бременем, которая раз за разом возвращает воспалённую память в окаянное прошлое?

Сильны мы задним умом, когда ничего нельзя изменить. А ведь она звала, упрашивала, словно ей одной та любовь была надобна.

После техникума Витька уехал в Заполярье. Можно сказать, сам себя наказал.

Парень он видный. Девчонки вокруг табунами невестились. Женщины в соку, глядя на широкие плечи, сильные руки и цепкий взгляд, кто бессовестно, нагло, кто простодушно, застенчиво, предлагали любовь. Всякую, в том числе без обязательств.

Витька был поглощён единственной страстью: Зойкой бредил. Ночами в поту просыпался, криком кричал, прощения просил.

До сих пор Зойка его звала. До сих пор не отпускала.

Не выдержал. Всё для себя решил, поехал каяться.

Родители писали, что не было у Зойки с тех пор никого, словно эпитимью на себя наложила. Фотографию мальчика прислали.

Никите шесть лет минуло.

Рыжий, кучерявый. В Серёгу Кучина, не иначе, лучшего некогда друга. У него одного на всё село кудрявая, как у ягнёнка, шевелюра красным золотом рдела.

Этот общеизвестный факт Серёжкин брак и сгубил. Как пошёл по селу слух о рыжем мальчонке, Варвара ему на порог указала. Братья скорости добавили. Хотели оскопить, да пожалели.

Тот к Зойке. Да куда там, – не было у мальчонки отца, и такого не нать. Опоздал, касатик. Да и не ужились бы мы. Без любви-то.

– Много радости любовь тебе принесла? То-то ты в петлю прыгнула. Без мужика в своём доме никак нельзя. Я же рукастый.

– Зато до баб охоч. Мне ещё этого сраму не хватает. Витька бы мальчика не бросил. И по бабам не побежал бы.

– Много ты знаешь! Так может он того, и не мой вовсе?

– А и не твой. Что с того? Я ему каждую неделю красной краской кудри мажу, чтобы тебя осрамить. И себя заодно. Поди, поди вон, по добру, по здорову.

Удружил Серёга, нечего сказать. Но разве виноват он, что

наградил отпрыска редким колером?

О том, что стало реальной причиной появления на свет Никитки, никто не ведал. Хоть в этом вопросе Сергей не подвёл.

Зойка, когда болела, заговаривалась, Витьку звала, прощения вымаливала.

Нормально, естественно, даже правильно, спрятаться в одиночество, зализывая кровоточащие сердечные раны. Но как долго необходимо и можно жалеть себя, оплакивать и лечить истерзанную, в порезах и ссадинах от необратимых потерь, но живую, готовую вновь и вновь возрождаться, душу: неделю, месяц, год... или весь дарованный природой срок осознанного бытия?

Разве можно казнить себя без срока. Преступников, и тех рано или поздно из заточения вызволяют. Зойка о том не раз и не два матери заикалась.

– Кто ж тебе, оторве, таку обиду спустит, блаженная? Забыть пора. Не пара ты ему. Не он тебя, ты его не дождалась, ты любовь предала, – корила маманя.

– Покаюсь. Глупая была. Некому было боль свою доверить. Даже тебе не могла. А вдруг он мне тот грех попустит? Ноги целовать буду. Выведай адрес у Ильиничны, письмо напишу. Обо всём. Мне шестнадцать годков было, чего я понимала-то! Нет у меня больше сил, себя казнить.

А Витька взял да сам приехал, словно раскаяние Зойкино почуял. Кто знает, может, у влюблённых неведомая связь

через небеса налажена.

К родителям не зашёл, сразу к подружке на порог.

– Сына покажи, Никитку.

– Так не твой ведь, Витюша.

– Мы про то никому не скажем. Усыновлю, будет мой.

– Давно уж все догадались. Масть не скроешь.

– Примешь, простишь?

Зойка кинулась Витьке в ноги, – гада я окаянная, злыдня проклятушая, изменщица подлая. Нет мне без тебя жизни. Разум тогда помутился, не ведала, что творю, любый мой. Прости, коли гордость позволит со мной знаться, век грехи те отмаливать буду!

– Не блажи. Встань с колен. В том и моей вины в достатке. Будем вместе разгребать, чего наворотили по глупости. Ты ведь меня каждую ноченьку все эти годы звала. А я... дурья башка. Всё могло быть иначе. А-а-а, чего даром воду в ступе толочь. Того дивного дня не вернуть. Помнишь, как для меня танцевала?

– Как не помнить!

– Ну, жена, раз такое дело, коли обиды прощены, будем праздновать. Никитку зови, мать с отцом. Всех зови. Мужчина в дом возвратился. Заживём!

– Теперь-то меня не испугаешься, не побрезгуешь, в губы целовать?

– Зацелую. И не только. Только не теперь. Хочу, чтобы в первый раз, как тогда, на берегу, в ивовых зарослях. Чтобы

с самого начала всё правильно. Дождалась-таки, любая моя! Сына хочу, дочку, семью большую. Тебя хочу, Зоенька! Ты же меня научишь?

– Сам управишься. Чтобы с бабой хороводиться, много ума не нать. Природа кругом соломки подстелила. На котов да иную живность глянь. Кто их той науке обучает? Да никак ты, соколик, до сей поры любви девичьей не познал!

Зойка расплакалась, прижалась к Витькиной груди, но осторожно, робко. Не верила до конца своему счастью.

– Как знать, как знать. Вдруг у меня ничего не выйдет?

Зойка прыснула в кулак, – и то верно. Вдруг? Стоит проверить, пока Никитос с маманей на ферме управляют. Вре-мя есть. Я и станцевать могу, не отяжелела пока. Или опять чё не так?

– Тебе бы всё хиханьки, дурища. А у меня сомнения. Боязно мне.

– Ничего не изменилось. Всё такой же телок. Как же любви мне, соколик!

Про дефицит витаминов и недостаток сна

*У любви меняется лицо,
Речь, походка, голос, даже имя –
Могут и глаза в конце концов
Стать неузнаваемо другими...
Что же остаётся?
Только то –
Где-то там, на уровне молекул –
То неразличаемое, что
Тянет человека к человеку.
Анна Полетаева*

С трудом втиснувшись в набитое до отказа брюхо автобуса, Рита никак не могла дотянуться до поручня. Автобус тронулся слишком резко, чтобы зафиксировать устойчивое положение тела. Ноги остались на месте, а всё, что выше, резко качнуло назад, лишая равновесия. Рита мысленно летела вверх тормашками, но сильные, горячие, явно мужские руки, нежно прикоснувшись к талии, аккуратно предотвратили падение, оставив попутно непередаваемое ощущение, слишком мимолётное, но удивительно сладкое, отчего по телу разлилось предвкушение давно забытой ликующей радости. Мысли неудержимо понеслись вскачь, зарождая стран-

ное для замужней женщины трепетное волнение. Автобус встряхнуло. Женщина вновь коснулась спиной чужого тела. Напряглась, не спеша возвращать контроль над неловкой ситуацией. Руки мягко придержали, чуть дольше, чем требовали обстоятельства, случайно или намеренно скользнув по бедру вниз. Как хочется обернуться. Рита затаила дыхание. Было слышно, как трепещет в груди, забыв о приличиях, потрясённое неожиданной интригой сердечко. Душа её томно стонала от внезапно нахлынувшего восторга.

– Ну же, прижми крепче! Я сделаю вид, что не заметила, – вступила она в безмолвный диалог с внутренним собеседником, слегка выгибая спину.

На следующей остановке в салоне стало свободнее. Рита не стала садиться: загадочный незнакомец, вызвавший столь потрясающий эмоциональный отклик в каждой клеточке, стоял позади. Наверно не просто так стоял. Ему явно нравится эта игра. Ей тоже.

Автобус вновь тронулся. Лёгкое прикосновение. Чуть выше талии, затем немного ниже. Так даже приятнее.

Рита боролась с желанием оглянуться, но пробуждённая так некстати среди скопления незнакомых людей чувственность требовала сохранения тайны.

Через пять или шесть остановок порочное возбуждение свергло её в блаженную эйфорию, замедляя ход времени, подменяя реальные события почти достоверным романтическим вымыслом.

Женщина не заметила, как на волне заразительного азарта проехала свою остановку и ещё половину города.

– Конечная, – громко рявкнул динамик.

Рита, испуганно оглянулась. В салоне никого не было. Сзади тоже.

Дома её ждали голодные дети, неприбранная квартира, тысячи маленьких и больших житейских проблем. И парализованный тяжелейшим недугом муж.

Сладкая месть

*А я Вас люблю – до озноба, до колик,
До всякого рода неясных вещей:
От мыслей о вечном – до мыслей о кроликах,
И страха при мысли о вечной ничьей.*

Екатерина Горбовская

Вам когда-нибудь изменяла жена, единственная женщина в вашей жизни, от общения с которой перегорают лампочки в мозгу, вера в исключительность и целомудрие которой кажется безусловной истиной, практически религией?

Нет? Вам здорово повезло. Я не такой везунчик.

Не буду описывать, из каких источников, как и почему узнал, что у Сони случился нелицеприятный для меня роман с картинками, в котором она проявила постыдную сексуальную активность. Факт измены не получилось скрыть, невозможно перевернуть или оспорить.

Жена была поймана на горячем, что было крайне неприятно. Лучше бы я этого не знал.

Шёл четвёртый год безоблачно счастливой семейной жизни.

Быт семьи полностью налажен, дочурке полтора года. Софья не так давно вышла после отпуска по уходу за ребёнком на работу, чему была сказочно рада. С малышкой в рабочее время и в часы досуга оставалась приходящая няня – добро-

душная старушка из соседнего подъезда.

Жена не отрицала, что чрезмерно увлеклась коллегой по работе, не пыталась объяснить, что заставило её целую неделю как с супругом жить с ним в служебной поездке в общем номере, а позднее встречаться несколько месяцев по вторникам, объясняя задержки занятиями на обязательных курсах повышения квалификации.

Я не пытался на неё давить: не устраивал скандал, не стал делать из вульгарного проступка зрелищное шоу.

Разоблачение стало для жены испытанием, шоком: это было заметно.

Она была напугана, клялась, что любит только меня, что связь с любовником была наваждением, одержимостью, безумством, что увлечение на стороне послужило серьёзным уроком.

– Мне ужасно стыдно, – рыдала Соня, – я не хочу, не могу с тобой расстаться. К тому же наша малышка. Если сможешь простить – стану покорной и нежной.

С работы Софья уволилась, с любовником решительно рассталась. На какое-то время вновь занялась ребёнком и домом.

Было тяжело, больно. Около месяца мы общались короткими фразами, спали в разных комнатах.

Не так просто наладить интимный контакт с женщиной, тело и душа которой жили двойной, бесстыдно порочной жизнью, которая позволяла, возможно, даже требовала, же-

лала, доверительного интимного контакта с другим женщиной.

Чувство брезгливости долго не позволяло свершить ритуал супружеского слияния.

Со временем я почти справился: убедил себя, что “хороший левак укрепляет брак”, что жену обманули, совратили, что в случившемся есть доля моей вины, вновь почувствовал магическое притяжение.

Софья по-прежнему волновала, возбуждала меня... особенно когда ненадолго расставались.

Её родители жили в соседнем городе. Софья скучала по ним, время от времени гостила в отчем доме несколько дней, как правило, вместе с малышкой.

Так было и на этот раз.

Спешить в пустую квартиру не было желания: семейные отношения не предусматривают отпуск от любви, тем они и отличаются от романтической связи без обязательств.

Организм женатика постепенно настраивается на неизменный бытовой обряд, соблюдение которого составляет суть и постоянство неспешного, однообразного супружеского счастья.

Городской парк казался замечательной альтернативой общения с компьютером, который отвлекал в определённой мере от внезапной смены гармоничного ритма семейных будней, но не заменял живой контакт с самыми дорогими существами: женой и дочкой.

Было тоскливо, немного грустно проводить лучшую половину дня в одиночестве.

Телефонный разговор с Соней лишь усугубил эмоциональный и тактильный голод.

В парке в этот час было весело,людно. Некоторое время любопытство, наплыв ярких красок и звуков отвлекали, но окружение из влюблённых парочек и счастливо проводящих вечерний досуг семей окончательно испортили настроение.

Шарик мороженого в открытом кафе вывалился из ложечки на рубашку, когда нежно-прохладные маленькие руки ладони закрыли мне глаза.

– Угадай, – вкрадчиво прошептали в ухо приятным голосом, окутав флёром приятных фруктовых запахов.

Вторжение в мою интимную зону было внезапным, не особенно приятным.

– Извини, Лагутин, не хотела напугать. Увидела тебя – обалдела от счастья. Не поворачивайся, так гадай.

– Голос знакомый... Соколова... нет, Кирпикова. Зойка!

– Так нечестно! Никакой тебе интриги, тайны. Столько лет не видел и сразу угадал. А, поняла, ты в витрину глядел.

– С закрытыми глазами? Смотри, что с рубашкой сделала!

– Фи, бука. Рубашка. Разберёмся, я рядом живу. Застираем, выгладим. Нашёл, о чём сокрушаться. Дай посмотрюсь на тебя. Возмужал, заматерел. Глупая я, глупая, да... такого орла упустила. Я ведь даже вспомнить не могу, почему на самом деле мы с тобой расстались. Надо же, у тебя глаза

тёмно серые, я думала синие. Посидим или сразу стираться пойдём?

– Неудобно, Зой. Я человек семейный. Дочка у меня. Чёрт с ней, с рубашкой. Чего тебе заказать?

– Кофе с коньяком и бокал холодного сухого вина.

– Ты-то как?

– Лучше всех. Выпьешь со мной?

– Разве что глоток. Замужем?

– Не встретила. Тебя вспоминаю.

– Не заводись. То был великолепный, но тренировочный забег.

– Кому как. Ты у меня был первый... и последний.

– Ты же сама... я помню.

– Я тоже, местами. Выкладывай свою версию. Обсудим.

– К чему ворошить прошлое?

– Для меня это настоящее. Хочу понять...

– С какого места начать?

– С того самого дня.

– Позвонила, попросила прийти, хотела что-то важное сказать.

– Я думала ты сам пришёл. Ну, дальше...

– Тебе тогда пятнадцать было, мне семнадцать. Дома никого. Ты завела разговор о том, что пора расстаться с детством, что кто-то из подруг давно...

– Разве я начала?

– Ты-ты, Зоя. Разделась, меня завела, что оказалось со-

всем непростым мероприятием. Я же мальчишка был. Самым сладким лакомством для меня был поцелуй, самым крепким – объятие. Дотронуться до груди через одежду – вершина соблазна, а тут такое.

– Сама, значит? Почему я считала, что ты взял меня силой?

– Разве теперь это важно?

– Дальше.

– Зачем тебе?

– Не знаю. Чёрное пятно. Помню, как пришёл, как выгнала, тоже помню, в промежутке пустота. Почему я на тебя обиделась? Должна же быть причина?

– Наверно должна, но мне она неизвестна. Ты буквально женила меня на себе. Надо было видеть твой взгляд, твою фанатичную настойчивость. Словно бесы вселились в твоё тщедушное тельце. В тебе тогда было... килограммов сорок – не больше. Потом мы застирывали бельё... в промежутках между истериками. Честно говоря, я тоже много чего упустил: было ощущение, что свет потушили. Несколько вспышек и финал. Ничего особенного в принципе. Помню, это позже, когда свершилось, обнял тебя сзади, хотел поцеловать... в шею, успокоить. Получил пяткой в самое уязвимое место. Дальше... ты меня с криками выгнала.

– Я тогда курить начала. До сих пор бросить не получается. Неделю вела себя как ненормальная.

– Я приходил. На следующий день и ещё целую неделю.

Ты не пустила. Разговаривать отказалась.

– Не понимаю! Я же тебя любила... люблю.

– Это лишнее. Первая любовь, она и есть первая. Мне тогда казалось, что жизнь потеряла смысл, что мир рухнул, я совершенно один на развалинах этого хаоса. Ты избегала встреч. Переболел, выздоровел. Так у всех торопыг случается. Надо было подождать, дозреть что ли.

– Я и теперь не дозрела. Пошли ко мне.

– Нет. Секс – не игрушки. Если сейчас тебе плохо, потом ещё хуже станет.

– Что ты себе придумал, что я опять... опять хочу женить тебя? Много чести. Застираем рубашку и проваливай. Больно надо за тобой бегать.

Отчего-то тревожно, с перебивками скрипело сердце. Я понимал, что идти с Зойкой – авантюра, но у меня было оправдание, точнее повод поступить так, а не иначе: пережитый, но до конца не отпущенный обман жены. Долг платежом красен.

Соня начала первой. Если соблазн победит, что маловероятно, счёт будет обнулён, только и всего.

Убедить себя изменить правила игры оказалось совсем несложно. Наверно подсознательно я был готов к лукавому обоснованию плотоядного любопытства.

Выглядела Зойка безупречно: ухоженная, сексапильная, стройная. Сладкий её запах давно и прочно проник вглубь сознания, которое давно решило, распланировало неминуе-

мое падение в бездну греха.

Зойка флиртовала не только взглядом: обещала, манила, соблазняла, дразнила. Было чем.

Для чего мне понадобилось это легкомысленное приключение? С подобного ракурса не было желания рассматривать вспыхнувшие с небывалой силой эмоции, вероломно подсухнутые глубинным инстинктом и услужливой памятью.

Представьте себе машину времени: берёшь в руки джойстик, одно движение и ты в прошлом.

Первый раз в первый класс. Зойка превратила меня в мужчину.

Следующий раз был интереснее, но запомнился навсегда именно тот.

Я долго держался. Во всяком случае до того момента, пока не снял для стирки рубашку.

Зойка дрожала всем телом, излучая позывные, которые сложно не заметить.

– Теперь моя очередь соблазнять, – решил я и вслед за рубашкой снял брюки.

Зойка слезливо захлопала ресницами, покорно встав в стойку готовности.

– Можно, – почему-то шёпотом спросил я, протягивая руки к упругой груди, не в силах более рассматривать возможный отказ как таковой.

Девушка смущённо потупила взор, покачала головой: то ли позволяя, то ли отказывая.

Точка невозврата была пройдена: внутри сорвалась упру-
гая по природе материала, из которого создана, пружинка,
запустившая первобытный инстинкт охотника. Мощно
вспыхнул огонь, распалаяющий фантазию, а вместе с ней жи-
вотную, яростную страсть.

Софья всегда казалась лучшей мне из женщин: самой же-
ланной, самой привлекательной и чувственной, но стоило
прикоснуться к Зойке, как я забыл обо всём на свете. Блеск
жены померк безвозвратно.

В одетых на меня концентрацией гормонов розовых очках
Зойкино тело казалось совершенным, желание им обладать
– импульсивным, настойчивым.

Девушка была ненасытна, изобретательна, нежна. Сложно
было представить, что я – первый и единственный мужчина
в её жизни.

Впрочем, мне было без разницы, насколько она целомуд-
ренна или опытна. Сладость и сила импульсов, заставляю-
щих немилосердно, безжалостно терзать податливую плоть,
была беспредельной.

Зойка оказалась образцом необузданной похоти.

Забег на сей раз был показательным, олимпийским.

– Не пришлось бы участвовать в награждении чемпио-
нов, – невольно подумалось мне. Чувственная страсть – про-
цесс необратимый и стимул серьёзный. Сумею ли справиться
с этой ситуацией без потерь?

О том, чтобы жить одновременно с женой и любовницей,

не могло быть речи. Как объясняться с Зойкой, как смотреть в глаза Софье, которая не ожидает подвоха: я ведь её как бы простил.

Тем не менее буйная оргия продолжалась всю ночь, вплоть до телефонного звонка, оглушившего и без того ошалевших страдальцев в самый пикантный момент слияния.

Рассвело, на проводе висела жена, просила на следующий день встретить в шесть вечера на автовокзале.

До начала работы оставалось чуть больше часа. Рубашка не постирана, брюки мятые, под глазами следы от изнурительного поединка.

Пружинка внутри закрипела, спряталась в потайное убежище до следующего раза.

– Нет, – дал я себе зарок, – мы с Соней квиты. Продолжение банкета отменяется.

– Ты не можешь так со мной поступить, – запричитала Зойка, повиснув на моей шее.

– Ты что – мстил за ошибку молодости? Я же люблю тебя, дурень!

– Прости. Наваждение нашло, галлюцинация. Ты ведь тоже не смогла сдержаться. У меня жена, дочь. Мне без них нельзя. Не казни... ни себя, ни меня. Отпусти и живи счастливо. На свете полно замечательных мужчин.

Весь день прокручивал я щекотливую ситуацию. Нельзя после случившегося молча уйти, дать повод безнадежно любить или тихо ненавидеть.

Нужно объяснить, убедить. Расставить все точки в конце романтической саги.

После работы я приобрёл большой букет, самый красивый торт и отправился разводиться мосты.

Зойка ревела, я старательно обходил пороги и мели, уверенно прокладывая безопасный маршрут.

– Давай расстанемся добрыми самаритянами, хорошими друзьями.

– Как ты себе это представляешь?

– Виртуально. У тебя есть аккаунт в фейсбуке?

– Конечно, есть.

– Добавь меня. Прямо сейчас добавь. Если сделал тебе больно – врежь по физиономии, будет справедливо, правильно.

– А если...

– Никаких если. Мы взрослые, должны уметь отвечать за поступки. Считаешь, что тебя опять совратили, обманули, кинули? Не согласен. Инициатива и на сей раз исходила от тебя. А вообще... ночь была сказочная. Будет о чём вспоминать, когда стану старой развалиной.

Разговор растянулся до темноты. Расстались миром.

– Не представляешь, как я соскучилась, шептала жена, дерзко прижимаясь ко мне в такси.

Софья была возбуждена, взволнована, выглядела вызывающе привлекательной, желанной, без стеснения ластилась.

Чувственная лихорадка загадочным образом перешла на

меня, заставив в свою очередь напрячься, принять недвусмысленную охотничью стойку, дала основание соблазниться перспективой с очень нескромным намерением.

– Странно, – подумал я, – по причине чего выкристаллизовалось подозрение, которое неуверенно конкурировало с угрызением совести.

Было обидно, – как так, я простил, а она, она...

– А сам, – тут же поправил я внутренний голос, – хватит играть в бирюльки. Или скажи правду... и разведись!

– Ну, уж дудки, – оборвал я внутренний голос, нежно целуя Сою.

Те несколько минут, пока кормили, укладывали спать нашу малышку, я изнывал от натиска желания.

На сей раз секс с супругой показался сногшибательным, экстремальным происшествием. Я реально угорал, погружаясь во влажную атмосферу необузданных эротических фантазий, был взбудоражен яркостью её свечения и своей потенцией.

– Что с тобой, милый, – задыхаясь в объятиях, спросила Софья, – ты сегодня бесподобен. Меня не было всего три дня, ты же ведёшь себя так, словно не виделась как минимум полгода. Не замечала за тобой прежде такой прыти. Уж не...

– Помолчи, – зажав её ротик, с придыханием прошептал я, чувствуя, что стремительно мчусь к финалу, – умру от счастья – будешь виновата.

– О, да, – вскрикнула в предвкушении оргазма жена, – то-

гда умрём вместе.

О пользе секса

*Рядом. И всё же врозь
Двое в тиши аллей.
Время сочится сквозь
Пальцы руки твоей.
Ласка дождя во тьме,
Мокрая нежность щёк...
– Знаешь, я больше не...
– Знаю... А я... Ещё...
Оксана Картельян*

Елизавета Альбертовна чувствовала себя ужасно уже не первую неделю, не понимая, почему так уныло проходит жизнь, отчего вдруг захотелось подвести итоги, обратиться к почти стёртым из памяти событиям, совсем с иным настроением.

Ей было не то, чтобы грустно или тревожно, нет, скорее одиноко и тоскливо, несмотря на то, что за мужем она жила как за каменной стеной, а умница дочка радовала достижениями и способностями, какими сама она не могла в этом возрасте похвастаться.

Это была тоска по ускользающей молодости, досада на то, что жизнь так и не выполнила ни одного из радужных обещаний.

Даже любовь и семейные отношения отчего-то превра-

тились в профанацию, заменив незаметно восторг головокружительных эмоций и сказочных приключений на список утомительных бытовых повинностей, украшенных совсем не романтичным исполнением супружеских обязанностей в убывающей прогрессии.

Скучно стало жить, скучно-о-о!

Монотонная обыденность душила мерзкой рутинной, лишая возможности что-то изменить к лучшему: на инициативу и творчество не было ни времени, ни сил.

Хитросплетения запутанных социальных и родственных связей, растущие как грибы после дождя неоплатные долги перед всеми, имущественные и родственные взаиморасчёты, страх потерять равновесие, сделав нечаянный, но оттого не менее предосудительный, непристойный или постыдный шаг, нарушив непонятные нормы кем-то циничным выдуманной морали.

Чем глубже погружалась Лиза в тягучий сироп размышлений о смысле жизни, о балансе справедливости, о вечных философских вопросах и незыблемых истинах бытия, о вбитых с детства в голову готовых рецептах счастливого будущего, тем тошнее ей становилось.

Понять, почему столько лет шла вслед за искристой радугой, а попала в душный болотный туман, было попросту невозможно, потому, что всё вроде делала правильно: искренне любила, сопереживала, с полной самоотдачей выстраивала и сохраняла, а в итоге – разрушение и тлен.

Сегодня Елизавета Альбертовна переживала особенно бурно. Сергей давно уже перестал замечать её присутствие, разве что проголодается или захочет переодеться в чистое бельё.

С работы стал приходить поздно, засыпать успевал до того как она закончит с хлопотами по дому.

Как женщина Лиза перестала волновать мужа довольно давно. Ведь пройти мимо не мог, чтобы не прикоснуться, не прижаться, не запустить шаловливые руки за пазуху или под подол. Целоваться мог часами. Любил, точно любил! И вдруг словно застыл.

Возможно, устал. Пусть уж отдохнёт.

Она прикрыла глаза, задумалась, пытаясь вспомнить, когда же в последний раз Сергей обнимал, не говоря уже про демонстрацию эротического желания, про страстные интимные ласки, чувственное наслаждение, возбуждение до потери сознания от неистового интимного слияния.

Ведь всё это было, было, было!

В другой жизни, о которой напоминает лишь семнадцатилетняя дочь красавица, свадебное платье в шкафу на несколько размеров миниатюрнее её сегодняшней, да альбомы со старыми фотографиями.

Дочь Катенька вытянулась, тело её украсили соблазнительные округлости, кожа приобрела упругую гладкость, привлекательную белизну.

Елизавета наглядеться не могла на свою принцессу – точ-

ную копию её самой каких-то двадцать лет назад.

Двадцать лет! Целая жизнь. Как здорово, что Катенька – плод взаимной любви, а не случайной ошибочной влюблённости.

Лиза достала с антресоли альбом двадцатилетней давности. Тогда у них было множество друзей. Куда все подевались!

Елизавета Альбертовна методично перелистывала страницы, брала в руки старые снимки, сверяла имена, фамилии, даты.

Из друзей, окружающих их с Серёжей отношения, их романтические приключения, скромные опыты первых поцелуев и прикосновений, Лиза сохранила связь только с Ромкой Самариним и Юлей Савиновой. Остальные, вон их сколько, незаметно растворились в прошлом, испарились, исчезли бесследно.

Серёжа был рядом все эти годы, но его тоже как бы и нет теперь. Он стал равнодушным, безучастным – совсем чужим.

Лиза расплакалась, благо дома она была совсем одна – можно было отпустить на волю эмоции: нареветься вдоволь, пожалеть себя, высказать виртуальному обидчику всё-всё, что угодно, пусть мучается, негодяй!

Сейчас она ощущала неустроенность в отношениях как сильнейшую социальную боль. Елизавете Альбертовне как вода, как воздух необходимы были прикосновения, поцелуи, разговоры по душам, и не только: не хватало ощущения еди-

нения, сопричастности – некоей артерии, которая питает духовное и физическое родство.

Каждую ночь, глядя на спящего спиной к ней мужа, она проваливалась в странные фантазии, жила в них, представляя себя, то женщиной лёгкого поведения, то счастливой любовницей. Потом засыпала, утомившись бесплодным вождением, и до самого утра смотрела повторяющиеся, с продолжениями и сценарными доработками эротические сны, в которых видела и совершала такое, что при свете дня можно не раздумывая назвать безудержным развратом.

Ей было неловко, стыдно за эти греховные видения, которых она боялась, потому всё упорнее и настойчивее старалась не думать на подобные темы.

Тщетно! Как мысли, так и сны были беспощадны к её чувствительной нравственности.

В реальности ни за что и никогда ничего подобного Лиза не могла бы допустить, но ведь всему есть причина. Всему!

В жизни, в её личной жизни, всё происходило до ужаса нелогично, парадоксально: чем больше она отдавала, тем меньше возвращали обратно. Чем больше усилий прилагала, чтобы созидать, тем стремительнее рушилось уже выстроенное и отлаженное благополучие. Чем больше вещей, ценностей и комфорта появлялось в их семье, тем меньше становилось моментов беспредельного и даже обыденного, мимолётного счастья.

Список противоречий пополнялся день ото дня, сжимая

шагреновую кожу моментов, способных вызвать если не блаженство, то хотя бы умиротворение.

Несмотря на внутрисемейный разлад, Елизавете Альбертовне завидовали. Мало того – осуждали и обсуждали “незаслуженное” везение.

Может быть, именно эта невысказанная враждебность окружающих, с кем они с Сергеем соприкасались, их ревнивое презрение, немое осуждение, и были главной причиной отчуждения, эмоциональной холодности?

Вчера вечером Лиза предприняла очередную попытку завязать разговор с Сергеем, выяснить причину его равнодушия. Их общение в последнее время ограничивали фразы “Привет”, “Я ушёл”, “Корми, мать”, “Устал как собака”, “Отвали” и десяток менее эмоциональных, но тоже коротких как выстрел командных формул.

– Поговорим, Серёжа!

– Не сегодня.

– Почему не сейчас?

– Догадайся! Неужели непонятно – я устаю. Мне необходима тишина, обособленное интимное пространство, чтобы восстановиться, чтобы побыть собой и с собой. Я работаю, стараюсь, тебе и этого недостаточно.

– Ошибаешься, мне ничего не нужно, кроме твоего участия, кроме любви и сочувствия.

– Замечательно! На этом и закончим диалог. Про любовь всё было сказано до нас, её не существует. Если есть се-

рвѣзные проблемы, которые требуют именно моего участия – обоснуй... в письменном виде. Будет время – ознакомлюсь. Я спать. Андестенд?

– Может быть нам расстаться, если любви не существует, если нас больше ничего не связывает? Мне необходим живой мужчина... из плоти и крови. Тѣплый, внимательный, заботливый. Я нуждаюсь в волнующих доверительных диалогах, в признаниях и исповедях, в нежных прикосновениях... в объятиях, поцелуях, в безумном сексе, наконец! Да-да, и в нём тоже. А ещё в том, что нас некогда сблизило, что превратило отношения застенчивого мальчика и впечатлительной девочки в долгосрочный и крепкий семейный союз. Я хочу жить, но не как-нибудь, а насыщенно, вкусно.

– Бессмысленный монолог. Вкусное и калорийное лежит в холодильнике. Открой – увидишь. Всё, что ты перечислила, усложняет жизнь. Развод – многократно. Нет смысла менять что либо, когда большая часть пути пройдена. Бежать обратно – далеко, да и глупо. Разбежаться, идти поодиночке – опасно и сложно.

Смирись с реальностью, Лиза. Ты меня больше не возбуждаешь, но менять лично я ничего не собираюсь. Это нерационально. Я человек сугубо семейный, у меня взрослая дочь. Поверь, тебе не грозит опасность остаться одной. Давай прекратим беспредметные разговоры о любви и эротике. Наш поезд ушёл. Если хочешь – могу купить тебе люксовый вибратор. Он тѣплый, всегда под рукой, а забота и внимание –

его профессия.

– Спасибо, обойдусь. Остался один вопрос – как ты поступишь, если узнаешь, что я влюбилась. Не отомстила за равнодушие, не бросилась с головой в омут блуда, а испытала реальное романтическое чувство, от которого нет спасения, кроме полной самоотдачи? Ты ведь бросил меня. Ты готов поделиться мной с механической игрушкой, предлагаешь приспособливаться к полному одиночеству в семье. Может быть, нам демаркационную линию провести по всем комнатам, чтобы чётко определиться – где твоё, а где моё интимное пространство?

– Бред! Ты не так воспитана. Хватит уже мечтать о несбыточном. Посмотри на себя в зеркало и успокойся. Если у меня на тебя не сто... хм-м... если нет аппетита... пораскинь мозгами, Лиза! Куртизанками и гетерами становятся в детстве. Твою женскую привлекательность можно причислить к мифам древнего... ладно, неважно, не в том суть. Если есть желание продегустировать мерзость разврата – рискни, отведай. Результат тебя разочарует. Я бы на твоём месте сто раз подумал.

Мы с тобой идеальная пара. Разве я мешаю тебе жить? Накануне сорокалетия мечтать о любви... немислимая авантюра. Заелась ты, Елизавета Альбертовна. Хотя, возможно... уж не климакс ли у тебя, голубушка! Возможно, возможно...

– Конечно, возможно. Вот и попробую, вот и узнаю. Расцениваю твоё заявление как новую веху в наших отношени-

ях, как сексуальную и нравственную свободу. А ты – отдохай, отдохай!

Лиза вспомнила первое объятие, первый поцелуй, переживания по поводу воплощения мечты скорее стать взрослым, не своей, его, Серёжиной мечты.

Она долго тогда страдала от страха поступить неправильно, много раз решалась и передумывала. Сергей настаивал, упрасивал, приводил миллион доводов. Лиза отбивалась, но вяло. Любовь – та же наркотическая зависимость.

Уступила она сознательно, когда родители уехали к заболевшей бабушке.

Ей было пятнадцать, ему восемнадцать. Лизу трясло от странных предчувствий. Она была против преждевременного, до свадьбы, до совершеннолетия, эксперимента с избавлением от скромной девичьей добродетели.

Было страшно безвозвратно лишиться чего-то такого, о чём принято говорить только шёпотом, ошибиться в выборе единственного, ещё досаднее было бы потерять любимого.

Если уж для него это так важно, если уязвимое мужское самолюбие нуждается в самоутверждении подобным образом, если для любви и счастья необходима подобная жертва, если другого выхода нет – пусть получит желаемое. Она готова поделиться с Сергеем даже самым-самым сокровенным.

Лиза приняла решение, позвонила. Он тут же всё понял, прибежал. Наверно по интонации что-то почувствовал, или интуиция сработала.

По тому, как она смотрела, как прижималась, как охотно подставляла для поцелуев губы, по замешательству и безропотной готовности подчиняться, по бездействию и непонятно ещё каким образом, Серёжа догадался, почему именно в этот день ему можно всё.

В воздухе висела звенящая тишина, по всему телу толпами бегали мурашки, дышать было нечем, говорить особенно не о чем, потому что мысли переселились в иную плоскость, в параллельные миры, где нет ничего, кроме мужчины и женщины в первозданном воплощении.

Как же она боялась, как жаждала, чтобы произошла эта важная для Сергея экзекуция (иначе воспринимать вторжение в неприкосновенную интимную сферу девочка не могла), как можно быстрее.

Всё произошло буднично и быстро. Сергей едва успел в неё войти, как случилась разрядка. В глазах и в голове у Лизы властвовал туман, смотреть на обнажённое тело друга она не посмела.

О том, что целомудренность стала прошлым, свидетельствовали липкие красноватые потёки на бёдрах и простыне. Ощущений она не запомнила.

Потом Лиза бесконечно долго лежала с закрытыми глазами, а любимый рассматривал то, что под страхом смерти она не показала бы никому другому.

Было ужасно стыдно вот так лежать под пристальным взглядом исследователя самоучки. Сергея колотило так, что

клацали зубы. Он дотрагивался, вглядывался вглубь, просил потерпеть ещё немного, упрашивал попробовать ещё разочек.

Лиза не могла на это решиться именно сегодня, не хотела испытать унижение повторно. Она накрылась простыней и плакала, плакала, не понимая почему: ведь сама позвала, сама согласилась.

Серёжка извинялся, шептал что-то глупо несуразное про вечную любовь, про то, что готов хоть сейчас жениться, что всё серьёзно, что их отношения – это навсегда.

Вечность закончилась около года назад. Любимый не предал тогда, не бросил, не струсил. А теперь... просто охладел.

Любил ли на самом деле – кто знает, но прожитые вместе двадцать два года, если отчёт вести с того памятного дня, говорят о многом, только теперь не понятно – о чём именно.

Жить с человеком, которому нет до тебя дела, обидно и горько. Спустя столько лет Лиза опять стояла перед страшным выбором: похоронить себя заживо или безжалостно перечеркнуть прошлое и начать жить настоящим.

Она решилась. Жертва, принесённая некогда на алтарь любви, оказалась напрасной. Это давало право дальнейший путь выбирать самостоятельно.

Лиза выбрала право налево. Ведь на измену, точнее на переоценку ценностей, можно пойти не только потому, что угнетает ощущение себя несчастным, но и оттого, что хочется ещё раз испытать некогда пережитый восторг от ощу-

ния безграничного счастья.

Сергей сам виноват – нельзя переступать черту. Она дала мужу шанс, он отказался выстраивать новые отношения. В тех рамках, на которых упрямо настаивал он, стало тоскливо, тесно: не хватало кислорода, жизненных сил и чего-то ещё, что вовлекало в затяжную депрессию.

Вспомнились брошенные бесстрастно жестокие фразы о возрасте, о климаксе, что стало для Лизы шоком (она не могла принять выпад мужа в таком ракурсе за истину).

Намёк на поблекшую привлекательность, на то, что полюбить её такую невозможно по ряду объективных причин был равнозначен удару под дых.

Елизавета Альбертовна скинула с себя одежду, включила в комнате полную иллюминацию, принялась придирчиво рассматривать тело.

Если бы рядом с ней сейчас стояла Катенька, если бы кому-то пришлось в голову сравнивать маму и дочку, повод разочароваться был бы безмерным: в тридцать семь лет выглядеть девочкой невозможно, несмотря на отсутствие целлюлита, на сохранившуюся стройность фигуры, гладкую кожу, плоский животик и пушистые волосы. Возраст безжалостен.

Лизе было чем гордиться: подруги всегда удивлялись, что она как бы, не стареет. Недавно её приглашала на свою свадьбу Кира, подруга из числа сослуживиц, которой был сорок один год. Она была счастлива, она светилась воодушевлени-

ем.

Было немножко завидно. Они с Кирой закрылись в туалете и ревели в обнимку: подруга от счастья, а Лиза от обиды и унижения. Сергей на ту свадьбу демонстративно не пошёл.

Её провожал домой Григорий Павлович, тот самый счастливый жених.

Она пришла домой за полночь.

В кухне горел свет. Сергей выглянул в окно. Лиза попросила Григория обнять её, хотела хоть как-то напомнить мужу о том, что женщина, вызвать если не любовь, так ревность.

Тщетно. Сергей издали принял, демонстративно фыркнул, изобразил презрение, и ушёл спать.

Лиза быстро разделась, накинула расшитый васильками и маками льняной пеньюар, юркнула под одеяло, обняла демонстративно отвернувшегося мужа.

Сергея передёрнуло. Он сбросил с себя руку жены, завернулся в отдельное одеяло и сделал вид, что спит.

Это был последний случай, когда их тела соприкасались. Спали супруги на широченной кровати в полутора метрах друг от друга.

Лиза придирчиво рассмотрела своё отражение, принесла банкетку и косметику, долго прихорашивалась, потом смыла следы макияжа (вот-вот должна была вернуться красавица дочь).

Решение было принято: пусть будет что будет, она попробует изменить, готова на интимную связь с любым прилич-

ным мужчиной. Правильно это или нет – неважно. Сергей сам подтолкнул её к такому шагу.

В конце концов – пусть отвечает за свои гадкие слова.

Лиза подмигнула отражению. Во сне она изменяла, и не раз, стоит попробовать влюбиться всерьёз, пусть даже от-даться без любви, лишь бы доказать себе самой – ещё не ве-чер, рано списывать её в тираж.

Елизавета Альбертовна зарылась в интернет в поисках сайтов знакомств, завела на одном из них, который показал-ся наименее вульгарным, аккаунт, поместила в качестве ил-люстрации весьма удачную фотографию, на которой устре-милась вперёд, но оглянулась.

В кадр, кроме неоспоримых достоинств фигуры попали глаза, и игриво приподнятая левая грудь.

Волосы на фотографии развивались флагом, динами-ка изображения свидетельствовала о неплохой физической форме, а возраст и вовсе определить было невозможно.

Лиза написала, что готова вступить в романтические от-ношения (на первом этапе без интима). Описала требования к претенденту: самостоятельный интеллигентный мужчина в возрасте до пятидесяти лет, не имеющий квартирных про-блем. Отметила, что возможен вариант длительной связи, ес-ли возникнет взаимная симпатия, что мечтает о трогатель-ных отношениях, но настаивает на искренности и взаимном доверии.

Её анкету в тот же день посетил десяток мужчин, трое из

которых отправили свои координаты и предложили встретиться.

Двоих Лиза отсекала сразу – претенденты не укладывались в её эстетические понятия о романтических отношениях. Но один... пятидесятилетний вдовец (так он себя отрекомендовал), Игорь Леонидович, майор в отставке, вызвал в её душе сентиментальный отклик.

Они начали переписываться и уже через несколько дней договорились встретиться на нейтральной территории, в кафе мороженое.

Лиза возбудилась, придумала себе любовь, даже помолодела внешне.

В голове звучали окрыляющие сентиментальные аккорды, поднимающие и без того взвинченное настроение. Хотелось петь и плясать.

На волне воодушевления Лиза подумала, что если случится то, ради чего была затеяна авантюра с любовником, если он окажется именно тем, каким его представляет, отказываться от более тесного интимного знакомства не станет.

Получится ли быть естественной, сможет ли подпустить к себе на близкое расстояние постороннего мужчину – вот что волновало её в первую очередь. Ну и конечно, как будет выглядеть в постели, если почувствует необходимость разделить с претендентом ложе, во что оденется для похода на свидание, какое нижнее бельё должно быть у любовницы, чтобы не случилось интимного казуса (всё-таки мужчине пять-

десять лет – не мальчик).

В голове у Елизаветы Альбертовны гулял ветер. Сквозняк выносил вовне все мысли, кроме тех, которые входили в комплексное представление о счастье приличной женщины тридцати семи лет.

“Нижнее бельё непременно сексуальное, самое-самое невообразимо непристойное, духи с возбуждающим запахом. Я тебе докажу, Серёженька – в меня не только можно влюбиться, меня нельзя не любить!”

У Лизы даже возникло желание слегка похулиганить. Она прошла на пустынную аллею и метров пятьдесят прыгала как в детстве на одной ножке, когда душа радовалась жизни. Даже стихи сочинила совершенно без напряжения. Слова и рифмы появились в голове ниоткуда.

Воздух свеж – не напиться. Так манит опьяняющий запах... я машу пролетающим птицам, почему-то спешащим на запад. Ароматные пряные травы на закате ласкают ноздри. Тонкий месяц порхает справа, облака на восток сносит. Свет небес угасает неспешно, нас крылом накрывает темень, а лягушки заводят песню с непонятной игривой темой...

Ещё с какой игривой, страшно – аж жуть! Но до чего хочется вернуться в беззаботную юность, в пору головокружительной романтической влюблённости!

Елизавета Альбертовна заметила вывеску магазина для взрослых, решила заглянуть.

– Мне нужен комплект, – Лиза обернулась, нет ли кого

поблизости, и зашептала, – самого эротического белья, чтобы сразу поразить, насмерть, чтобы варианта не влюбиться не могло быть. Вот!

Она едва отдышалась от собственной наглости, – не подумайте, это не мне – дочке, но размер как у меня.

Продавщица как-то странно скосила глаза и продемонстрировала три прозрачных комплекта, состоящие из тесёмочек и ажурных полосочек: белый, чёрный и красный.

Цена убила Лизу наповал. Она разволновалась, покрылась нервными пятнами, но решительность её не оставила.

– Один раз живём, – подумала она и взяла кипельно белый.

Сознание вернулось к ней уже на улице.

Чтобы как-то остудить воспалённую нервами кожу Лиза купила два стаканчика мороженого и отправилась в парк, к пруду с лебедями.

Развратный комплект в сумочке обжигал сознание. Ей казалось, что она уже, уже изменила! Фантазия ловко унесла её на свидание, где любовник (словечко-то какое пошлое), любовник ошалел от запаха её страсти (или это она сама сошла с ума), но вошёл он в неё слёту. Глубоко, грубо, но до одури приятно.

Лиза дышала как загнанная лошадь, не в силах остановить вожделение. Она знала, помнила это удивительное состояние, предваряющее экстаз.

Вокруг были люди. Они, конечно, не знали, что с ней про-

исходит, но могли догадаться. Нужно было что-то срочно предпринять, она ведь не шестнадцатилетняя девочка, чтобы улететь в космос на глазах у всех.

От неминуемого позора её спас мужчина, который куда-то спешил. Они синхронно хлопнулись лбами, разлетелись в разные стороны, потом долго извинялись.

Волнение как рукой сняло, не оставив следа. Зато мужчина, звали его Анатолий, проводил Лизу до самого дома.

По дороге, получилось у него это непринуждённо, словно это была традиция, купил букет цветов, успел рассказать свою биографию, начиная с детского сада, с чувством читал наизусть романтические стихи.

У подъезда новый знакомец объявил, что никогда не верил в любовь с первого взгляда и вот нате вам, – придется согласиться, что это не сказки. Вы прелесть! Давайте встретимся... завтра. Нет, сегодня вечером, а лучше прямо сейчас. Зачем откладывать праздник восторженного сердца, именины любви. Приглашаю вас... на чашечку кофе. Знаю замечательный бар, там такая изумительная романтическая обстановка, такая располагающая к общению музыка! Обещаю не разочаровать. Не откажите, фея, я буду беспрельно благодарен судьбе. И счастлив непомерно. Вы замужем?

– И да, и нет. Всё сложно, необъяснимо. Впрочем, неважно. Давайте встретимся завтра. Там же, в парке. Думаю, вас не сильно смутит шишка на моём лбу.

– Нисколечко. Я компенсирую. Любой каприз. Вы вери-

те, что случайность – закономерность более высокого порядка? Я уверен, что вас мне послало провидение. Удивительно, что таким экстравагантным способом, но это неважно. Буду с нетерпением ждать встречи.

Анатолий минут десять ещё держал Лизу за руки, целовал, сначала тыльную сторону ладони, потом запястья, все по очереди пальчики.

Она краснела, смущалась как старшеклассница на первом свидании. Сердце колотилось, внутри что-то удивительно интимное напряглось, заставляя сдерживать дыхание.

В сознании вдруг всплыл призрак прошлого, больно сжал сердце. Ах, если бы это был Сергей!

Лиза почти забылась.

Всё же ей было приятно подобное (как тогда, в молодости) внимание.

Анатолий выглядел ровесником, возможно даже несколько младше, был весьма привлекателен внешне, а самое главное – от него пахло, что вовсе невозможно понять, Серёжей.

Лиза даже забыла, что на вечер у неё назначена встреча с Игорем Леонидовичем, что стоят они с восторженным, недвусмысленно флиртующим с ней знакомцем под окнами квартиры, где она проживает с дочкой и мужем.

Елизавета Альбертовна опрометчиво не задумалась, что букет цветов и расшаркивания привлекательного мужчины говорят о грехопадении лаконичнее и красноречивее, чем объявление в местной газете.

Ей почему-то не было дела, что за двадцать или около того минут свидания-расставания её нравственное падение стало предметом внимания целого дома, что в числе зрителей случайно оказался муж.

Лицо ошарашенной женщины светилось как начищенный, закипающий уже, медный самовар, что возмутительно непристойное поведение стало импульсом, запустившим цепь непредвиденных реакций, изменивших в одно мгновение опостылевшую жизнь, подняв её акции на бирже любовных отношений до небывалых высот.

Серёжа не кричал, не возмущался, не фыркал. Неожиданно для Лизы муж помог снять пальто, поставил перед ней тапочки, принял букет, вложил его в вазу.

– Ты наверно устала, Лизонька, сейчас будем ужинать. Яичница с беконом и зелёным горошком тебя устроит? Кстати, у нас после визита Плотниковых осталась пара бутылочек вина.

Лиза ошалело смотрела на Сергея, не понимая, что происходит, но решила не вмешиваться, досмотреть до финала странный спектакль, который пришёлся ей по вкусу.

Чтобы усилить эффект присутствия, добавить остроты в небывалую ситуацию она решила прыснуть за ушки по капельке духов с феромонами.

Лиза открыла сумочку. На самом верху лежал комплект эротического белья. Рука её остановилась было, но вспомнилась недавнее заявление муженька о том, что ему без разли-

цы, влюбится она или решится изменить, поэтому она смело выложила ажурное бельё на тумбочку.

Лицо Сергея вытянулось, потускнело. Он даже постарел в одно мгновение.

Лиза посмотрела на него и всё поняла. Женская интуиция сработала безотказно, молниеносно предоставив решение казуса.

– Это Катеньке. Я давно обещала ей молодёжный комплект.

– А мужчина, а цветы, я что – слепой!

– Всё просто. Это коллега, Анатолий, у него сегодня ночью родилась дочка. Счастливый человек способен на безрассудства. Он меня даже на свидание пригласил, – Лизе было важно увидеть реакцию мужа на подобное заявление. Она ещё сомневалась, не могла поверить, что сумела-таки взбодоражить, встряхнуть своего мужчину.

Лиза закинула руку за спину, сложила пальцы крестиком.

– Что ты говорил про вино и яичницу?

Сергей засуетился, засиял.

Романтический вечер был поистине волшебным. Даже Катенька была в восторге. Подарок ей тоже понравился, но примирение родителей куда больше.

Ночь после праздничного застолья стала поистине сумасшедшей.

– Старый друг лучше новых двух, – подумала удовлетворённая Лиза, обнимая мужа, который неожиданно вспомнил

про любовь, про неоспоримую пользу активного секса.

Пятнадцать секунд

Мне не страшно – страхи позади,

Я дрожу скорее от волнения.

Сердце так колотится в груди,

Словно я иду на преступление.

Вера Сергеевна Бутко

Виталий любил вечера в пятницу. Этот день был наполнен приятными устоявшимися ритуалами, которые сулили удовольствия и расслабление после недели, заполненной до отказа совсем не творческой трудовой деятельностью в душном офисе.

На семнадцать часов как обычно была заказана сауна, где он встречался со старыми приятелями. Щедрый жар, энергичные манипуляции веником с ароматным берёзовым духом и освежающие водные процедуры поднимали настроение, наполняя каждую клеточку тела энергией, желанием жить.

Приятное во всех смыслах мероприятие прошло легко и задорно. Прекрасно в этот раз было всё: замечательные рассказы и шутки, душистый чай, расслабляющий массаж. После сауны немного посидели в холле, с удовольствием выпили по кружке пива.

Друзья решили через часик продолжить вечер в ресторане, а у Виталия были совсем другие планы. Сегодня в баре

“Романтика” был вечер бардовской песни, на который были заявлены несколько признанных корифеев жанра.

Он тоже сочинял и немного пел, правда, стеснялся исполнять свои творения на публику. Тем не менее, пропустить замечательное мероприятие не хотелось. В такие вечера в баре собиралась особенная, степенная публика, избегающая шумных мероприятий.

Разговаривали мало. Внимание посетителей было направлено на небольшую сцену, на которую выходили солисты и аккомпанирующие им музыканты.

Завсегдатаи и исполнители вели себя как старые знакомые.

Виталий наслаждался талантливыми балладами, ритмическими гитарными аккордами, рождающими навязчивое желание искать и находить, восхищаться и радоваться, любить и ненавидеть, сострадать, горевать, гореть.

Ему тоже хотелось спеть, но мешала природная стеснительность.

Чтобы преодолеть робость Виталий выпил пару порций коньяка. В голове зашумело, кровь становилась всё горячее.

Чего именно пел, Виталий хоть убей – не помнит, но аплодисменты, следовательно, зрительские симпатии, в мозгу отпечатались чётко. И ещё она, скромная, но изысканно, дорого одетая девчонка, неожиданно наградившая его по-настоящему интимным поцелуем.

Виталий осторожно, чтобы не потревожить незнакомку,

вынул затёкшую руку у неё из-под головы. Несмотря на довольно плотные пары алкоголя, аромат, исходящий от упругого тела девушки, лицо которой сложно было разглядеть в темноте, да и лежала она, уткнувшись в подушку, завораживал, будил первобытные влечения.

Мужчина напрягся, вспоминая детали и подробности почти стёршегося из памяти вчерашнего вечера. Слишком много событий форсировано разворачивалось в баре.

Гостью, кажется, зовут Софья. Или София. Белая бархатистая кожа с мраморными прожилками, острые плечики, рыжие вьющиеся волосы.

Виталий не смог удержаться от соблазна осмотреть, исследовать, насколько это возможно в сумеречном свете, обнажённое девичье тело, сгорая от любопытства, заглянул под одеяло. Упругие ягодицы, осиная талия.

Видение вдохновило и обрадовало. Ужасно захотелось близости, но...

Знать бы, что и как происходило накануне. Действие алкоголя на потенцию и поведенческие реакции непредсказуемо. Как жаль, что в памяти не осталось ни впечатлений, ни эмоций: слишком много восторженных похвал, слишком много алкоголя.

На столе стояли и лежали бутылки из-под шампанского, бокалы с недопитой жидкостью, обёртки от шоколада, махровое полотенце и скомканые девичьи трусики. На полу в беспорядке валялись мужские и женские вещи, подаренная

друзьями на последний день рождения концертная гитара.

Виталий прислушался к едва слышным звукам дыхания ночной гостьи.

Какая она, кто, почему оказалась в его холостяцкой постели?

Мужчина не мог вспомнить детали знакомства, обстоятельства, сблизившие его и нечаянную любовницу. Не в его правилах вести себя в любимом баре подобным образом. Туда он приходил не знакомиться, не развлекаться. Виталия привлекала раскрепощённая творческая обстановка, близость к энтузиастам песенного жанра, к исполнителям, музыкантам и поэтам. Романтическая составляющая творческих встреч ни когда не выходила за рамки приличий. Да и не любил он знакомиться с девушками наспех.

И вдруг такое отморозить.

О чём говорили, чем делились, насколько близко познакомились? Судя по обстановке, по следам, оставленным гусарскими посиделками, по откровенной обнажённости гостьи, процесс интимного общения зашёл слишком далеко.

Всему виной коньяк, который он пил для храбрости, к тому же без закуски и после сауны, которая, что известно каждому, значительно ускоряет обменные процессы. Хмель проник внутрь мозга уже от первой порции, а ведь была ещё вторая, и кто знает, возможно, третья, четвёртая.

В голове шумело, но близость шикарного девичьего тела оказалось замечательно сильным антидотом. Естественным

и верным решением было бы...

Виталька одним пальчиком, едва касаясь, провёл по бедру прелестницы, отчего мгновенно восстал его мужская гордость. Сердце заколошматилось в ритме танго, дыхание стало прерывистым, горячим.

Несколько остудила его романтические устремления лишь здравая мысль, что интимное продолжение без взаимного согласия, без предварительного стимулирования, может закончиться вполне резонными претензиями доверившейся ему дамы.

Обязательства и матримониальные устремления в его планы точно не входили. В двадцать пять лет слишком рано обзаводиться семьёй.

Да и кто эта прелестная девушка, какая она на самом деле! Что, если она охотница за квадратными метрами, за определённым социальным статусом? Мало ли в наше беспокойное время аферисток.

Нет, нет и нет! Нельзя нырять с головой в омут, если не знаешь глубину русла и береговой фарватер. Можно на что-либо неприятное напороться. По ягодицам и талии сложно узнать человека, его к тебе отношение, особенности характера, тем более в столь сладкий момент, когда вся витрина перед тобой, в зоне доступности.

Но, хороша, зараза! Так бы и вдул...

Виталий лихорадочно соображал, как быстрее и без особых хлопот расстаться с гостьей, не потеряв при этом респек-

табельность и впечатление о себе как о человеке интеллигентном, глубоко порядочном, с изрядной долей творческого потенциала.

Сочинять и петь песни – одно, использовать благодарных слушательниц как переходящий из рук в руки приз – совсем другое. Слишком уж просто они познакомились. И сразу постель.

Честно говоря, вспомнить нечего. Было или не было чего – тайна, покрытая мраком. Был бы фонарик, можно было бы провести тщательный осмотр места происшествия. Как-то не очень романтично выглядит ситуация.

Но девушка здесь, лежит в изумительно доверчивой позе, в прекрасном со всех сторон бесстыдстве девственной наготы, благоухает так, что дух захватывает. Протяни руку и почувствуешь, как бьётся юное сердечко, как курсируют дыхательные мышцы, как вибрирует под напором кровяного тока тончайшая бархатная кожа.

Наблюдать за спящей гостьей было на удивление приятно, но нагнетаемое не без помощи пикантных мыслей кровяное давление судорожно пыталось выключить из сети напряжения мозг. Переполняющие восприимчивое воображение эмоции вызвали бурление и зуд во всех чувствительных областях возбуждённого близостью тела.

Руки сами собой тянулись по направлению к источнику интимной гравитации, такому соблазнительному, такому желанному, что дух захватывало.

Эротические фантазии вкупе с лежащей в нескольких сантиметрах прелестницей стимулировали непредсказуемые физиологические реакции, подталкивали всё же воспользоваться благоприятным моментом. Вон ведь как соблазнительно девчонка раскинула ножки.

Виталий не заметил, как сантиметр за сантиметром сдвигает в сторону одеяло, как ложится в удобную для восторженного созерцания нагой красоты позу. Кожа прелестницы под влиянием свежего воздуха мгновенно покрылась мурашками, грудь наполнилась кровью, на удивление яркие сопочки напряжинились, давая и наблюдателю повод обратиться, наконец, внимание на естественную реакцию собственного друга.

Греховный соблазн сосредоточился на впалом животике, на дорожке, ведущей вниз, меж изумительно белых, трогательно беззащитных бёдер. Когда похотливо восторженный взгляд проследовал от коленей нимфы к перекрестью прелестных ножек, София потянулась и сменила позу, открыв любопытному взору перламутровую раковину, вход в которую был закрыт, но мысленно Виталий уже давно проник внутрь.

Утро стремительно проникало сквозь не очень плотно зашторенные окна. Видно стало лучше, но начала таять зага-

дочность, то, что скорее угадывалось, чем было на самом деле.

Девчонка была самая обыкновенная.

Остаться с Софией на весь выходной день, особенного желания не было. Виталий не любил неожиданные сюрпризы, особенно, когда можно пару лишних часиков понежиться в постели, помечтать, покатать в уме камешки красивых слов, из которых приливная волна творческого воображения способна создать непростые, изысканные рифмы.

Планы на субботу и воскресенье были определены заранее, отступить от привычного течения событий Виталий терпеть не мог, именно поэтому и не стремился к “семейному счастью”, которое считал преждевременным и нерациональным.

Вот если бы слегка покувыркаться по обоюдному согласию, обогатить утро позитивными впечатлениями и сразу же, без сантиментов и донкихотства, расстаться. Но как!

Самый лучший выход – приготовить кофе с парой бутербродов, разбудить и заявить, что срочно необходимо отбыть на заранее запланированную встречу. Чтобы не вызвать подозрений, дать номер телефона, в котором как бы случайно перепутать одну или две циферки.

Пусть хоть обзвонится. Главное, чтобы испарилась без эксцессов.

От этой мысли настроение слегка подскочило. Немного – на пару-тройку градусов, не более.

В этот момент София зашевелилась, перевернулась к Виталию лицом и во сне состроила уморительную рожицу. Аккуратные округлости с яркими восставшими сосочками смотрели на него во все глаза, в очередной раз вызвав взрывную реакцию внизу живота.

Пора было на что-то решаться. Пан или пропал. Спокойно смотреть на это неприлично раздражающее, назойливо залегающее в мозг зрелище, было попросту невозможно.

Однако София спала сном невинного младенца, не подзревая, какие гормональные страсти бродят во взбудораженной похотью крови незадачливого любовника.

Она опять повернулась, сбросив одеяло, которым Виталий старательно её укрыл, чтобы отвлечь внимание от соблазнительных артефактов, бесстыдно явив слегка успешшему отойти от предыдущего эмоционального порыва взору цветущий над лоном куст рыжей растительности. Мужчина невольно принюхался, как кот, учуявший сметану.

Его лихорадило и трясло, заставляя помимо воли напрягать восставшее естество и не менее напряжённые чресла.

София открыла один глаз, улыбнулась, послала губами-вишенками воздушный поцелуй.

– Ты так плотоядно смотришь на мою интимную причёску, на животик, на грудь. Не очень честно наблюдать за спящей девушкой без её согласия. Это похоже на подглядывание в замочную скважину. Скажи, хоть, что я тебе нравлюсь, не скупись. Ты же рыцарь.

– С чего ты взяла!

– У, бука, я что, нарушила сокровенные планы! Есть что-то важнее общения и близости, или ты меня боишься? Шалунишка! Я не ем мальчиков, которым больше восемнадцати лет. Ладно, не напрягайся, не собираюсь лезть к тебе в душу. Постель – не повод для знакомства, уже поняла. Ты застенчивый холостяк, это я поняла сразу. Обидно. Кстати...

– Что ещё... я что-то вчера натворил?

– Да нет. Просто хотела сказать... теперь даже не знаю, насколько это для тебя важно. У нас ничего с тобой не было, кроме вполне целомудренных поцелуев. То, что ты видишь, это бонус, приз зрительских симпатий. Возможно, аванс. Я могла бы потребовать сатисфакцию, но ты слишком напряжён, чтобы принимать важные решения.

Ты вообще не склонен принимать серьёзных решений, тебя всё устраивает. Зачем усложнять то, что с любовью выстроено в разумную, логически продуманную цепочку событий, в которую я естественным образом не вписываюсь.

Не знаю, почему, возможно тебе не понравилась моя не вполне обычная внешность, или вызывает опасение лёгкость, с которой ты завоевал право возлежать на интимном ложе с рыжей бестией. Кто она, зачем здесь, чего добивается! Так ведь думаешь, юноша. Впрочем, теперь неважно. Все вопросы, которые я хотела задать, и все ответы на них, я получила, заглянув в твои глаза. Мне, пожалуй, пора. Не стану больше утомлять не очень желанным присутствием. Извини!

– Да-да, я понимаю. Наверно ты куда-то спешишь. Чай, кофе, душ... или сначала завтрак. Могу предложить пельмени, яичницу с беконом.

– Сначала в ванну. Секса у нас не было, но я была так возбуждена. От меня наверно за версту пахнет похотью. стакан холодной воды и таблетку аспирина, если имеется в этом доме подобная роскошь, больше ничего не нужно.

Виталий сжался, отвернул взгляд. Ему вдруг ужасно захотелось предложить Софии остаться. Ненадолго. На часик или два, но ему вдруг стало стыдно своей физиологической несостоятельности как любовника, которую он внезапно почувствовал. Возбуждение от созерцания ослепительной наготы в течении всего утра высосала из него все соки.

Потенция и желание таяли вместе с уверенностью в себе. София игриво посмотрела Виталию в глаза с искоркой озорства, намеренно чувственно потянулась, не пряча интимные подробности обнажённого тела, с придыханием огладила округлые, соблазнительно выпуклые бока, бёдра, нежно дотронулась до груди.

Мужчина вспотел под её лукавым взглядом, стыдливо отвернулся, побрёл на кухню ставить чайник. Он был весьма благодарен гостье, что та не стала плести коммуникативные сети, забрасывать удочку вопросов с наживками “на слабо”, требовать приготовление завтрака и прочие женские штучки, направленные на то, чтобы закрепить интимную победу.

София вела себя совсем не так, как Виталий привык ви-

деть, когда приглашал девочек на ночь блаженства. Те обычно капризничали, требовали повышенного внимания, сходу начинали хозяйничать на кухне и в шкафу, надевали вместо халата его любимую рубашку, предлагали совместное купание в ванне, намекали на бесконечное продолжение праздника похоти.

Гостья вела себя уверенно, но оставалась учтивой и вежливой, не пыталась самостоятельно предпринимать какие либо действия. Более того, София словно угадывала мысли Виталия, упреждая поведением и репликами его сокровенные желания.

– Извини, Виталик, что так вышло. Ты был перевозбуждён и пьян, только и всего. Мне понравилось у тебя в гостях, понравилось, как ты пел, да и сам ты, если быть до конца честной, понравился. Спасибо за незабываемый вечер! Мне вчера очень нужен был спасательный круг, ты его бросил.

София вытащила из сумочки красный фломастер, взяла его ладонь и размашисто написала номер телефона. Виталий, покраснев до корней волос, ответил тем же, вместо шестёрки нарисовав девятку.

Девушка потрянула огненными кудрями, поцеловала мужчину в щёку, послала в его сторону воздушный поцелуй и выпорхнула за порог.

Через пару минут хлопнула подъездная дверь, незнакомка оглянулась, поискала взглядом окно Виталькиной квартиры. Нашла.

Интересно, о чём она думает, что чувствует?

Виталию было неудобно. Он боялся, что передумает, что расчувствуется, расслабится, и оставит Софию у себя дома, что последствия непродуманного, на взбудораженных близостью эмоциях, шага, могут непредсказуемо, возможно драматически изменить судьбу, лишив раз и навсегда возможности выбирать и быть по-настоящему свободным.

Влюбляться и любить в ближайшие жизненные планы не входило. Тем более что от Софии исходила таинственная энергия, которая показалась ему крайне опасной.

Следы очаровательной гостьи через пару минут засыпал довольно сильный снегопад, ветер агрессивно развевал полы её распахнутого почему-то пальто, и концы шарфа, дорисовывая картину странного расставания.

Девушка уходила в снежную метель, туда, где для Виталия не было будущего.

На улице было не просто зябко – морозно.

Виталий выключил свет, тайком наблюдая, как София, точнее, её, то исчезающий, то на мгновение появляющийся силуэт, стоит на тротуаре, голосуя проходящим мимо автомобилистам.

На минуту ему стало не по себе.

– Ничего, – как-то злорадно подумал он, – не маленькая. Даже дать по-человечески не смогла. Да пошла она! Я один, а их много. И хорошо, что ушла.

На удивление после ухода гостьи настроение провалилось

в бездну, очень остро подступило ощущение неприкаянного одиночества, а мысли, как не прогонял их Виталий, крутились вокруг зачарованного образа Софии.

Невольно вспомнилась пышущая жаром упругая попка, яркие вишенки восставших сосков, талия объёмом аккуратного в обхват ладоней, огненные кудри, лукавый взор, алые губки изогнутой формы, соблазнительный силуэт, рыжий кустик внизу живота.

Виталий никак не мог понять, что в этой женщине было не такое, как у всех предыдущих соблазнительниц, которых он за ночь успевал изучить вдоль и поперёк.

Суббота была безнадёжно испорчена. Ничего, совсем ничего не хотелось.

Мужчина повернул тыльную сторону ладони, на которой незнакомка написала номер телефона. Три цифры оказались стёртыми.

Это была единственная связующая нить.

– Вот и хорошо! Провидение решило этот вопрос не в её пользу. Случайностей не бывает, это наверняка знак свыше.

Однако заснуть, как было запланировано, не вышло.

Воскресенье выпало из жизни столь же бездарно.

На работе Виталий чувствовал себя не в своей тарелке, всё валилось из рук. Мало того, директор заставил форсировать давно и безнадёжно зависший проект, заказчики которого раз за разом усложняли условия, требовали исправления и доработки предыдущих, уже и без того вылизанных

позиций.

Скверное настроение, всю неделю балансирующее около ноля, стало вовсе отвратительным, когда Виталия назначили руководителем команды разработчиков, которым поручили немедленно сдать проект оплатившей заказ фирме.

Несколько дней команда не вылезала из офиса, зачищая огрехи, готовила детальную презентацию, пыталась предвосхитить любые вопросы, которые могли задать исполнителям покупатели интеллектуального продукта.

Каково же было изумление Виталия, когда заказчиком проекта оказалась София Витальевна Соколова, генеральный директор ООО "Спектр".

Да-да, та самая незадачливая ночная гостья.

Сегодня она выглядела гораздо эффектнее, чем в момент расставания.

Сдача разработки оказалась двойной пыткой. С руководителем команды творилось невообразимое: он вёл себя как на первом в своей жизни экзамене, как нашкодивший мальчишка перед возмущённым директором школы.

Лицо Виталия горело и плавилось, голос то и дело пропадал, аргументы внезапно исчезали из памяти, логическое мышление отказывало.

София Витальевна не замечала его в упор.

Долгие четыре часа гоняла директриса команду по всем пунктам проекта, словно сама была разработчиком. В итоге заказ был сдан, но вопросы остались.

– Виталий Леонидович, в целом мы работой удовлетворены, но есть несколько пунктов. Сейчас мы подпишем договор, в котором недоработки и сроки их исправления будут детально обозначены. Вы, как руководитель команды проектировщиков, должны его подписать. Пройдите ко мне в кабинет. Остальных прошу в буфет. Столы накрыты. Отдыхайте. Спасибо всем!

– Вы меня не узнали, София Витальевна?

– А должна! Что-то такое вспоминается смутно. Я, между прочим, едва не отморозила ноги в летних туфельках. Не могла предусмотреть, когда отправлялась в бар, что попаду в гости к бесчувственному самовлюблённому мальчишке, который не может догадаться, что с домашнего телефона можно вызвать такси. Ты же меня буквально выгнал из дома, эгоист. Мог, по крайней мере, проводить. Не развалился бы. Я не виновата в том...

– Простите, София Витальевна, я идиот, в чём сознаюсь. Не скажу, что добровольно. Вы припёрли меня к стенке. Мне стыдно. Разрешите загладить вину.

– Интересно, каким образом ты считаешь возможным реабилитироваться?

– Традиционным. Приглашу в ресторан, или в тот же бар. При всех присутствующих встану на колени и попрошу прощения. Казнить или миловать – в вашей власти.

– Допустим, есть повод подумать. Для чего тебе это, я ведь не сублильная институтка, чтобы обижаться и надувать

губки. Это был эпизод, пусть не очень приятный, но вполне естественный, когда связываешься с человеком, который заиклен на себе любимом. Как говорится – жизнь без прикрас. Какой смысл останавливать кадр, делать дубли, смаковать подробности, когда всё ясно без слов? Это не наше будущее. Расслабьтесь, Виталий Леонидович. Я не собираюсь мстить, никогда не путаю профессиональную деятельность с душевными порывами.

– Вы мне нравитесь.

– Ну и, что с того... а как тебе моя секретарша, Юленька, а ваша дизайнер, Татьяна Михайловна? Она такая душечка. Я бы непременно в неё влюбилась, если бы была Виталием Леонидовичем.

– Вы меня провоцируете.

– Интересно, чем?

– Заставляете признаться в любви.

– Во как! С этого места подробнее. А мужу об этом сказать не побоитесь?

– Какому мужу?

– На такой расклад ты не рассчитывал? Маленький-маленький шалунишка. Это взрослая жизнь, Виталик. Неужели ты расстроился, иди, пожалею. По головке поглажу. Наверно тебе стало стыдно не за сам позорный поступок, за то, что, выглядел не в лучшем свете как мужчина. Желаете доказать себе, и мне, дерзкой девчонке, что всё ещё мужчина! Извини, я не игрушка. И да, я пошутила, мужа у меня нет,

но есть дочка.

– Я могу хотя бы в перспективе рассчитывать на прощение?

– Почему бы нет! Женитесь на мне, Виталий Леонидович. Обещаю быть самой-самой. Надоело, знаете ли, жить одной. Но шутить со мной не нужно, не советую. Я дама решительная, в особенно неблагоприятном случае и убить могу, если что. Надумал! У тебя есть пятнадцать секунд, чтобы принять решение, время пошло.

– Если это не злая шутка, я согласен. Точнее, я прошу твоей руки. Твоей и дочери. Как её зовут?

– Ещё не знаю, мы ведь пока не приступили к процессу зачатия. Хотя, если ты не против, конечно, назовём девочку Оксана. Оксана Витальевна Серебрякова. Ну что, готов объявить нашу помолвку?

– Сам себе удивляюсь. С удовольствием. Что же вы с нами, мужчинами, делаете! А теперь будь серьёзной, мне сложно произнести такое. У меня это впервые. Я тебя люблю, София!

Modus vivendi, или лет через тридцать

Ночь накрывает нас тёмным, большим одеялом.

Звёзды на небе – рассыпанный серпантин.

Где бы ты ни был, и что бы с тобой ни стало –

Ты не один.

Айсина Шуклина

Буквально все знакомые вокруг Веньки упорно выстраивали отношения, создавали комфорт, налаживали быт, суетились, радовались жизни. Все-все. А у него как назло отношения разваливались, рассыпались в прах, превращались на глазах в тлеющие головешки.

Что-то внутри и снаружи горело, расплывалось, плавилось, непонятно куда и зачем просачивалось, отправляясь со звоном и скрежетом туда, где даже радость превращается в прах.

Пепел недавних драматических событий струился по ветру времени, оседал в параллельной Вселенной, превращаясь в не очень приятные воспоминания.

Прошлое – нормальное, обычное, как у всех прошлое, невыносимо раздражало вульгарной нелогичностью случившегося. Веньке казалось, что там, в былом, он был непомерно счастлив.

В один миг (разве же в один) семейная идиллия (была ли она таковой) расплавилась, осыпалась брызгами отвратительно неприятных знаний, пролилась ядовитым дождём отчуждения искренних чувств, отравила удивительно гостеприимный мир, погасила жаркий очаг уютной романтической реальности, унесла в неизвестные дали тепло и нежность доверительных интимных отношений.

Проходили дни, недели, месяцы невыносимо удушливого одиночества, ощущения абсолютной ненужности никому в целом мире, в полной бессмысленности неприкаянного существования.

Казалось, что уже прошли годы изоляции в меланхолии.

На самом деле Венька не был одинок. С ним жили двое прекрасных ребятишек, ради которых можно и нужно было карабкаться наверх, к светлому будущему, искать прежнего, настоящего себя.

Если бы не дети, он, пожалуй, мог бы запросто перешагнуть черту между былью и небылью.

Дети, это дети. Самим своим существованием они несут радость, но это всего лишь маленькие беззащитные человечки. Для ощущения полноты жизни мужчине необходима верная спутница. Не какая-нибудь, имеющая соблазнительные признаки привлекательной женственности, а самая лучшая, единственная, которой можно доверить всё, что угодно – даже судьбу.

Венька – человек сугубо семейный, он родился таким.

Представьте, что некие люди пришли и предъявили претензии на крышу в вашем доме, на пол или стену. Стоят, нагло усмеваются, тычут в нос документом, где чёрным по белому со штампами и подписями означено: не твоё, отдай. Левая стена и потолок – твои, а всё остальное – извини-подвинься.

Собственно Веньку никто не спрашивал. Сначала жену брали в аренду как бы для поддержания тонуса (она умела быть душой компании, скульптором хорошего настроения, певуньей и тамадой) на вечер, потом на сутки.

Лиза умело находила аргументы, почему необходима именно теперь, и именно там, а не здесь – дома. В близости никогда не отказывала, но помаленьку отдалялась от детей и от мужа. Там где всегда праздник, однозначно интереснее.

Венька догадывался, чувствовал: что-то в её стремлении участвовать во всех без исключения праздниках было не так. Но точно не знал – что именно.

Необоснованно предъявлять претензии не хотел, не мог. Да и не верил в то, что женщина, с которой прошёл огонь, воду и медные трубы может поступить с ним жестоко, гадко. Любил Венька свою Лизоньку. Любил и всё тут.

Её лично двойная жизнь и связанные с ней тайны приводили в восторг. Лиза всегда была весела и жизнерадостна вне дома, но задумчива и молчалива в присутствии детей и мужа, объясняя такое несоответствие элегантно латинской фразой “*Modus vivendi*”.

Модус так модус, думал Вениамин и терпеливо готовил ужины после работы, не потрудившись перевести загадочное изречение. Затем стирал, прибирался, проверял уроки у детей, между делом одним глазком поглядывая в телевизор или книгу, на что вечно не хватало сил и времени, а потом ложился спать.

Веньке приходилось рано вставать на работу, поэтому распорядок дня он выдерживал строго.

Лиза, пока муж хлопотал по хозяйству, читала книжки, уютно устроившись в кресле, и искоса поглядывала на часы. Уложить и ублажить мужа она никогда не забывала. Ритуал исполнения интимного ритуала занимал минут тридцать. Дальше – полная свобода.

Венька после любовного поединка засыпал мгновенно, а её ждали романтические приключения.

О Лизкиных похождениях знали все, в том числе друзья и дети, которых она ловко дурачила, покупая мелкими уступками, подарками, или умело пугала.

Венька старался обеспечить семью, постепенно повышал уровень и качество жизни самых родных людей, но не знал и не понимал, что любовь и счастье при видимом благополучии могут быть иллюзией, галлюцинацией.

Однажды Лиза окончательно растворилась на просторах нескончаемых праздников жизни, не потрудившись забрать в новую жизнь даже личные вещи. Ей, как стрекозе из басни, под каждым листом и кустом предлагали весь ассорти-

мент необходимых материальных ценностей, которые могли удовлетворить невзыскательные сиюминутные потребности в превратно понимаемом счастье.

Её *Modus vivendi* не предусматривал заботиться о близких, и о завтрашнем дне. Жизнь – это то, что происходит здесь и сейчас, рассуждала она, что дарит радость без видимых усилий. Стоит ли напрасно терять время на бессмысленные обязанности и обязательства, чтобы вычеркнуть из отведённого судьбой числа лет сколько-то ещё монотонных будней, если жизнь манит бесконечной чередой бесхитростных земных радостей?

Лиза наслаждалась каждым мгновением по максимуму, не отказывая себе в том числе в безудержном чувственном сладострастии. О её лихих и пикантных похождениях не сплетничали разве что ленивые до слухов счастливицы.

А Венька страдал, потому, что тень подвигов жены падала и на него, а ещё оттого, что любил эту женщину, несмотря ни на что.

У него был совсем другой модус, иные представления об устройстве и ощущении мира, иной образ жизни и способ существования, который требовал, чтобы вместе с ним строительством судьбы занимался родной и близкий человек.

Но Лиза не жила, а существовала, не вместе, а рядом, не имея желания прилагать усилия на благо семьи, а тепло и нежность раздавала даром где-то на стороне.

Веньке как вода или воздух необходима была родная, лю-

бимая женщина. Он не мог жить один и для себя, оттого страдал, если не к кому было прижаться всем телом, ощутить живое тепло, обменяться переживаниями; если не было того, кто поймёт и поддержит, для кого имеет смысл напрягать мышцы и нервы.

Дети не в счёт – это святое, главное, это неразрывная генетическая связь, кровное родство. Жена должна быть намного ближе физически и духовно.

Только не Лиза.

Веньке необходимы были искренние нежные прикосновения, ощущение перетекающей из тела в тело энергии, красноречивые многозначительные взгляды, откровенные беседы, признания в любви, трогательная забота, даже претензии и скандалы, которые тоже мотивировали совершенствоваться.

Сначала он мечтал, что жена одумается, вернётся и жизнь наладится, искал с ней встреч, пробовал беседовать, убеждать.

Лиза смотрела на него с презрением, говорила ужасные слова, старалась уколоть как можно больнее необоснованными высказываниями о его мужской состоятельности.

Венька готов был идти на уступки, чтобы найти точку равновесия. Потеряв баланс и ориентиры, он чувствовал себя беспомощным и несчастным.

К нему приходили друзья, пробовали успокаивать. Подруги жены, для которых Венька в сложившихся обстоятель-

ствах представлялся лакомой приманкой, наведывались в гости с вином и готовностью преподнести себя в качестве утешительного приза.

– Нет, не то... не то и не так, – упорствовал мужчина, который полагал, что детям необходима мать, а ему Лиза.

Вокруг беспорядочно сновали мужчины и женщины, бестолково суетились, копошились, отыскивая в бытовой грязи ничего не значащих проблем философский камень, превращающий бытовой мусор в самородное золото.

Они чего-то упорно решали, к чему-то призрачному стремились: притворялись, изворачивались, хитрили, лгали, чтобы в курятнике человеческой жизни оказаться на жердочку выше.

Это была чужая, неинтересная, чуждая ему жизнь. Ему нужна была другая, та, в которой есть единственная любимая.

Венька закрывал глаза, погружался в воспоминания, в которых центральное место по-прежнему занимала жена, статус которой, несмотря на долгое отсутствие, не изменился. Но нужна была та, другая Лиза, из совсем непохожей, растворившейся в прошлом жизни, хотя старался забыть и её, и ту боль, которую эта женщина причинила ему и детям.

От прошлого остались лишь растущие и взрослеющие не по дням, а по часам плоды обоюдной любви, больше ничего. А его несло потоком событий куда-то не в ту в сторону, смывало в сточную канаву на обочине плодородной долины

настоящей жизни.

Связать свою судьбу с подругами жены он не мог: те были немым укором, напоминанием о былом, насмешкой над уничиженными чувствами. К тому же, все они были замужем.

Веньку удивляло это странное обстоятельство: замужние женщины запросто, ничтоже сумняшеся, нисколько не смущаясь, предлагали себя в виде эротического сочувствия, как наивные девочки, не ведающие, чего творят.

Соблазнить его запретным лакомством было сложно, но не думать о женщинах в эротическом контексте избалованный продолжительным супружеством Венька не мог.

Он ярко представил в воображении, что соглашается принять в дар ту или другую подругу, разжигал в себе страсть.

Если нет возможности прикасаться к любимой, можно насладиться, хотя бы выдуманной интимной игрой.

Вообразить, когда нереализованные эмоции давят на мозг, можно что угодно, причём по-настоящему: с интимными диалогами, чарующей музыкальной мелодией, с нежными касаниями.

С Ириной или Светкой, например, он мог мысленно флиртовать сколько угодно. Представлял, как целует, как раздевает донага, чувственно прижимался к бархатистой коже.

Дерзкие переживания с некоторых пор не покидали сознания. В иллюзиях Венька вёл себя безрассудно. В них ему были доступны любые соблазны, запросто исполнялись

самые откровенные, самые порочные желания. Волнующие кровь фантазии не имели границ, непристойности возбуждали, стимулировали желание. Воображаемая Светка громко стонала, чувственно изгибалась, истекала липкими соками, источала аромат неземной страсти, шептала ласковые слова, искусно ласкала пульсирующее от избытка энергии желание.

А что, он ещё молодой, тридцать шесть лет для мужика не возраст. Потенция и желание дай бог каждому.

– Причём здесь моё желание, – думал, очнувшись от похотливого наваждения Венька, – я это я, тем более в грёзах, а как же Светка! Она что, если соглашусь принять в дар её темперамент и тело – отряхнётся и пойдёт без зазрения совести ублажать своего мужа. Этот олень, как недавно я, даже знать не будет, что мы с ним уже практически родственники, что я нагло пасся на тех же лугах.

– Бред, грязь! Нет, не моя эта тема. В любом городе тысячи женщин живут без мужчин. Тысячи. Они ищут меня, я – их. Ау! Где вы, прекрасные одинокие валькирии, которым совсем не повезло в любви!

Не может быть, чтобы на огромной Земле не было для него подходящей пары. Посмотрите вокруг, оглянитесь: все желающие создают романтические союзы, покупают квартиры, строят дома, справляют свадьбы, рожают детей, обустроивают быт. Все без исключений. Кто хочет и кто может.

Перечеркнуть прошлое к чёртовой матери и плыть. На моторе, на вёслах, пешком – без разницы, лишь бы вперёд,

в светлое будущее, где есть обетованные берега, где ждут и возможно полюбят. Мысли материальны. стакан воды и одинокая старость – участь тех, кому ничего не нужно.

Двое детей, это не приговор, а козырь, как два туза в руке. Венька знает, чего хочет от жизни, от супружества, от любви, от совместного быта.

Ему нужна женщина навсегда: родная и близкая до степени смешения, как разноцветные жидкости в одном прозрачном стакане. С ней Венька хочет засыпать, с ней просыпаться: сегодня, завтра, всегда. Женщина, с которой даже через много десятков лет, когда доживёт до маразма и болезней можно не бояться будущего.

Не верит Венька, что всех порядочных баб как горячие пирожки давно разобрали. Быть такого не может. Действовать нужно, искать. Что толку от пустых страданий!

Вот только где искать: в интернете, на улице, в парке, в театре, на выставке картин, где!

Где скрываются, где обитают целомудренные душой и телом Артемиды, Афины и Гестии, *Modus vivendi* которых не похож на коктейль или винегрет из вульгарных страстей. Где женщины, лишённые отвратительных желаний, порочных и безнравственных привычек, безпринципной похоти, зависти и лжи?

Сайты знакомств, коучи и тренинги отпали сами собой. Стоило только окунуться в эту сомнительную среду, в которой как рыбы в воде плавали лишь охотники мимолётных

утех без тормозов и обязательств и их потенциальные жертвы обоего пола.

Учить и переучивать Веньку – необходимости нет. Он созрел для жизни, для настоящих отношений, для трудного счастья, которое можно не в лотерею выиграть, а заслужить личным участием.

Лиза! Лиза – это отдельная тема. Он всегда чувствовал в этой женщине изъян, червоточинку, но она мать, хоть и с маленькой буквы. У них общие дети, несущие в своих генах смешанную информацию, полученную от её и его предков. Разорвать родственную связь, слишком прочную, применить для этого грубую силу, не хватало духа.

Лиза с первого дня играла Венькой, как кошка мышкой. Её ловкие пальчики и сладкие губы хозяйничали в душе и на теле супруга, ласкали податливые душевные струны, входили в резонанс с его чувствительным существом, вибрирующим от нежных прикосновений. В такие мгновения она была царицей желаний и богиней страстей.

Сколько ни пытался Венька определить своё к ней отношения, даже после чудовищных ссор, ему нечего было предъявить этой женщине, пока она не перешла окончательного границы приличий, пока окончательно не убедился в том, что Афродита одна, а желающих пить из её недр божественный нектар и терзать податливую плоть – тьма тьмушащая. Быть одним из многих, делиться с кем попало, Венька не мог и не хотел. Не мог и всё!

Он бы Лизу не выгнал, так бы и жили. Спать бы с ней не стал, доверять не смог, а жить... пожалуй, да, пока дети не выбрали бы свой личный путь и не выпорхнули из гнезда.

Дети ни в чём не виноваты! Ради них можно вынести даже предательство.

Венька настойчиво искал свою половинку. Искал и не находил.

Женщин было много, но той, единственной, среди них не было. В каждой из тех, кто ему приглянулся, спустя несколько дней или недель обнаруживались не просто дефекты – целые модусы аномалий и мутаций образа мыслей и взглядов на совместную жизнь.

Это были отнюдь не банальные несовершенства. Этого добра в каждом из нас навалом. Женщины искали послушного выючного ослика Иа, верхом на котором можно уверенно отправляться в дальний путь по долине счастья. Думаю объяснять, что это значит, нет необходимости. Достаточно Вениамину одной Лизы. Вторую такую же Боливар не выдержит.

Венька всё ещё верил в то, что половинка – женщина, рождённая как бы для него, это не единственный весьма редкий экземпляр, что это драгоценные россыпи, которые можно обнаружить где угодно, хоть под ногами; что счастье в этом прекрасном мире заготовлено для каждого без исключения, просто оно застенчивое и робкое.

Оно тебя видит, а ты его по какой-то причине – нет.

Кто-то не туда идёт, другой не туда смотрит, третий слишком медленно двигается, четвёртый... а четвёртый говорит красивые слова, но забывает совершать поступки.

Венька не скитался по колдуньям и ведьмам, не заказывал гороскопы, не перекладывал поиски на друзей и родственников, не рылся в завалах интернета: он реально искал. Искал, пробовал, дарил тепло, но живительную энергию, увы, не желали возвращать, чем-то дорогим и нужным конкретно себе делиться.

Четыре долгих года искал.

Были женщины, которые в первый же день пытались переставить мебель, кому мешали дорогие и памятные вещи, кого не устраивал весь интерьер целиком или цвет обоев, кто сходу пытался занять денег или высказывал идею отправить детей к бабушке.

Кто-то предлагал своё тело через полчаса знакомства, другие отказывали месяцами, ссылаясь на целомудренность (в возрасте под сорок и двух-трёх неудачных браках), третьи загадочно шептали за мгновение до оргазма, что нужно заменить люстру и срочно купить трюмо.

Венька блуждал в лабиринтах человеческих пороков, странных потребностей, инстинктов, эгоизмов и противоречий, а она, женщина-мечта, всегда была рядом.

Почти рядом, в его городе на соседней улице.

Наверняка их пути и взгляды пересекались сотни раз. Возможно, они разговаривали друг с другом, даже прикаса-

лись: например в автобусе.

Эта женщина не стреляла глазками, не выставляла напоказ крутые бёдра и упругие груди, не камуфлировала лицо косметикой, не красила потускневшие волосы. Она просто улыбнулась мимоходом, и тут же застенчиво спрятала взгляд, которого хватило, чтобы заставить Венькино сердце биться сильнее.

Когда женщина была приглашена на чай, по причине чего оказалась у него в квартире, первое, что спросила, – Вениамин, а чего вы по-настоящему любите?

– У меня двое детей, – смущённо ответил он, – сами понимаете – не до любви.

– Замечательно, а у меня, представляете – ни одного. Я трижды была замужем, но, ни разу не развелась. Так сложилось. Нас разлучала смерть. Во всех трёх случаях трагическая случайность. Так не должно быть, но так вышло. Можно я за вами поухаживаю?

– Вы в гостях. Неловко перекладывать обязанности гостеприимства на вас. Может быть в следующий раз.

– В следующий раз! У нас будет следующий раз?

– Если пожелаете. Иначе, зачем бы я вас приглашал?

– В следующий раз роль хозяйки за мной. Должна же я показать, чего стою. И не спорьте. Вы так и не ответили, чего любите.

– Если скажу, что вас?

– Не поверю. Любовь с первого взгляда в нашем возрасте,

вам не смешно, Вениамин? Симпатия – да, согласна. Говорят, что сделать выбор можно за несколько секунд, но любовь – это, прежде всего единство целей и полное обоюдное доверие. Ни у вас, ни у меня нет для этого достаточных оснований. Вы – мужчина обаятельный, добродушный, в меру остроумный, в чём я имела повод убедиться. Чтобы начать общаться этих характеристик довольно, но не более того. Я спросила о предпочтениях, о любимых занятиях, о мечтах и целях.

– Люблю детей, музыку люблю, читать, немного сочиняю. Поесть люблю. Я сам вкусно готовлю, можете удостовериться. Доказательства перед вами.

– Уже оценила. Относительно детей – не обсуждается. Сразу скажу – ненавижу предателей, лгунов, поиски смысла жизни и жалобы. И ещё одно: если решим встречаться дальше – прошлое оставляем в прошлом. Вот прямо сейчас. Смотрите, Вениамин, как это делается. Закройте глаза, представьте всё плохое, когда-либо с вами случившееся. Теперь помещаете весь этот мусор в ладонь и безжалостно стряхиваете в ведро с пищевыми отходами. Открывайте глаза, смотрите на меня.

– Здравствуй, Веня, я Вера. Вера Дмитриевна, если угодно, Колесникова. Годится? Приятно познакомиться, Вениамин, – теперь ты просто обязан быть счастливым. Запомни этот день. Лет через тридцать мы вернёмся к нашему разговору. А про любовь можем поговорить... недельки через

две-три. Если не передумаешь.

– А какой у тебя, Верочка, Modus Vivendi?

– Это ещё что за зверь?

– Вот и я о том же. Одно знаю – это совсем не про любовь.

Счастье просто так

не казалось... Боже, что мне казалось...

Как бездумно доверяла я чувству.

А теперь, когда его не осталось,

Как же грустно на душе... как же пусто...

Наталья Спасина

– Завтра... да, непременно завтра, обязательно буду счастливой. Обязательно-о-о-о буду-у-у! Назло всем буду. И ему тоже. Генке паразиту назло, Марату, Валентине Петровне, мамке – всем-всем-всем, – с протяжным завыванием скулила про себя Ниночка Шпякина, неловко семеня на высоких каблуках вдоль автостоянки магазина низких цен с двумя пакетами красного вина неизвестного происхождения и кусочком дешёвого сыра, с помощью чего она собиралась лечить душевную боль.

– Намою вагон ассигнаций, открою агентство в центре города, найму холёный, вымуштрованный офисный планктон – пусть таскают лично для меня горячие каштаны из обжигающего пламени капитализма. А я... я буду гонять их, как сидоровых коз, и требовать, требовать, требовать. Пусть трудятся, пусть уважают.

А Генку возьму в свою фирму рядовым курьером. Нет, лучше охранником. Буду ходить перед его носом в эксклюзивном наряде от Армани, в коллекционных колготах... от

Вулфорд, в дорогуших как шикарная жизнь лабутенах... пусть глаза у паразита на лоб повылазят, пусть до конца жалких дней страдает, что упустил из рук настоящую мечту, жар-птицу.

Я в себя такого мальчика влюблю, такого, такого... закачаешься.

Ну, за что одной мне столько несчастий!

Ниночка жила в современном городе, агрессивно наполненном характерными маркерами процветания и благополучия; в городе, вздрагивающим от вибраций кричащей, показательной роскоши; в городе, сосредоточенном на избыточном потреблении с чрезмерно напряжённым ритмом жизни, где нет, и не может быть места старым, бедным, больным, убогим и несчастным людям.

Девушка вон из кожи лезла, пытаясь добиться в жизни хоть чего-нибудь, но таких как она неудачников, бездарных авантюристов, несостоявшихся миллионеров и озлобленных унижительной несправедливостью проходимцев здесь было большинство, что рождало немислимую конкуренцию, доминировать в которой могли лишь свирепые кровожадные хищники, беспринципные приспособленцы, и паразиты с всемогущей протекцией из властных коридоров.

В серой толпе вечно спешащих прохожих разглядеть проигравших последнюю ставку в казино капризных судеб было довольно сложно, но если присмотреться, они повсюду – в каждого второго пальцем ткни – не ошибёшься.

Ниночка выглядела по современным молодёжным меркам не шикарно, но вполне респектабельно, тем более что фигурка у неё была скульптурная, точёная, удачно декорированная природными достоинствами и цветущей молодостью, добавляющими облику очарования и соблазнительно-чувственной, можно сказать штучной женственности.

Броский наряд конечно был приобретён не в престижном бутике, как и фирменная косметика, а в подземном переходе, причёску и маникюр делала на дому подружка, но разглядеть фальшивые признаки принадлежности к преуспевающему классу, не зная истинного происхождения магических символов, могли разве что знатоки. Всё одетое на ней кричало – я исключительная, я лучшая!

Работала девушка офисным менеджером в заштатной торговой кампании, где мало кто мог укорениться по непонятным причинам.

Выпускники колледжей приходили, соглашались на сложные конкурсные условия, месяца два без выходных корпели в тесных кабинетах, после чего без объяснения, чем именно спровоцировано решение, увольнялись, так и не завершив победно испытательный срок, без утешительного приза, даже зачастую без выходного пособия.

Ниночка не была исключением.

До заветного зачисления в штат оставались считанные дни, но претендентов на “волшебную вакансию” было больше, чем мух на приклеенных к потолку и на стены липучках.

Основным соперником в этой гонке был Марат Батулин, имеющий талант любые, даже самые казалось бы проигрышные обстоятельства, оборачивать себе на пользу, мимоходом обнуляя заслуги более трудолюбивых и способных конкурентов.

Марат удивительно удачно оказывался в нужное время в нужном месте. Более того, ему благоволила находящаяся в процессе перманентного романтического поиска руководителя отдела, Валентина Петровна – гремучая смесь выдающихся профессиональных качеств разведчика, надзирателя и капризной стервы.

Ниночке категорически не везло по жизни, начиная с родителей – хронических неудачников, заканчивая друзьями-предателями и коварно изменяющими кавалерами, не говоря уже о клиническом, инфекционном каком-то, даже мистическом проклятии в поисках нормального рабочего места с приличным заработком.

В объявлениях о поиске сотрудников и в разговорах счастливых денег были, причём безразмерные, бешеные, а стоило к ним приблизиться, как заветные купюры как шагреновая кожа сжимались в размере, превращаясь в прожиточный минимум, а то и вовсе исчезали из зоны доступной видимости.

Только что, буквально сегодня, девушка рассталась с Генкой, который романтическими уловками и циничной хитростью добился, паразит, той степени взаимности, после кото-

рой у девушки для него не осталось тайн.

И ведь обманул!

Ниночка поверила в его искренность, даже не предохранялась, а он, – мы, – говорит, – разные с тобой, не судьба нам жить вместе, не судьба любить друг друга. Ага, можно подумать до постели одинаковые были. Замуж звал, скотина, а сам после романтических свиданий к Люське Прониной бегал, пока не соблазнил меня окончательно!

Было бы с кем меня сравнивать – у Люськи-то ни кожи, ни рожи. Всех и достоинств – даёт всем подряд, без разбора. Впрочем, я тоже не ангел. Разлеглась, ноги вверх. Тьфу! Знала бы раньше, кто он такой, за кого меня принимает, ни за что не уступила бы! Я... я ведь любила его, любила! Потому и отказать не смогла. Ничего-ничего, я ему ещё докажу. Да-да, докажу! Пусть только зачислят в штат. Заработаю на машину, на квартиру, на дачу, по три раза в год буду на Бали и в Эмираты летать. Сам прибежит, в ногах валяться будет. Не прощу, ни за что не прощу! И ведь не раскаивается ни грамма, подлец, считает, что дегустировать девственность на вкус – законное право любого самца. Так ведь я не любая!

Наперерез траектории Ниночкиного следования тяжело катил наполненную тележку шикарно одетый мужчина, почти ровесник.

Не обратить на него внимания было попросту невозможно: выражение лица, фигура, походка, внешность – всё изобличало баловня капризной Фортуны.

Девушка невольно залюбовалась способностью Аполлона грациозно, легко нести совершенное тело, несмотря на вполне обыденное, совсем не brutальное действо. Ведь мог нанять кого-нибудь, а он сам. В каждом движении – достоинство и лёгкость.

Сверху в тележке лежал огромный букет необычной расцветки и формы экзотических цветов.

Направлялся мужчина к сверкающему новизной внедорожнику с эмблемой из разъярённого быка и надписью “Lamborghini”. Через стекло лимузина ему загадочно улыбалась заурядная, ничем не примечательная блондинка, полевнившаяся даже макияж приличный нанести.

Аполлон тем не менее расцвёл, увидев как улыбается эта невыразительная курица, принялся посылать ей воздушные поцелуи двумя руками, что-то ритмичное, с романтическим подтекстом станцевал, раскланялся, словно выпрашивая аплодисменты.

Немаловажный факт, что девушка в салоне с виду проста как три копейки, с нескрываемым торжеством и отметила Ниночка, явно выигрывающая у пассажирки дорогого авто по всем видимым параметрам таинственной женской гравитации, которая должна притягивать всех подряд, даже таких шикарных мужиков.

Ей-то есть, что предъявить, чем вдохновить настоящего ценителя современной женской красоты. Одни ножки чего стоят, не говоря уже о груди и ягодицах, которые она

подкачивает по новомодной системе, напрягая непослушные мышцы в фитнес клубе четыре раза в неделю с персональным тренером. Каждый день кто-нибудь из уважаемых клиентов просит с ней сфотографироваться.

Как было не примерить на себя место в престижной машине и роль пассажирки, явно недостойную такого видного мужчины?

В изысканном салоне должна была сидеть не она, а Ниночка. Как несправедлива жизнь: одним всё, другим совсем ничего.

Ниночка сосредоточилась, выпрямила спинку, поставила в выгодную позицию грудь, как учили на одном престижном тренинге, вжала животик, наклеила на лицо самую выразительную, на какую была способна, многообещающую улыбку, – ну же, обрати внимание на меня. Не для той танцуешь, парень. Я твоя судьба.

Лимончика бы этой слащаво-улыбчивой простушке, чтобы скулы свело от избытка кислого.

Ниночка вытащила смартфон с желанием незаметно сделать снимок, чтобы дома с помощью фотошопа сделать из улыбающейся пассажирки вульгарное чучело, которому можно предъявить заслуженные претензии.

Унизив её хотя бы в собственных глазах, можно попытаться поднять личную самооценку.

Возмущённая несправедливыми обстоятельствами, девушка была озлоблена на весь мир, а личную обиду стран-

ным образом переносила теперь на незнакомую девушку, о которой ничего не знала и знать не желала, кроме того, что ей просто так, совсем ни за что, улыбнулось счастье.

Хозяин лимузина остановился в паре шагов от автомобиля, манерно достал букет, с достоинством опустил на колено и приложил свободную руку к груди.

Лицо его сияло неподдельной радостью.

Женщина в окне зарделась, молитвенно приложила руки к лицу, посылая один за другим воздушные поцелуи.

При иных обстоятельствах подобная сцена могла вызвать в душе у Ниночки умиление, чувственное сопереживание, если не сентиментальный восторг. Пожалуй, она могла бы даже всплакнуть, увидев схожую сцену в модной мелодраме, но только не здесь и не сейчас. Вопиющее противоречие момента, когда невзрачная особа обласкана судьбой, а она – девушка с изысканным вкусом, с желанием понравиться, со справедливым стремлением занять достойное место под солнцем, не может вырваться из цепких когтей неблагоприятных обстоятельств, взывало к немедленному отмщению.

Дама в окне блестящего лаком авто была неприятна ей самим фактом наглого торжества, избыточным, нарочито демонстративным богатством автомобиля, и счастьем, которое излучала, которое получала даром, не прилагая усилий, что было обидно вдвойне.

Мужчина выгружал содержимое тележки в багажник, умело подражая незабываемому исполнителю хита Боббу

Макферрину, напевая знакомую Ниночке мелодию "Don't Worry, Be Happy", не переставая улыбаться, словно умалишённый, глядя с восторгом на девчонку из салона своей машины.

Она любила эту жизнеутверждающую мелодию. Именно так как в ней поётся, – не волнуйся, будь счастлив, – Ниночка и представляла будущую жизнь. Как же иначе!

– И буду, буду, обязательно буду! Что он нашёл в этой невзрачной особе, похожей на полинялую бабочку? Оглянись, посмотри, я гораздо лучше! Меня... меня сделай счастливой.

Затворив багажный отсек Апполон забрал букет и широко раскрыл пассажирскую дверь.

Ниночка заворожено смотрела на странную парочку, не в силах оторваться от впечатлившего её зрелища, странным образом вызывающего весьма противоречивые эмоции.

Бабочка неловко наклонилась, как-то неправильно, неуклюже что ли, обхватила ладонями лицо мужчины, и слилась с ним в долгом, весьма продолжительном поцелуе.

Что-то в этой сцене было неправильно, не так. Не так, как должно быть. Девчонка не сидела – лежала что ли.

Ноги. Ниночка никак не могла рассмотреть ног женщины, хотя должна была их видеть.

Кажется, их не было. Да-да, именно так... но где они!

Нацеловавшись вволю, мужчина тихонечко захлопнул дверцу, обернулся, заметил Ниночку с испуганным выраже-

нием на лице.

– Вам плохо... вам необходима помощь!

– Нет-нет... извиниться... я хотела бы извиниться...

– Но за что!

– Просто так, просто так. Нет, не просто... за то, что я гадкая. Я самая настоящая дрянь! Я ей ... я ей позавидовала.

– Ах, это... Верочка не всегда была такой. Спортивная травма. Художественная гимнастика. Трагическое падение, безуспешное лечение и жестокая врачебная ошибка. Жена ужасно не любит, когда её жалеют. Кстати, это не мой – её автомобиль.

Пассажирское окно медленно опустилось. Девушка протянула Ниночке цветок, – не расстраивайтесь, жизнь прекрасна даже когда кажется безнадёжно испорченной. Самое лучшее лекарство, не то, что вы пытаетесь всеми силами удержать в руках, а вера в себя. И конечно любовь...

– И любовь, – задумчиво повторила вслух Ниночка, когда внедорожник растаял вдали. Да, конечно любовь. Любовь, а не то, чем кормил меня Генка. И лабутены эти чёртовы, как в них ходить, непонятно. Ноги враскоряку. А всё-таки странно... у них что, правда, любовь!

А после... после мир привыкнет

*Тонкостенный бокал ядовитой тоски
Бесконечный ноябрь расплескал близоруко.
Мы с тобою мистически были близки
К той черте, что в народе зовется разлука.*
Алла Рыженко

Пять, целых пять бесконечно одиноких, монотонных, унылых суток, включая бесконечно долгие бессонные ночи... без него... это много, это чересчур утомительно, это мучительно, тоскливо, больно.

Лиза в задумчиво нетерпеливой позе сидела на широком подоконнике, время от времени поглядывала на асфальтовую дорожку вдоль дома, на тропинку сквозь ровные ряды берёз и рябин, высаженных напротив подъездов.

Она ждала его, Митю, самого желанного, самого надёжного, самого любимого человека на свете. Мучительное ожидание скоро должно закончиться.

Он позвонил минут сорок назад после того как исчез на долгие-долгие непостижимо-бесконечные пять дней, которые длились целую вечность.

Митя ничего не стал объяснять.

– Просто дождись меня, – отчуждённо, с устало равнодушной интонацией произнёс он едва слышным шёпотом, – скоро... очень скоро всё узнаешь.

Всё это время, с того странного вечера, когда Митя не пришёл как обычно на свидание, Лиза блуждала в закоулках памяти, в мире иллюзий, ярких и красочных вначале и ключевато-серых все последующие дни в поисках ответа на загадочную фразу.

Лиза закрывала глаза и видела события, происходящие и вымышленные, но реалистично яркие, с щекотливо-волнующими и раздражающе болезненными интимными деталями. В голове всё смешалось: мрачные видения, люди без лиц, тревожные голоса, обрывки истерических всхлипов, эротичные стоны, душераздирающие крики, проваливающаяся под ногами земля, падение в пропасти, в которых не за что зацепиться, полёты и кружения.

Девушка думала про пропавшего Митю, представляла худшее, время от времени ненадолго забывалась. Когда было совсем невмоготу, Лиза одевалась, направлялась к его подъезду, заглядывала в молчаливые окна, надёжно охраняющие тайну его исчезновения.

Дома Мити не было, девушка проверяла. На звонки он не отвечал.

Наконец-то ожидание позади.

Лиза взволнованно и радостно представляла себе свидание с любимым после тягостных дней неожиданного расставания.

Яркий солнечный свет прямо в окно слепил, но изменить позу девушка не могла, чтобы не пропустить ненароком ра-

достное событие.

Митя, её Митя вот-вот должен прийти!

Голос в телефонной трубке показался ей странным, в нём не было обычного воодушевления, но это был он, значит всё замечательно. Она не будет докучать ему расспросами, выяснять, что да как. Захочет – расскажет сам.

Девочке шёл восемнадцатый год. Замечательный возраст, ознаменованный приливом неудержимого энтузиазма, концентрированным поступлением в кровь витаминов счастья, взрывной живостью темперамента, пьянящим азартом, внезапными вспышками эйфории.

Детская непосредственность, беспечная наивность, бесконечная доверчивость и легкомысленная откровенность не знала и не могла знать реалий жизни.

Девушку гладили по шерстке, ласкали, шептали на ушко нежности, а она верила во всё: в благословенное будущее, вечную любовь, в бескорыстие и искренность.

Недавняя подавленность исчезла в одно мгновение, как только узнала, что Митя вернулся. На смену депрессивному эмоциональному возбуждению в душе поселился восторг. Каждая клеточка тела ликовала, пела.

Лиза обязательно должна увидеть любимого раньше, чем тот заметит её. Девочка бесшумно откроет замок, дожждётся приближения его шагов, откроет дверь и...

Трепетное ликование до отказа заполнило хрупкое существо: путало мысли, сбивало размеренную пульсацию крови,

тормозило дыхание.

Она представила себе, как обовьёт руками Митькину шею, как сладко вопьётся в его ненасытный рот горячими губами.

Представление о невыносимой сладости поцелуя прокатилось по телу восхитительной волной, заставило сердце качать кровь с ускорением.

Лицо Лизы покрылось испариной. От нетерпения, от предчувствия немислимо яркого наслаждения она сжала кулачки, захлопала в ладоши. По горячему телу сверху вниз прокатилась блаженная рябь упоительного предвкушения, странное преждевременное возбуждение, соблазнительное, интригующее.

– Митька, Митенька, – похотливо изгибаясь, задерживая дыхание, произнесла девочка.

Её впечатлительную натуру захлестнул шквал эмоций, почти эйфория.

Первая любовь, самое-самое удивительное приключение, прикосновение к волшебству, когда жизнь превращается в сказку, когда любые желания исполняются раньше, чем успевают появиться в голове.

Митя, самый первый в её жизни человек, с которым она была по-настоящему откровенна. Лишь ему Лиза позволила приблизиться на предельно близкое расстояние, его одного впустила в интимные чертоги тела и внутрь ранимого душевного пространства.

Любимый был родным и близким, настолько, что даже мысль о том, что он может поступить недостойно, не могла прийти девочке в голову.

До Митьки жизнь девочки была однообразной и серой. По крайней мере, такого полёта души, таких ярких романтических впечатлений она не помнит.

До него.

Оглядываясь назад, Лизе казалось, что она была абсолютно одна в этом огромном мире.

Потом они познакомились. Легко и просто. Митька появился, словно ниоткуда, посмотрел в глаза и сказал “привет!” Лиза поняла сразу – это он.

Помните ощущение, когда крутишь трубочку калейдоскопа с разноцветными стёклышками внутри? Яркие узоры выстраиваются сами собой, рассыпаются, превращаются в фантастические витражи и мозаики, в ажурные кружева, в роскошные гобелены, в затейливые орнаменты, а ты упиваешься восторгом созидания, словно ты творец и всё это делаешь сам.

С первой любовью происходит то же самое, только нет никаких калейдоскопов, ничего не приходится крутить. Жест, взгляд, мимика, звук голоса, аромат, прикосновение – те же стёклышки, только причудливые витражи чувств и эмоций совсем не абстракты, они творят внутри тебя такое...

Вряд ли кому удастся в полной мере словами описать то, что с тобой происходит. Яркие вспышки, озарения, сполохи,

фейерверки, мерцания. Всё сразу!

Ощущения блаженства разжигают внутри негасимое пламя наслаждения, которое дарит головокружительные, незабываемые мгновенья безграничного счастья.

Скоро два года они вместе. Два бесконечно прекрасных года.

Митя почти на пять лет старше, учился тогда на последнем курсе института. Лизу разница в возрасте не смущала. Любимый был не только страстным и нежным, он никогда не позволял себе лишнего.

Родители девочки поначалу относились к Мите насторожено, с определённой долей опасения, но время показало, что ему можно доверять.

Любимые успели за эти месяцы пережить многое. Иногда бранились, ссорились, как правило, на несколько недолгих часов. Их притягивало друг к другу, словно магнитом.

Лиза влюблена в своего Митьку “по самую маковку”.

Эти ужасные пять дней дались ей очень непросто.

Девочка считала в уме минуты, её основательно трясло от нетерпения.

Нужно бы немного подправить макияж, надеть новое платьице, но так можно пропустить Митьку, тогда придётся действовать экспромтом, что-то на ходу выдумывать.

Лиза хотела произвести на любимого впечатление. Пусть его первой реакцией будет восторг, паралич, оцепенение. Она ведь самая красивая, самая лучшая. Хотелось, чтобы и

Митя думал так же.

Сегодня, девочка твёрдо решила, что готова к *этому*, пусть *это* случится. Рано или поздно придётся уступить. Почему не сейчас?

Пусть любимый знает, что Лиза не просто девочка, к которой он ходит в гости. Она готова стать его женщиной, его женой.

– Будь что будет, – чрезмерно волнуясь, решила она, – я почти взрослая. Даже если случится стать мамой... пусть. Потому что папой будет Митя.

От этой мысли ей стало нестерпимо жарко. Совсем не просто прощаться с детством.

Мити всё не было и не было. От напряжённой неизвестности вероломно кружилась голова, от напряженного вглядывания в неподвижный пейзаж за окном слезились глаза.

Лиза незаметно ушла в себя. В воображении Митя, лучезарно улыбаясь, шёл навстречу с большими бардовыми розами.

– Неужели замуж позовёт, – задала себе вопрос девочка и испугалась наивного предположения, – я совсем не готова, совсем-совсем. Да и совершеннолетие только через полгода.

Погода неожиданно начала портиться. Первые капли дождя напоили воздух тягучей влагой, где-то вдали загрохотало, тут и там полыхали зарницы, отвлекающие внимание.

Лиза очнулась, поняла, что пропустила что-то важное, пока принимала участие в болезненном видении.

В дверь звонили.

Она сорвалась, запнулась за ковёр, больно ударилась лбом об этажерку. Сердце выпрыгивало из груди, но это было не настолько важно.

– Там Митя! Он пришёл, пришёл, – ликовала нетерпеливая душа.

Лиза отворила дверь, кинулась в объятия, с разбега впечаталась в его рот поцелуем.

Митя дождался, когда закончатся щенячьи нежности. Не отстранился, но и участия никакого не принял, молча пережидая завершение восторженного приветствия.

– Лизонька, девочка, нам нужно поговорить.

– Я знаю, знаю! Не представляешь, Митя, как я тебя люблю!

– Вижу, котёнок, вижу.

Лиза встала в горделивую, ликующую позу, приготовилась услышать именно то, что несколько минут назад пригрезилось, словно сейчас это произойдёт наяву.

– Ну же, не тяни, я готова, готова! Я тебе такое скажу, ни за что не поверишь...

– Я тоже. Понимаешь, нам нужно...

– Я тоже так думаю. Пусть это случится именно сегодня. Для этого ты и взял тайм-аут, чтобы решиться...

– Да, наверно да... решиться. Решить.

– Ура! Так и знала... ты лучший!

– Лиза, успокойся. Можешь хоть одно мгновение побыть

серьёзной!

– Молчу-молчу, Митенька. *“Я умолкаю. Что ж, да будет так. Как птица, что в тиши уже не пикнет, потом наступит вечер, ночь и мрак, а после... после мир привыкнет.”*

– Глупышка! Неужели ты совсем ничего не чувствуешь?

– Ещё как чувствую, Митенька, просто восхищаюсь тобой, милый мой человечек! Всё, молчу. Прости, у меня внутри каждая клеточка, каждый атом поёт и танцует. Могу сказать сразу – да, да, да!

– Сочувствую, малышка. У тебя богатое воображение, но я не для этого пришёл.

– Для этого, Митенька, для этого!

– Послушай, Лиза, нам надо...

– Да, конечно надо, просто необходимо!

– Расстаться.

– Что... уезжаешь, куда, когда, почему, заче-е-м!

– Слишком много вопросов, девочка. Ухожу, Лиза. От тебя ухожу. Нам больше не нужно встречаться.

– Это как, зачем... ущипни меня что ли, наверно сплю, да... а, ты только что это придумал, проверяешь, испытываешь! А любовь, наша любовь... ты меня больше не любишь... или никогда не любил... никогда, да?

– Думал, что люблю. Любил. Не хотел делать тебе больно. Наверно я устал. Любви стало слишком много, а чего-то очень нужного слишком мало.

– Разве так бывает?

– Не знаю. Любовь – это иллюзия. Нам всем от неё чего-то нужно.

– Так возьми... возьми... всё, чего пожелаешь. Я же это хотела тебе сказать. Я готова!

– Поздно, Лизонька. Всё, чего я хотел, мне уже дали. Не ты.

– Так запросто об этом говоришь? Хочешь сделать больно, чтобы легче было расстаться? Не верю, ты всё врешь! Любовь не похожа на рисунок простым карандашом, её невозможно стереть ластиком, она будет мучить вечно, как ампутированная конечность. Знаешь, что такое фантомные боли? Мне... мне тебя немножечко жалко: чуть-чуть, самую малость. Ты так ничего и не понял.

– Не выдумывай. Меня теперь есть, кому утешить.

– Пусть так... пусть. Ты прав в одном, я ещё слишком юная для любви. Буду зализывать раны. А хочешь... скажи честно... здесь, прямо сейчас... меня хочешь?

– Неделю назад очень хотел. Ладно, мне пора. Там... короче, ждут меня. Не унывай!

– Я тоже тебя ждала.

Лиза рыдала, плакала, снова рыдала. Весь вечер, всю ночь. А утром написала стихи:

“Не плачь. Вот и мужчина в дверь звонит. И, значит, жизнь прекрасна в этом мире. А у меня такой усталый вид, а у меня не убрано в квартире, а у меня изъедена душа сомнением, нелюбовью, отчуждением и страхом одино-

чества. Спеша, над левым глазом поправляю тени, чтоб слёз не оставалось и следа (ведь часто выдают нас наши лица), открою дверь, так, словно никуда мне от большого счастья не укрыться.”

В рассказе использованы стихи Ярослава Врхлицки и Елены Исаевой.

Стихи и проза

*Смех серебристый и запахи комеди
В небо взлетают рассветно-глубокое,
Сколько бы сердце ни билось, а в памяти
Влажные губы и взгляд с поволокою...*

Алексей Порошин

Юное районное дарование, (так его обычно представляли в редакции, когда нужно было кого-нибудь послать на совещание, симпозиум или слёт, потому, что он единственный был холост и не имел супружеских и семейных обязательств) Алексей Вениаминович Пестриков, корреспондент, ведущий в газете отдел культуры и литературную страничку, находился на грани психического срыва.

Местные “знаменитости” присылали обычно стихи залихватские, разухабистые и странные. “Сенокос на лыжах”, “Весенний листопад”, “На свалке грёз”, “Причёска людоеда” – так по большей части назывались лирические шедевры, которые Лёша находил в конвертах.

Тем не менее, с него требовали, чтобы стихи и новеллы появлялись в газете как можно чаще.

Приходилось создавать лирику и пафосные вирши на коленке, подписывать их вымышленными псевдонимами и публиковать.

Получалось неплохо, особенно романтические миниатю-

ры, вдохновенные патриотические зарисовки и юмористические новеллы.

Потом он издали влюбился в Катеньку Суровцеву, комсомольскую активистку, и всё пошло наперекосяк. Лёша больше не мог ни о чём другом думать, кроме шустрой пигалицы, её бездонных насмешливых глаз, волнообразных очертаний стана, губ вишенки и мелодичного голоса.

Стихи он стал писать втрое чаще, но выставить напоказ не решался, потому, что вкладывал в них душу, выворачивая наизнанку насыщенные эмоциональные состояния вперемежку с мечтами и фантазиями.

Произведения выходили настолько интимными и чувственными, что делиться ими с кем-то было страшно: вдруг не поймут, вдруг осудят.

Пылкие переживания одолевали влюблённого графомана и днём и ночью. Из-под его пера то и дело выходили настолько щемящие строки, что держать их в секрете не было сил.

Алексей Вениаминович начал тайно посылать стихи, отпечатанные на машинке в редакции Катеньке, подписывая их псевдонимом Роман Мякишев.

Отослав первое письмо он, как бы случайно встретился с Катенькой, чтобы по косвенным признакам и уликам понять, как девочка отнеслась к его искреннему признанию.

Особенных поводов для делового свидания искать не пришлось: ведь он корреспондент, к тому же член бюро райкома комсомола.

Катенька не прятала взгляд, не робела, уверенно и ловко расправлялась с вопросами, которые Лёша вымучивал, старательно отыскивая признаки влюблённости, или хотя бы небольшого интереса к себе, влюблённому, посылающему такие замечательные стихи, и не находил. Их не было.

Вот он реально был застенчив и напуган, воспринимал встречу как настоящее романтическое свидание, потому краснел и потел, тайком разглядывая нежные пушинки на щеках, прозрачные раковины ушек, капельки влаги на губах, изысканный изгиб шеи, разлапистые реснички, косы, которые были полной экзотикой для текущего времени..

Ниже плеч Лёша смотреть не решался, поскольку мерцабельная аритмия сердечных ритмов и без того могла привести к полной остановке дыхания, обжигающе горячего и прерывистого, как у человека, которому суждено с минуты на минуту предстать перед создателем.

На Катеньке был открытый лимонного цвета сарафан на тонюсеньких бретельках, вздымающийся спереди на вибрирующих от каждого движения холмиках с рельефными виноградинами сосков (о, боже), которые юноша приказывал себе не замечать.

Однако это было задачей поистине непосильной: магнетизм и гипнотизм девичьих особенностей не давал шанса остаться незамеченными. Они манили.

Сознание влюблённого разделилось на три самостоятельных ответвления, одно из которых задавало глупые вопро-

сы, второе думало о возвышенном и прекрасном, а третье... третье не могло отделаться от желания заглянуть за пределы запретного, смаковало и оценивало интимные подробности.

Лёшка не хотел, не имел права засматриваться на свою музу, на девочку, которую боготворил, с точки зрения, щекочущей нервы, но всё равно возбуждался, замечая, как просвечивает насквозь её ушко, как шустрый язычок облизывает губы, как женственны и соблазнительны плавные жесты, как чувственно колышутся упругие полушария.

Не было ни одного намёка, ни единого признака того, что интимная энергетика лирических признаний достигла цели. Катенька вела себя обыденно, непринуждённо как ребёнок.

Это было обидно, досадно и в тоже время вдохновляло. Непонятно, чего было больше.

Лёша не нашёл ничего лучше как попросить ответить письменно на список вопросов и если можно принести их в редакцию. Перевести общение в иное русло он не смог, отчего сильно страдал и огорчился.

За спиной у парня было двадцать три года, три безуспешных попытки наладить отношения с девочками и ни одной серьёзной влюблённости. Он не знал, как поступать правильно, как обозначить свой интимный интерес, как сделать первый шаг, чтобы не испугать и не обидеть.

Рифмы и ритмы всплывали в уме, складывались в строки, но они не воспевали любовь, не призывали к действиям, не утешали: они стонали, жаловались, печалились, взывали,

плакали.

Сегодня, не получив ответ на свой безмолвный призыв Лёша бесцельно брёл через поле, потом по лесной тропе, залез в какие-то дебри, провалился в болотную трясиину, вымазался с ног до головы, искал, где можно ополоснуться, долго, пока не застыл, плавал прямо в одежде, потом обсыхал, пока не опустились густые сумерки.

Не помогло.

Он чувствовал себя брошенным, одиноким и несчастным, хотя сам ничего не сделал для того, чтобы приблизиться к мечте хоть на шаг.

Однако утром Лёша решился опустить в почтовый ящик конверт, в который поместил большую часть стихов, которые подписал – “Посвящаю любимой”, но опять подписался псевдонимом.

Если и теперь не поймёт, не почувствует, думал он, значит не судьба.

Странные люди эти влюблённые: они почему-то считают, что их эмоции и фантазии – открытая книга.

Ночью Лёша сочинял баллады и сонеты, днём грезил наяву и всё ждал, ждал, когда же девушка наконец разглядит в нём того самого единственного, без которого жизнь не в радость.

А Катенька всё молчала и молчала, хотя не раз и не два заходила к нему в редакцию, приносила материалы для публикаций, отвечала на вопросы.

И ведь видела, видела, с каким обожанием Лёшка на неё смотрит, как мается неопределённостью, как много всего хочет ей сказать, но не может... потому, что боится разрушить мечту.

И ведь решился почти парень на серьёзный разговор, даже сценарий диалога написал, перед зеркалом репетировал в лицах: признавался, убеждал, спорил.

Всё портило это “почти”.

Каждый раз Лёша натыкался на непреодолимое препятствие, отступал, клялся, что завтра, максимум послезавтра, что через неделю железно признается, даже если Катенька посмеётся над ним.

В один из таких дней его вызвал редактор и будничным голосом поведал, что по партийной разрядке район должен послать на областной слёт молодых поэтов самого талантливого. Альберт Иванович сдвинул на нос очки и сурово посмотрел Лёше в глаза.

– Надеюсь, ты понимаешь, насколько это важно. Сам, сам, понимаешь ли, звонил, от-ту-да, – показало пальцем вверх начальство, – не подведи.

Лёша пытался отказаться, привёл тысячу с хвостиком аргументов, но редактор был непреклонен.

– Зайди в бухгалтерию, получи командировку, деньги и готовься. Готовься! Не посрами честь родного коллектива. Ты же можешь, я знаю. Справишься? Хм... ато!

Алексей расстроился, но перечить не посмел. По пути до-

мой он остановился у витрины фотоателье и увидел...

Это была она, точнее её, Катеньки Суровцевой, портрет. Девушка вполоборота сидела на стуле, одной рукой игриво теребила закинутую на грудь косу, другая была свободно опущена между ног.

Прозрачное платьице, оголённые ноги, довольно откровенно открытая грудь, рельефно выступающие ключицы, ямочка на подбородке, вопросительная улыбка, открытые ушки, поцелуйные губы...

Глаза на портрете были живые: о чём-то важном спрашивали, следовали за направлением его взгляда и манили, манили.

Лёша зашёл в мастерскую, представился и попросил, если можно, он готов заплатить, сделать десять таких портретов и один крупнее.

Пожилой мастер улыбнулся, пожевал усы, – понимаю. Как вас понимаю, молодой человек. И конечно вы хотите, чтобы это осталось в тайне. Зайдите вечером, часиков в шесть.

– Не могу, уезжаю в командировку. Приеду дней через восемь. Если бы сейчас.

– Сейчас могу уступить этот, с витрины. Хотите, забирайте прямо с рамкой.

В поезде Лёша перечитывал стихи и смотрел на любимую. Какая же она...

Участников слёта собрали в здании областного комитета комсомола, потом погрузили в туристические автобусы и по-

везли в старинную усадьбу, похожую на музей, которая было перепрофилирована для организации конференций и симпозиумов.

Два дня литераторам выделили для предварительного знакомства, на третий был арендован речной круизный теплоход, на котором в торжественной обстановке должны были состояться основные мероприятия с участием телевидения.

Лёшу поселили с удивительно общительным юношей, Геннадием Саламатиным, который был в курсе всего.

Официально участников слёта пока не знакомили. Был постоянно открыт бар с живой музыкой. Две девушки и два парня играли на десятках инструментов без устали.

Из спиртного были только слабоалкогольные коктейли, которые не вставляли, но публика была тёртая, у каждого в багаже лежали бутылки с горячительным.

Обстановка с самого начала сложилась дружественная, раскрепощённая. То и дело кто-то со сцены декламировал стихи. Чаще всего микрофон брала интересная девушка с эпатажной внешностью.

Она закрывала глаза, качалась в такт заказанной музыкантам мелодии и читала, читала.

У неё был очень чувственный голос. Не слушать её было невозможно. Зал замирал. У Лёши по коже прокатывались мурашки, запирало дыхание. Стихи были так созвучны его настроению, так растревоживали душу.

– Нравится? Ещё бы. Это же сама Вера Зарубина, восхо-

дьящая звезда. Весь этот слёт собственно для неё. Конечно она бесспорный талант, но главное – её папочка, имеющий связи на самом верху. На теплоходе про неё документальный фильм снимать будут. Может, и мы в кадр попадём. Ладно, не бери в голову. Лучше по сторонам смотри. Ты уже выбрал?

– Чего?

– Чудик ты, Лёха. Смотри сколько соблазнительного бабья. Поэтессочки, красотулечки, лапочки, ух-х! Лови момент. Они же все немножечко чокнутые, чувствительные не в меру. Это нам на руку. Бери что хошь. Пальчиком помани, спой в ушки сладенько и откусывай, отламывай помаленьку. Вон ту фигуристую блондиночку, Риту Плотникову, видишь? Её не трожь – моя, остальных пока можешь упаковывать. Усёк, поэт? Праздник у нас!

– Я не по этой части. Честно говоря, очень не хотел сюда ехать, приказали. У меня любимая.

Компания час от часу веселела, поднимая себе настроение всё более близким общением, алкогольным градусом, хулиганистыми частушками, провоцирующими снять интимную пробу и танцами, которые сами по себе были эротической рекламой.

Со временем реалии происходящего в головах танцующих размылись настолько, что почти все участники потеряли представление о наличии комплексов, заместив их смутными желаниями, которые теперь обретали форму и опреде-

ляли вектор поведения.

Стесняться в такой горячей компании не было смысла.

Лёша устал, ушёл в свой номер, разделся и лёг, только спать не получалось. Он долго всматривался в Катин портрет, беседовал с ним, потом выключил свет. В это время в номер громко ввалился Генка.

– Поэт, ты спишь?

Лёша промолчал.

– Вот и чудненько. Ритулечка, проходи. Какая ты славная, какая расчудесная, какая горячая! Я в тебя сразу влюбился. Устала наверно.

Девушка хихикнула, уверенно присела на широкую Генкину кровать. Щёлкнул ночник, который парочка тут же завесила полотенцем, чтобы не очень-то светил в глаза. Они долго шептались, громко чмокали, кричали, напряжённо дышали, отчего воздух вокруг шевелился, вибрировал и искрил.

Слышно было, как растёгиваются молнии, как щёлкают резинки трусов, как натужно скрипит под тяжестью тел гостиничная кровать. Время от времени раздавались размеренные шлепки тело о тело и приглушённые стоны.

Лёша пытался сосредоточиться на слёте, на Катеньке, придумывал новые рифмы, но напряжение, в котором он пребывал, которое не отпускало, ни на минуту, не давало шанса расслабиться.

И всё же он заснул, или забылся на время. Ему привиде-

лась Катенька: милая, воздушная, почти нагая. Она бежала навстречу босиком по цветущему лугу в развевающемся прозрачном платице, сквозь которое просвечивало упругое тело, с раскрытыми объятиями и что-то кричала.

Воздух был напоен ароматом мяты, бергамота, густым запахом смеси лавра и мускуса.

Добежать друг до друга они не успели: что-то тяжёлое грохнулось оземь, отчего видение скукожилось и растаяло, а Лёша открыл глаза.

Раздосадованное, разбитое почти бессонной ночью юное дарование повернулось на резкий звук.

На полу в свете ночника забавно чертыхался голый Генка, упавший почему-то с кровати, на которой спокойно посапывала столь же откровенно нагая Рита Плотникова.

*Трепещущие пламенем тела,
Уставшие от длительных разлук,
Желающие ласки и тепла,
Касаний губ, прикосновений рук..
Сверкают в небе зарева зарниц,
И смерч несёт, захватывая, ввысь
Я у твоих колен простёрся ниц
И умоляю сердце – не взорвись!
Алексей Порошин*

На следующую ночь Генка самозабвенно кувыркался в постели с Ирочкой Славиной, застенчивой мышкой, которая

на людях стеснялась даже открытого взгляда. Зато в постели недотрога брыкалась и воплощала в жизнь совершенно безумные эротические фантазии как настоящая фурия, показывая чудеса растяжки и пластики, совершенно не обращая внимания на присутствие рядом постороннего мужчины всего в трёх метрах от интимного ристалища.

Лёше было противно: такое отношение между женщиной и женщиной противоречило его представлению о любви, но ложное понятие мужской солидарности не позволило ему поставить вопрос ребром.

Опытный ловелас Генка чувствовал, что Лёшей запросто можно манипулировать и беззастенчиво пользовался этим обстоятельством. Поэтом он был никаким, зато слабости человеческие использовал виртуозно.

На теплоходе они тоже попали в одну каюту, что не сулило ничего хорошего, тем более что ассортимент чувствительных особ пополнился вновь прибывшими поэтессами. Но Лёша не умел сопротивляться, не научился до сих пор говорить – нет.

Официальное открытие слёта состоялось сразу после обеда в большом актовом зале, освещённом многочисленными софитами и утыканном камерами. Лёше стало не по себе. Он пожалел, что согласился представлять себя поэтом, пусть даже и молодым.

Первой долго и чувственно выступала Зарубина, которая сегодня пребывала в особенно эмоциональном образе, до-

полненном необычным "летающим" платьем тёмно-серого оттенка, добавляющим ей таинственности и шарма.

Верочка драматично заламывала руки, подыгрывала себе мимикой, жестами и выразительными движениями тела.

Её снимали одновременно с нескольких ракурсов, разнообразя сцену звуковыми и световыми эффектами, музыкальным сопровождением. Это было завораживающее представление, похоже, отрепетированное заранее.

На фоне Верочкиного спектакля все остальные участники выглядели серой графоманской массой.

Когда дошла очередь до Лёши, он решил отказаться декламировать свои произведения, которые посчитал недостойными называться поэзией. Чтобы долго не объясняться, он сказал, что записи пропали, а по памяти он читать не может, однако организаторы тут же достали папочку с копиями произведений, которые сделали при регистрации участника слёта.

Пришлось выходить на сцену.

Лёша переключал листки с текстами в попытке успокоиться. Первое стихотворение безбожно скомкал срывающимся голосом, потому что понимал – это публичное признание в любви, к которому он готов не был, но зал отчего-то заплодировал.

Реакция слушателей удивила, но давала понять, что стихи его не совсем безнадёжны, ведь другим чтецам внимания отчего-то не досталось.

Алексей увлёкся, по примеру Верочки Зарубиной прикрыл глаза, представил, что разговаривает Катенькой, что откровенно признаётся ей в своих романтических чувствах, не стесняясь о них заявить кому угодно, пусть даже на всю Вселенную.

Слушатели взорвались овациями. Это было так необычно, так странно, что Лёша убежал со сцены и долго не мог успокоиться.

Ему казалось, что над ним смеются, но это было совсем не так. Организаторы приняли решение коротко показать в новостях открытие слёта, фрагмент профессионально поставленного выступления Веры Зарубиной и его, Алексея Пестрикова безусловный триумф.

Лёша узнал об этом только на следующий день, а Катенька...

Девушка сидела в кресле у телевизора, но занята была чтением “своих” стихов, которые казались ей поэтическими шедеврами. Никто из её знакомых не мог похвастаться тем, что специально для них сочинили серию душещипательных миниатюр, в которых легко можно было понять, кто вдохновил поэта.

Катя не знала, что Алексей уехал на слёт. На областные новости на экране она не обратила внимания. Стихи Веры Зарубиной были лишь фоном, но на знакомую фамилию и Лёшин голос девушка отреагировала сразу, уставившись в экран, где Алексей Вениаминович вдохновенно читал сти-

хи... посвящённые ей. Именно те, которые сейчас держала в руках.

Девушку словно током ударили. Она переводила взгляд с экрана на лист бумаги и не могла поверить в то, что здесь и сейчас ей признаются в любви на всю область, а может и на всю страну.

– Мама, мамочка, иди скорее сюда, он мои стихи читает.

– Кто он? Доча, мне некогда. Какие ещё стихи?

– Да он же, он, Лёша... из газеты, я тебе про него рассказывала. Он мои стихи читает, которые по почте пришли. Понимаешь, мама, он их мне читает. Он всем-всем признаётся, что любит меня, понимаешь... а мне... мне, мама, он ни слова не сказал. Почему?

– Тебе представляется, доча, что это так просто – признаться в любви? Мужчины ведут себя как капризные малыши, когда влюблены по-настоящему. Они, девочка моя, боятся как огня, что им, таким сильным, могут сказать нет. Ну и что думаешь по этому поводу, как поступишь?

С девочкой происходило нечто невероятное. Она сразу, сразу всё поняла. Всё-всё: зачем он к ней приходил, почему так настойчиво пытался встретиться взглядом, почему так странно себя вёл. Всё-всё поняла и обомлела от этой догадки.

Он же её любит! По-настоящему любит, только робеет признаться. А ведь Лёша ей давно нравится. Катя подумать не смела, что способна увлечь такого парня.

Катенька закрылась в своей комнате и редела... редела от счастья.

Мысли девочки неслись вскачь, разжигали из малюсенького тлеющего уголька симпатии кострище из чувств и эмоций, которое разгоралось всё сильнее, вызывая противоречивые ощущения: от неудержимого ликования и восторга до сомнений и безотчётного страха.

Катенька не успевала насладиться бурным воодушевлением и связанными с ним сладостными фантазиями как на смену полёту и парению в вышине над Вселенной в мятущемся сознании высевались семена неуверенности, стремительно прорастающие мучительными сомнениями и сопутствующей этим состояниям леденящей паники.

Разве так бывает, думала девочка, только что ничего не было, даже влюблённости и вдруг самая настоящая любовь, да какая! Ощущения были настолько неожиданными, до того захватывающими, что с ними невозможно было справиться в одиночку.

Катеньке захотелось немедленно объясниться, тотчас увидеть его, хотя бы по телевизору, если нет возможности встретиться.

Катенька плакала, танцевала, целовала листочки со стихами, представляла, что кружит сейчас не одна, а с ним, с любимым, отчего сердце выпрыгивало из груди.

А если это просто игра, спрашивала она себя? И тут же противоречиво заявляла, – ну и пусть, зато я его люблю, люб-

лю и никому не отдам.

Они ни разу не разговаривали о чувствах, ни разу не были на свидании, ничего друг о друге не знали, а в девочке уже проснулась первобытная страсть и чувство ревнивой собственницы. Как же это право странно.

Лёша об этом даже не догадывался. Ему досаждали поздравлениями. Все просили написать какое-нибудь стихотворение, заверить его автографом, что было довольно приятно, но агрессивное внимание раздражало.

На танцевальную вечеринку юноша не остался: тихо улизнул при первой же возможности и сразу улёгся в постель, положив под подушку исцелованный, засмотренный едва не до дыр портрет.

Ночью Генка привёл очередную развесёлую пассию, изрядно пьяненькую и абсолютно не стеснительную.

На этот раз приятель ничего не спрашивал: пребывал в алкогольной эйфории, поэтому раздеваться парочка начала немедленно, хотя Лёша наблюдал за процессом обоюдного соращения. Он уже начал привыкать к близости совокупляющихся парочек.

Свет был выключен, но иллюминация на палубе замечательно подсвечивала взрослые игры. Воздух моментально насытился термоядерной смесью запаха приторных духов, пота и похоти, сквозь которую то и дело выстреливали молниями разряды сексуальной энергии: невыносимое испытание для того, кому суждено быть невольным зрителем.

Генка с компаньонкой старательно раскачивали каюту, многозначительно шептались. Слава богу, что на этот раз поединок закончился довольно быстро. Тем не менее, Лёше было неуютно и грустно, что люди могут иметь такие извращённые понятия о любви, самой светлой и яркой стороне жизни.

Он понимал, что постельная акробатика тоже часть любви, но до физической близости необходимо сначала пройти через бескорыстную дружбу. Через платонические отношения: узнать друг друга, научиться доверять, уступать; понять, насколько друг другу необходимы и дороги, стать единым целым духовно и лишь тогда, если конечно слияние станет необходимой частью общения, можно открыть последнюю интимную тайну.

А так, ради высекания нескольких тлеющих искорок, которые зажечь ничего не способны, лечь в постель с первым встречным, довериться его беспорядочной непорядочности...

Нет, Геныч, дурак ты, циничный и беспринципный коллекционер вульгарных излишеств. Не суждено тебе познать прелесть непорочной влюблённости, романтических переживаний, искренних чувств.

На обратном пути Лёша прикинулся больным, попросил поселить в отдельной каюте. Генка взрослый мужик, пусть сам решает, кого и как любить.

За три дня Лёша насочинял целый блокнот рифмованных

строк и письмо написал.

“Милая Катенька. Не знаю отчего, никак не могу решить-ся заговорить с вами о главном. Главном для меня, поскольку схожу с ума от вашего обаяния. Поверьте, мне очень сложно признаться в любви, но если не сделаю этого сейчас, если утрачу окончательно шанс стать самым счастливым человеком на свете ...”

На одной из экскурсионных стоянок Лёша купил заказной конверт с марками для отправки. Письмо и тщательно переписанные стихи с признанием своего авторства были запечатаны, но так и не отправлены.

В редакции была подготовлена встреча с читателями, на которую пришли партийные и комсомольские представители. Встретили Лёшу с помпой.

Зрители рассчитывали на столь же эмоциональное выступление как в телевизионном репортаже, но виновник торжества не доставил им особенного удовольствия, лишь сбивчиво и вяло рассказал в общих чертах о слёте да прочитал без выражения одно единственное стихотворение.

Тем не менее пришлось подписывать целую кипу фотографий, которые заботливо заготовили в редакции по указанию из райкома партии.

Одна из последних почитательниц подала конверт. Лёша, не поднимая головы, спросил, кому адресовать автограф.

– Суровцева... Катя. Вы, конечно, можете поставить автограф, но это письмо адресовано вам.

Лёшу пронзило осознание, что с ним разговаривает она, Катенька. А ведь у него тоже есть для неё письмо.

– Извините, Катенька. Не видел вас в зале. Письмо от вас? А у меня... знаете, у меня тоже для вас послание. Очень важное. Только не читайте его здесь.

– Ты тоже, Лёша, здесь не читай. Не спрашивай пока ничего, хорошо? Вечером поговорим.

– Вечером! Где, где, Катенька!

– Я всё написала. До встречи... Лёша... я буду... с нетерпением ждать.

Безумное счастье

*Завести себе осень с глазами щенка-лабрадора,
Написать на ошейнике имя на случай пропажи –
И уехать с ней в дальний, огромный какой-нибудь город,
Где никто никому ничего про тебя не расскажет...*

Анна Полетаева

Сергей, прижимая смартфон к уху, нервно расхаживал по комнате. Звонок жене был необходимым ритуальным действием.

Лица уже неделю была в командировке, детей на всё лето отвезли к её родителям. Казалось бы, можно расслабиться, окунуться с головой в гораздо более приятные отношения со Светой, но у неё, как назло, что-то странное происходит с мужем. Любовница который день отказывается встретиться.

Витька ни с того ни с сего расчувствовался, чего никогда прежде не случалось. Лезет к жене с обнимашками, достал поцелуями, таскается за ней всюду, встречает, провожает.

Может, узнал чего про интимную, совсем не целомудренную связь с Сергеем. Или любовницей поссорился. С чего бы ему так нервничать, так неожиданно увлечься собственной женой!

Жили и жили, каждый сам по себе, надоели друг другу. Женились-то по залёту. Любовь закончилась с рождением сына, можно сказать, не начавшись. И вдруг такие нежности.

Витёк мужик спокойный, предсказуемый. Раз в неделю равнодушно, даже лениво, исполнял супружеский долг.

В субботу с утра у них был ритуальный семейный поход в кино, потом ресторан. Ну и постель, не без этого. На этом их интимное общение обычно заканчивалось, если не считать совместных завтраков и ужинов.

Сергей любовницу к нему нисколько не ревновал, потому что сам жил в похожем режиме. Жёну он любил раза два в неделю, а со Светкой встречался, когда удавалось создать достоверную легенду о срочной занятости и совместить с её свободным временем.

Светка паниковала. Женщина, понятное дело – переживает, мнительная чересчур. Боится, что о наших встречах проведал. Так рано или поздно всё равно узнает.

На ревность его странное поведение совсем не похоже. Наверняка, это неудача на левом любовном фронте. Сам не живёт нормально и Светке не даёт.

Сколько раз говорил ей – пора на свет выходить. Сколько можно прятаться! Любовь в неволе не живёт. А у них теперь что творится?

Редкие безумные встречи, которых невозможно дождаться, разговоры только по телефону.

Витька каждый раз радостно, чуть не спотыкаясь, бежит к Светке на свидание, как прыщавый первокурсник. Впрочем, сколько раз действительно падал, забываясь от нетерпения, не замечая дороги.

Однажды в люк провалился, сколько раз с деревьями бодался, однажды едва под машину не попал.

Светка, она такая... ну, почему он Анжелика раньше встретил! Зачем судьба свела его не с той, и Светку не с тем?

Лица неинтересная, скучная, чужая какая-то. Обнимая жену, он давно восторга не ощущает. Но она – мать его детей. Так уж вышло.

Когда это началось, почему они вообще поженились!

Сергей множество раз задавал себе этот нелепый вопрос и не находил на него ответ. Любви между ними точно не было.

Было неистовое желание совокупляться.

Однажды на студенческой вечеринке он пригласил Лику на танец, вдохнул аромат её разгорячённого тела и утонул в соблазне.

Анжела не ломалась, не сопротивлялась. Покорно дала себя раздеть.

Сергей ликовал.

Лица была его первой девушкой.

Светка второй.

Секс тогда прочно завладел его сознанием, став наркотиком. Нужно было что-то делать, вот он женился.

Два года супруги не выходили из спальни.

Однажды Сергей вдруг понял, что Анжелика никогда не принимает участия в любовных играх, просто позволяет себя иметь, не проявляя никаких чувств.

Странно, что заметил он это лишь тогда, когда родился

Ромка. Два года провёл в блаженном оцепенении, в непонятном гипнотическом трансе, жил галлюцинациями с иллюзией любви.

Хорошо ему было? Кажется да.

Но однажды наваждение спало, мистический морок рассеялся. Сергей начал задумываться, вглядываться, замечать.

Анжелика была обыденной, заурядной, скучной. Вполне надёжной, но совсем чужой.

Она всё делала неторопливо, с явным безразличием. Механически наводила видимость порядка, готовила быстро, но невкусно, равнодушно общалась с детьми и с ним, привычно справлялась, требуется ли сегодня секс.

Светка совсем другая – восторженная, жизнерадостная, нежная, до того чувствительная, что энергии её эмоций, насыщенных искренней радостью, хватает на двоих.

Сергей обычно забирал любимую через два квартала от её дома. Уезжали как можно дальше и разговаривали, разговаривали, разговаривали.

Обо всём на свете. Тем и поводов для бесед в разлуке накапливалось столько, что все не переговорить.

Именно так. Со Светой можно было обсуждать что угодно, любое обсуждение превращалось в душещипательную новеллу.

Она зажигалась от всего. Восхищалась им, погодой, хвалила, ликовала по любому поводу и даже без повода, упивалась близким общением, и вообще радовалась жизни.

Света млела от одного его взгляда, таяла, дрожала от прикосновений, безудержно целовалась, сливаясь с ним в невыразимом экстазе. Её несдержанная чувственность резонировала с его интимными ожиданиями, предвкушениями грядущего блаженства, с любыми, даже самыми нескромными желаниями.

Светка всегда чувствовала его, словно считывала мысли: о чём он думает, о чём мечтает.

Сергей хотел эту славную женщину всегда, даже когда той не было рядом, ещё сильнее. Наверно в разлуке он нуждался в ней гораздо больше.

Встречаясь, они ездили в соседние города, подолгу бесцельно бродили по незнакомой местности, держась за руки. Светка резвилась как маленькая девочка, звонко смеялась, отчего всё внутри у Сергея замирало в восторге.

Странно, но рядом с ней он забывал о сексе, хотя это всегда непременно случалось. Сливаясь в экстазе оба сходили с ума от безграничного счастья.

Сергей чувствовал её сердцебиение, улавливал ноздрями восхитительный запах. Он не мог жить без Светкиных прикосновений, звука её голоса. Целуя, Сергей становился невесомым, словно терял сознание. Ему казалось, что проваливается в бездну блаженства.

Вдвоём было хорошо, сладко, и блаженно лениво.

Потом всё внезапно заканчивалось. Погостив в Светкиных мыслях, испив нектар её губ, проникнув во влажный ин-

тимный тайник, сроднившись с её нутряными средами, обязательно приходилось расставаться.

Любимая женщина отправлялась к себе домой, обнимать нелюбимого мужа, к Сергею в кровати прижималась Лика.

Она любила спать, закинув на него ногу.

Перед сном Сергей всегда находил возможность улизнуть из дома, хотя бы на несколько минут, чтобы поговорить со Светой, пожелать ей спокойной ночи. Он просил её прикладывать микрофон к сердцу и слушал, слушал, млея от наслаждения, ритмическое биение, словно самую лучшую музыку на Земле.

Как же сильно он её любит!

Оба не раз пробовали расстаться.

Не вышло.

Не увидев друг друга несколько дней, они начинали сходиться с ума.

Ведь она – чужая жена.

Чужая!

Разве нормально, разве правильно так жить!

Сергей разговаривал с Ликой, повторяя бездумно обычные, ничего не значащие фразы, мечтая о том, чтобы быстрее закончить ритуальный танец, и заняться более серьёзным делом – мыслями о Свете.

Он истомился, устал без любимой, которую сейчас, прямо сейчас, сию минуту, он был в этом уверен, целует Витька.

Как же хотелось увидеть её, обнять, прижать к сердцу, а

потом посадить в машину и уехать далеко-далеко, чтобы никто никогда не смог их найти.

С ней можно всю жизнь бродить в непроходимом лесу, попасть под штормовой снегопад, замёрзнуть едва не до смерти, потом, дрожа и стуча зубами, запросто согреться любовью.

Со Светкой любое занятие – праздник души и сердца.

Как же хочется слышать её голос, проводить щекой или губами по нежной шее, засовывать холодный нос в ухо, прижимая крепко-крепко, дышать поцелуями, входить и выходить из тёплой податливой плоти.

Ему недостаточно просто знать, что она есть.

Будь что будет. Сейчас он поедет к ней домой и...

Слишком сложный вопрос

*от пятки к бедру
языком
до дрожи
по белой атласной ухоженной коже
и выше
по абрису плавной волны
до тонкого контура хрупкой спины
лова у лопаток
несдержанный пульс
почувствовать шею
дурманящий вкус
и в этом потоке
живительных струй
ответный ее
заслужить
поцелуй...*

Смотритель маяка (Марина Терентьева)

Считается, что жизнерадостные люди никогда не грустят.

Это ошибка: страдают, переживают, причём довольно часто, убедительно и мощно. Только они стараются это делать так, чтобы никого не смущать.

Уверяю – это очень непросто.

Женечка Лузгина в минуты безграничного отчаяния, тя-

гостного уныния и беспричинной меланхолии была похожа на Мери Поппинс, когда та ещё была девочкой – Пеппи длинный чулок.

Обычно она предварительно проделывала несколько обязательных манипуляций: сплетала волосы в две тяжёлые косы, надевала грубой вязки свитер тёмно-серого цвета, тёплые вязаные чулки с горизонтальными полосками и приступала к процессу отчаянного самоедства.

Это означало, что жизнь задала слишком сложный вопрос, который требует столь же серьёзного осмысления.

Она уединялась, отворачивалась лицом к стенке, брала одну из тугих кос, словно куклу и начинала с ней разговаривать как с подружкой, которой можно поведать всё-всё-всё.

Сегодня у неё было прекрасное настроение, но желание пообщаться со своей грустной собеседницей просто распирало. Наверно диалог с молчаливой собеседницей входил постепенно в привычку.

Женечка, несмотря на то, что её соседки по комнате находились рядом, исполнила ритуал посвящения куклы в девичьи проблемы в полном объёме. Только разговаривала с ней не вслух, как обычно, а про себя, не произнося как бы ни единого слова, хотя делала это не менее эмоционально, чем обычно.

Для девушки была очень важна реакция молчаливой подружки. Так её научил некогда дедушка, считавший, что для полного счастья человеку нужен лишь он сам и вниматель-

ный внутренний собеседник, который способен научить чему угодно, если относиться к нему с искренним уважением.

– Если не можешь чувствовать себя благополучной и жизнерадостной наедине с собой, тебе никогда не будет хорошо даже в большой компании. Жить нужно здесь и сейчас, удовлетворяясь тем малым, что уже имеешь. Воспринимай живое общение как приз за хорошее поведение. Всегда будь готова пользоваться одиночеством как благом, позволяющим посоветоваться со своим внутренним я. Искреннее и честнее его ничего в мире нет, – наставлял дедушка.

Ещё он учил Женечку пантомиме и живому диалогу с куклами, которые делал своими руками из старых лоскутков и подручных материалов.

Ей никогда не было скучно наедине с собой. Грустно – да, но пессимизм и депрессия никогда не посещали её в полном объёме.

Девочка умела мечтать реалистично, распределяя роли между виртуальными собеседниками, которых могло быть несколько, вела с ними пространные диалоги, в которых не всегда была ведущей.

– Ну вот, теперь у меня, откуда ни возьмись, появился жених. Я уже начала успокаиваться, смирилась с тем, что симпатичный мне мальчик, по которому страдала, даже плакала от горя, достался другой... и вот он сам нашёл меня. Хорошо это или плохо я пока не разобралась. Приятно, да, но как-то тревожно, потому, что неожиданно... и необъяснимо.

Любит он меня всерьёз или пытается использовать как инструмент, например, отомстить той, другой, которая его как бы предала? С этим вопросом надо разбираться, но как, с чего начать?

– Сдаётся мне, что Лёничка вполне подходящая пара. То, что он поведал, вполне достаточно, чтобы оценить его откровенность и честность. Если только это не хитрый ход. Конечно, людям нужно верить, но в жизни случается всякое.

– Ведь тебе не понравилось, что он представил тебя родителям как невесту, а сама вслух назвала Валентину Матвеевну мамой. Зачем! Примеряла на себя чужую роль или кокетничала?

– Конечно же... любая девчонка растает от ласковых слов и доброго отношения. *"Какая милая девочка. Ты такая прелесть. Всю жизнь мечтала такую невесту для сына. Дайка я на тебя посмотрю."* Мне показалось, да нет, же, так и было на самом деле, будущая свекровь вела себя совершенно естественно. Похоже, восторженность и доброта – её обычные состояния. Правильно ли было назвать её мамой?

– Делай то, что подсказывает сердце. Человек может ошибаться, интуиция – никогда. Она гораздо древнее способности мыслить логически.

– Значит всё в порядке, значит, нет причины искать подвох?

– Смотря, какой образ общения с Лёней ты наметила в будущем. Мне, например, совсем не нравится, что ты всё вре-

мя говорила, – как Лёночка скажет. Баланс интересов и статус внутри отношений нужно устанавливать сразу... безоговорочно, иначе один из партнёров может оказаться в подчиненном или главенствующем положении. А это уже совсем не про любовь.

– Вечных и абсолютно правильных отношений не бывает, как не бывает столетнего дождя, вековой осени и бесконечной дороги. Любой дождь рано или поздно заканчивается. Как и всё прочее: молодость, бедность, болезнь, несчастья. Счастье, между прочим, тоже скоротечно. Как снежинка – вот она была... и нету. А жить дальше всё равно необходимо.

– Даже любовь выцветает со временем?

– К сожалению – да. Но есть более сильное средство связи – привязанность, основанная на искренности, доверии и бескорыстии. Бывает, что люди не могут жить друг без друга даже тогда, когда им уже ничего не нужно от партнёра, даже объятий и поцелуев. Но это очень опасно, как большая скорость для старого автомобиля. В случае потери управления он может разлететься в щепки вместе с водителем. В любви тоже не стоит терять голову.

– И что тогда делать? Подчиниться обстоятельствам, плыть по течению, запретить себе любить лишь потому, что это безопаснее... что? Я люблю банан, а он яблоко. Кто должен уступить?

– Никто. Научись любить то, что нравится ему. Или наслаждайтесь каждый своим, но вместе.

– А если он поймёт, что я под него подстраиваюсь, прогибаюсь, если он захочет этим воспользоваться, если перестанет считаться с моими убеждениями, взглядами на жизнь? Дала слабину и ты уже зависима... или наоборот. Как установить равновесие? Держать под контролем каждую мысль, подвергать анализу любое действие, всего бояться?

– Во все нет. Прояви искреннее уважение, доверься, восхишись, включи симпатию. Но только на взаимной основе, не иначе. Если тебе хорошо оттого, что сготовила для любимого вкусный обед, а он счастлив вдвойне и готов отплатить чем-то, что у него получается лучше, что может быть прекраснее?

– Но мы ведь живые люди. Каждый из нас имеет свои слабости, с которыми не всегда в состоянии справиться. Даже самые честные из нас – отъявленные лжецы. Я читала, что каждый человек врёт не меньше четырёх раз в день. Желание приукрасить действительность, страх сказать неприятную правду – это только пара причин для невинной лжи, из которой вырастают небоскрёбы непонимания. На самом деле, оснований для ссор и отчуждения, список обстоятельств, приводящих к скандалам, гораздо объёмнее, но большинства из них можно избежать, вовремя и в достаточной мере подкармливая любовь, которая не может жить обещаниями. Любовь – это действие.

– Сознайся себе, для чего затеяла эту дискуссию, боишься потонуть в океане любви, не хочешь принять ответственность, опасаясь лжи?

– Слишком всё неожиданно, скоротечно. К быстрому темпу сложно приспособиться.

– Но ведь ты сама мечтала о взаимных чувствах. Получи, распишись... и будь счастлива.

– Ага... мечты – одно, а реальность – совсем другое.

– Тогда откажись, не давай надежду. С собой-то ты можешь быть искренней.

– Уже не могу. Лёничка мне поверил, да и мама его тоже. Очень уж не хочется быть неблагодарной, чёрствой.

– А ты, ты ему поверила?

– Кажется да, но...

– Вот те раз! Тогда очерти границы допустимых действий, обозначь сразу – чего нельзя, что допустимо. Сознайся, например, что ещё не доросла до взрослой любви. Поцелуи, объятия, разговор по душам – это всё, что можешь ему предложить. Пока.

– Это невозможно. Вначале я тоже так полагала. Всё гораздо сложнее. Есть обстоятельства, которые от нас не зависят. В определённой координате событий... я в ней уже побывала... от невинных в сущности прикосновений, безобидных поцелуев и добродетельных взглядов порядком сносит крышу. Мозг отключается... полностью. В такое мгновение я готова на всё, на всё, понимаешь! Даже обидно и страшно, глупо, конечно, когда... ничего такого не случается. Несколько секунд, одно движение его руки... и Лёне уже не пришлось бы меня уговаривать, завоёвывать. Я сама на-

стояла бы на том, чтобы он сделал это.

– Удивительно, даже странно. Значит, этого... ты жаждала... и в то же время категорически не хотела?

– В том-то и дело. В определённый момент грезилась испытать себя, его... готова была на что угодно, даже на самое-самое постыдное. А потом, когда остыла, ужаснулась.

– Отчего же! Лёня искренний, честный... красивый, здоровый, ответственный, наконец. Чего именно не устраивает тебя, что тормозит, что останавливает?

– Не слишком ли всё замечательно? Жизнь не может быть похожа на сказку. А вдруг есть то, о чём не только я не знаю, но и он не догадывается?

– Ах, вот оно что! Например? Слушай, а не уйти ли тебе в монастырь, пока не познала суть греховных ощущений?

– А если это... это, когда я и он... словом, совсем вместе, совсем-совсем... если это обман, если такая любовь не такая уж сладкая, как в книжках... если после сближения появится повод задуматься, усомниться в том, что так надо, тогда как!

– Никак, просто согласишься с вечным одиночеством.

– Нет, нет и нет! Это не для меня.

– Значит, делай так, как подсказывает природа. Предназначение женщины – любить и быть любимой. А ещё она обязательно должна стать матерью. Ты хочешь стать женой и матерью?

– Не представляешь, как страшно переступить черту, как не хочется расставаться с детством. И в то же время взрос-

лой стать ужас как хочется. И забеременеть... но только без этого всего, без всей этой пошлости. Вру... это тоже хочется попробовать. Но так боязно!

– Ага, замечательно! Выбирай. Лёня хоть и надёжный, но уже мужчина, ему без этого, ну, никак нельзя.

– Любить хочу, рядом хочу быть, хочу быть счастливой.

– Тогда отпусти поводья. Пусть мужчина сам решает, что и как.

– Разве нельзя иначе? Это же зависимость. Рабство какое-то.

– Можно иначе. Поиграть в любовь, но невсерьёз, понарошку. Влюбиться, выпить капельку сладкого нектара... и улететь к другому цветку, с которым захочется быть настоящей.

– А как же Лёня? Не могу же я его предать. И играть с ним не буду. Я всерьёз хочу, навсегда.

– Получается, выбор сделан. Колечко-то от будущей свекрови приняла без колебаний. Дорогое колечко, фамильное. Выходит, понимала, что обратного пути не будет. Пора обозначить условия и полностью открыться для любви.

– Спасибо, мой дружок. Ты мой самый лучший советчик.

Женечка закрыла глаза и заснула прямо в одежде.

Ей снился Лёня. Он лежал на кровати обнажённый до пояса, но её не видел.

Женечка смотрела на любимого украдкой и думала, что

любовь – это чувство, которое всегда голодное, что накормить его досыта невозможно, даже если меню будет состоять из одних деликатесов. Однако невыносимо хотелось выразить своё лирическое настроение, бесконечную симпатию и желание, пусть не сейчас, не сразу, подчиниться.

Девушка взяла гитару и запела, как всегда эмоционально, едва не доводя себя до слёз.

Лёня встал, подошёл к ней и обнял. Тело моментально стало невесомым, оторвалось от стула и полетело, увлекая за собой и его тоже.

Пролетев круг над потолком, они неведомым образом оказались на кровати.

Женя была в слишком коротенькой юбочке и почему-то без трусиков, но между ног ничего такого не было видно. Она нарочно посмотрела, потому, что было очень стыдно, если Лёня увидит то, чего ему видеть не положено.

Он и не смотрел, только обнимал, не переставая целовать. По телу девушки пробежали разноцветные искорки, было невероятно жарко и ужасно щекотно.

Когда Лёня дотрагивался до живота или сжимал слишком чувствительную отчего-то грудь, где-то внизу росло напряжение, вызывая ритмичную пульсацию и сладкие спазмы.

Женечке было невыносимо хорошо, до того приятно, что возникало ощущение обморочного полёта в невесомости и бесконечного падения вниз.

Внезапно откуда-то из Лёниных брюк выползло нечто, на-

поминающее змею. Оно недовольно шипело и озиралось, ища вход в новое логово, затем прикоснулось прохладной влажной поверхностью к её бедру, поиграло раздвоенным языком и заползло под юбочку, приближаясь туда, где всегда действовал целомудренный запрет на вторжение.

Сердце девушки сжалось от страха и предчувствия чего-то невозвратного, ужасного. Ещё мгновение и отвратительная рептилия заползёт именно туда, куда категорически нельзя.

Женя пыталась вырваться, убежать, крикнуть любимому, чтобы спас от неминуемой гибели, но Лёня по-прежнему не отрывался от груди и губ, а её тело сковывал панический, обездвиживающий страх.

Отвратительное создание тем временем одолевало сопротивление, легко справляясь с обездвиженной жертвой, и болезненно внедрялось внутрь, заползая всё глубже, увеличиваясь в размере, и пульсировала, пульсировала.

Женечка ожидала невыносимой боли, даже неминуемой гибели, но мгновение от мгновения становилось всё приятнее. Ей было невыносимо хорошо, до такой степени, что хотелось то стонать, то мурлыкать.

Лёня тяжело дышал, закатывал отчего-то глаза, стонал, словно от неземного наслаждения, с силой сжимал её возбуждённые соски. Настолько сильно, что из девичьей груди вырвался крик, но не боли, а бурного восторга, сладкого-сладкого, отчего окружающее пространство засияло ра-

дугой.

Юноша открыл глаза, мельком увидел раздутое до невероятного размера чудовище, начал ругаться, кричать, после чего чудовище зашипело ещё сильнее и скрылось обратно в его штанах.

Выныривая из Жениного лона, змей чувствительно прошуршал по её воспалённым внутренностям шершавой поверхностью чешуи и что-то греховное неловко задел.

Девушку затрясло толчками, сжало внутри некую пружину, из которой начала выливаться горячая липкая субстанция. Видимо он успел поселить внутри своё потомство, не иначе. Но почему, почему они, эти гады, вылупляются так быстро!

Катеньку обуял ужас. Дыхание заперло. Сердце невпопад дёрнулось несколько раз и встало колом.

В ужасе девушка проснулась, глотая ртом тягучий, обжигающий лёгкие воздух.

Девчонки спали, было уже темно.

Вибрации в животе и пульсирующие толчки между ног продолжались несколько бесконечных секунд, добавляя в трусики ещё больше резко пахнувшей вязкой влаги.

Опять. Это повторилось снова. Почти как тогда, когда она спала на одной кровати с Милкой. Сон был другой, но ощущения почти те же.

Несмотря на жуткий сценарий происходящего, Женя не отказалась бы от ещё одного визита незваного чудовища.

Что бы это всё значило! Нужно будет у Лёни спросить. Он уже жил девочкой, может знать, что в таких случаях нужно делать, чтобы такое не повторялось.

А если этот монстр повадится навещать её каждую ночь!

Девочку передёрнуло, но сладостное ощущение и чувство переполнения лона кровью не проходило. Неужели с ней что-то не так? Как жаль, что мама далеко. А если рассказать Валентине Матвеевне, Лёниной маме?

Вечером Женя задержалась в аудитории. Лёня уже ждал на выходе с букетом цветов.

– Зачем же так тратиться, – подумала она, – лучше бы чего-нибудь вкусенького купил.

Рассказать или нет, – размышляла она, – опять ведь смеяться будет, как в прошлый раз, когда поймал меня ночью в ванной у родителей, замывающую трусики. Ведь это совсем не смешно.

А ведь тогда Лёнька тоже пришёл в мокрых трусах, потому и гоготал как ненормальный. Значит ли это, что и ему снилось нечто подобное?

Как она раньше об этом не подумала? Выходит, страдают они от одной и той же напасти, которую можно и нужно исправить.

Неужели желание близости, даже неосознанное, так сильно напрягает фантазию, что сознание помогает при помощи эротических снов избежать некой трагедии, превращая драматическую проблему в цветной мультик?

Вот так природа! Не мытьём, так катаньем, заставляет влюблённых приступить к активным эротическим действиям. Представляю, как Лёничка прятал бы глаза, расскажи она ему о своём необычном сне.

Виртуальные видения не абсурдны и не аномальны. Созревшая физиология подталкивает, не скупясь, не глядя обменивать целомудренность на чувственное блаженство. Ощущения во сне вполне натуральны, а очевидный физиологический итог фантомных приключений не даёт оснований считать свершившийся факт выдумкой.

Вот он каков, финальный аккорд любви!

– Неужели из-за подобных ощущений плетутся интриги и свершаются предательства? Лёничка-Лёничка! Чего же ты раньше молчал? А говорил, что между нами нет секретов, что правда и только правда. Обманул, схитрил, ввёл в заблуждение? Или пожалел моё незрелое самолюбие, нетронутую целомудренность и девичью застенчивость? Это тоже необходимо обсудить.

Ложь, даже во благо, во спасение, всё равно остаётся ложью, а это всегда плохо.

Если решили становиться семьёй, значит, любая правда должна стать общей, даже неприятная, даже горькая, даже оберегающая стыдливость или спасающая от мрачной действительности.

Лёня протянул Женечке букет и повёл в магазин, где заранее присмотрел замечательный тёплый кашемировый пла-

ток ручной работы мастеров из Павлова Посада. Конечно, она об этом пока не знала. На то и сюрприз.

Дорого, но до чего красиво. Не сегодня-завтра выпадет снег, начнутся заморозки, а жениху хочется, чтобы его девочка была здорова и счастлива. Это так важно, если любишь.

Выбирали придирчиво, тщательно, долго. Наконец, нашли то, что нужно. Платок подходил к волосам, к цвету глаз и даже к тёмно-синему пальто.

Женечка крутилась и вертелась перед зеркалом, вытанцовывала, завязывала, прятала под воротник обновку. По воодушевлённой реакции было видно, что она безмерно счастлива.

Такие подарки ей ещё никто не дарил, не считая золотого колечка с зелёным камешком. Поцелуй прямо в магазине Лёничка однозначно заслужил.

Счастливые и радостные, каждый по своей причине, они бежали вприпрыжку на выход, не заметив, что перед ними очень хорошо вымытая и отполированная стеклянная стена.

Лёньку откинуло назад, Катенька набила шишку на лбу, а витрина звенела колоколом.

Юноша сидел с открытыми, но не воспринимающими ничего глазами. Подбежали продавцы, начали охать и ахать. Из разбитого носа ручьем текла алая кровь.

– Что же вы так, молодые люди? Там же специально разноцветные кружочки нарисованы. Глаза разувать нужно!

Персонал магазина засуетился, принесли вату, бинты, нашатырный спирт, что-то ещё. Вдохнув резкий аммиачный запах, Лёнька очнулся, вздрогнул, посмотрел на Женечку.

– Что ты, как, с тобой всё в порядке! Слава богу.

– Миленький, хорошенький, что нам теперь делать! Как же это, – расплакалась, не забывая, однако вытирать кровь, Женечка.

– Не волнуйся, любимая. Всё в порядке. Я же мужчина. Сейчас смою кровь, и пойдём в общежитие. Только не плачь, родная.

На улице Лёньке стало лучше. Через пятнадцать минут он уже смеялся, лез целоваться, дул на Женькин синяк, а она не понимала, смеяться или плакать.

По дороге ребята купили бодягу, пластырь и продукты, чтобы приготовить праздничный ужин, поводом для которого был не платок вовсе, а любовь, самая настоящая любовь.

В своё общежитие Женечка привела Лёню впервые. Суе-тилась, готовила, прибиралась. Накормили на радостях всех девочек из комнаты. Они всё поняли и незаметно освободили площадь, оставив ребят одних.

Там и случилось то, чего девочка так боялась и ждала.

Никаких неприятных ощущений Женечка не почувствовала. Она была счастлива, решившись на ответственный шаг. Ощущения и эмоции были практически те же, что и во сне, разве что многократно ярче.

Нет, она не была городской “дурочкой с переулочка”, спо-

собной думать, что это просто интересная игра, когда обнимаются из шалости и избытка энергии, когда бесхитростно, увлечённо целуются, задыхаясь от обычного азарта, возбуждения и хмельного куража, нечаянно в пылу забавных исследований переходя опасную черту.

Девочка понимала, что от простого баловства, когда увлечённо забавляешься с мальчиком, случается беременность, когда спустя время появляется маленькая забавная копия тебя самой.

– Только бы не ошибиться, – думала она мельком, но эти туманные мысли включали тормоз, хотя скорость движения была такой, что никакое препятствие не могло что-либо серьёзно изменить, кроме слегка смазанного эффекта эмоционального восприятия.

Когда стремительно летишь вниз, спускаясь на вираже крутого аттракциона, а затем резко меняешь траекторию движения, резво взмывая ввысь, довольно глупо думать о технике безопасности и последствиях. Просто поздно чего-либо предпринимать.

Когда Лёнька подходил к финалу, девочка это почувствовала, видимо мысленно перекрестившись, – была – не была, – отчего-то отважно попросила Лёньку не предохраняться.

Пусть природа решит за них сама. Есть такое развлечение – русская рулетка, весьма опасное, но дающее возможность испытать ошеломительной силы адреналиновый азарт, срод-

ни наркотическому опьянению.

Что есть, того не отнять – ощущения от интимного аттракциона действительно ошарашили девушку, произведя на неё неизгладимое впечатление.

Тело гудело, как высоковольтные провода, в голове нарастающими волнами накатывал морской прибой, что-то невероятное происходило внутри, заставляя Женечку мечтать, чтобы Ленька целиком и полностью оказался там, внутри, продолжая свои странные качающие движения, от которых захватывало дух.

Потом было много разговоров. Она и про сны рассказала тоже. А как же Женька смеялась, увидев и потрогав то, что представлялось ей огромным и страшным, просто гигантским змеем-искусителем.

Женя с Лёнкой обговорили всё, что могли вспомнить, не заметив, однако, что случилось это не до, а после стремительного сближения, когда выдвигать какие-либо условия стало практически бессмысленно, да и поздно.

Для них сейчас это было не настолько важно, как полное доверие.

Лёнка оценил и понял решительный поступок невесты, прямым текстом, без всяких любовных ухищрений и шифровок говорящий о том, что с этой минуты они полноценная семья, где он – мужчина, а она – маленькая девочка, несмотря на то, что физиологически таковой уже не является.

Лёнка думал о Женечке, как о ком-то, кого знал ещё до

рождения. Не важно, где и когда они познакомились, может быть, даже родились вместе. В любом случае он уже не мог представить себя без неё, а её без себя.

Лёнька влюбился в Женю, в её родной голос, когда девочка самозабвенно, до дрожи в теле, исполняла под гитару романсы. Как правило, это песни, в которых тоска и грусть разрывали сердце. Не правда ли – странно, когда счастливые люди влюбляются в ностальгию и грусть?

Его сердце, сердце, которое он отдал на вечное хранение своей Женечке, колотилось в ярких мажорных тонах. Ему необходим был этот голос, эти нежные щёчки, подёрнутые детским пушком, её изумительно чувственный взгляд, как бы извиняющийся за то, что не может сию минуту отдать себя целиком и полностью.

Никто и никогда не смотрел на парня подобным образом. Лёнька, даже не видя свою милую девочку, чувствовал, как нечто тёплое переливается из её тела в его и обратно, с каждой минутой всё более желанное и родное.

Казалось бы, произошло нечто пошлое, вульгарное, всемерно осуждаемое общественной этикой. Тогда почему их отношения и благодарность за случившееся столь возвышенны?

Между юношей и девушкой зарождалось странное ощущение предельной близости, но абсолютно незавершённое, обещающее переживания и эмоции гораздо более тёплые, важные и близкие, на которые они впредь не намерены ску-

ПИТЬСЯ.

Билеты в разные купе

*Но сколько б пятниц не было в неделе,
где б не пересекались параллели –
когда из всех примет всего одна
пророчит счастье – битая посуда,
резонно полагая, что отсюда
спасение тем лучше, чем скорей,
душа, поймав за хвост попутный ветер,
холодного прощанья не заметит
последнего из многих октябрей.*

Ксения Хохлова

Обстоятельства размеренной, устоявшейся семейной жизни тридцатипятилетнего Виктора Тарханова который год подряд диктовали особые условия романтических встреч с Дашенькой, дружба с которой давно и прочно переросла в откровенные интимные отношения.

Встречались изобретательные любовники в поездах дальнего следования.

Билеты заказывали заранее в обе стороны. Туда – на ранний утренний рейс, обратно выезжали после обеда, чтобы вечером, к приезду семей от стариков, быть дома, успев нейтрализовать азартное воодушевление, многократно усиленное страхом разоблачения, и пряные ароматы запретной любви.

Сценарии поездок и отказа сопровождать семьи тщательно продумывали.

Четыре-пять часов в отдельном купе туда, каждый раз в ином направлении, чтобы разнообразить букет впечатлений от пикантного во всех отношениях приключения; неспешная прогулка по памятным местам, шикарный обед в ресторане города прибытия и посадка на обратный рейс.

Дома старательно смывали с себя следы интимного соприкосновения, до новой встречи успевали надеть личину семейного благополучия, лёгкой сентиментальной влюблённости в детей и супругов, вжиться в роль ревностных хранителей семейного очага.

Свидания эти случались довольно редко, но регулярно.

Любовники за время разлуки (виделись часто, так как жили по соседству, дружили семьями, но старательно напускали на себя сдержанное равнодушие, чтобы не разрушить тайну встреч) успевали нагулять непомерный интимный аппетит.

Желания и сил бесконечно сливаться в экстазе под мерный стук колёс, невольно диктующий ритм единения, хватало с лихвой на всю обратную дорогу, а послевкусия, способствующего пылкости романтического воображения, до следующей увлекательной новеллы, условия для которой должны были сформироваться и вызреть, дабы не вызвать у супругов подозрений.

Удивительным было то, что Виктор никак не мог привык-

нуть к неловкому девичьему смущению Даши, несмотря на солидный семейный стаж обоих, а она немедленно впадала в сладкую восторженную эйфорию, стоило лишь посмотреть другу в глаза.

Трепетная робость подруги буквально за секунды воспламеняла его страсть, а она начинала мощно фонтанировать эмоциями и соками под напором воспалённой впечатлительности.

Виктор обожал интимный запах своей девочки (право на ласки с которой, не без основания считал законным), без примеси парфюмерии и косметики, сходил с ума от тонкой прозрачной кожи, сквозь которую видна была ускоренная пульсация насыщенной гормонами счастья крови.

Женщина была осведомлена об этой его слабости, потому в экзотический рейс отправлялась абсолютно естественной, что не совсем привычно: муж любил насыщенные цветочные ароматы и яркие краски, чему она предпочитала безоговорочно подчиняться.

Флиртовать, насыщать пространство общения витаминами страсти, любовники начинали с телефонных звонков.

На вокзал (на всякий случай) добирались отдельно: Виктор с пересадками на метро, Даша на такси через продуктовый магазин. Расслаблялись, лишь закрывшись в купе.

– Любимая, – с придыханием шептал Виктор, нежно прижимая сладкую добычу к груди.

Женщина с ходу начинала дрожать.

– Ну-ну, не волнуйся так, пусть вагончик тронется. Сдадим билеты, получим бельё и тогда...

Дашенька успокаивалась, чинно усаживалась на полку, старательно делая вид, что с попутчиком незнакома. Но процесс самообольщения был запущен. Давление влечения не выдерживало размеренного течения в тихих берегах насыщенной гормонами крови.

– Мы в середине вагона, Витенька! Десять минут в нашем распоряжении. Поцелуй меня, Тарханов, немедленно!

– Сядь, не мельтеши. Сам из штанов выпрыгиваю... но терплю. Нас ждёт незабываемое приключение. Думай о хорошем. Нет, лучше не думай, дыши глубже. У меня конфеты ментоловые есть, термоядерные. Чётко оттягивает. Пососи...

Дашенка стойкостью любовника не обладала. Она уже обильно мироточила, готова была немедленно преклонить колени в поисках любовного нектара. Впечатлительная натура, разогретая до точки кипения, нуждалась в немедленных действиях, а он, павлин, распутивший перья, с похабными намёками.

– Дверь закрой... у меня сейчас сердце выпрыгнет. Какого чёрта мы стоим!

– Разве ты не заметила, Дашенька, мы едем.

Виктор выглянул в проход, – скоро проводница заглянет к нам. Крепись.

– Ага, подходи – не скупись, покупай живопись.

Даша откинулась назад, сладострастно изогнулась, издав стон разбуженного сладострастия, который невозможно ни с чем перепутать, с силой сжала бёдра, оглаживая набухающую желанием грудь.

В это момент в купе ворвалась с наклеенной на лицо лукавой улыбкой проводница, – вам плохо, дамочка?

– Напротив, очень хорошо!

– Постараюсь не беспокоить.

– Будьте любезны. Надеюсь, двадцать долларов хватит, чтобы оградить нас от излишнего любопытства!

– Вполне. Бельё сразу возьмёте?

– Пожалуй, да. И не надо так нагло улыбаться. Мы взрослые люди. Имеем право.

– Бесспорно, милочка! Приятно провести время. Минут за двадцать до вашей станции постучу. Вот так, – хитрюга наклеила на себя официальное лицо и настучала мотивчик, – молодой человек, следуйте за мной. Выдам вам новенькие комплекты, чтобы не испортить вам праздник.

– Мы бы хотели... вам ведь заплачено. Оставьте ради бога непристойные намёки. Мы люди добропорядочные, интеллигентные.

– Я что... я ничё. Молчу себе в тряпочку. Трахайтесь на здоровье. Мне-то что.

– Сударыня, я бы попросил... не провоцировать скандал. Это моя супруга. Как вам не стыдно издеваться над деликатными чувствами!

– Ваше бельё, Виктор Леонидович. Визиточкой не поделитесь? Страсть как люблю беседовать с интеллигентными мужчинами в тёплой интимной обстановке.

– За кого вы меня принимаете!

– Конечно же, за потомственного интеллигента. Не волнуйтесь так. Секс – дело добровольное.

– Возмутительно!

– Вот, минералочки попейте. Идите уже, вас ждут великие дела. Больше не побеспокою.

– Эй, – крикнула стюардесса с бейджиком, на котором значилось “Юдина Ефросинья”, вдогонку, – чай принести?

– Как ещё объяснить, что мы ни в чём не нуждаемся!

– Слава богу, любитесь на здоровье. Наш коллектив – лучший на данном направлении. Комфорт гарантируем.

Тарханова трясло. Руки-ноги дрожали, пресс предательски напрягся, краска возмущения залила алым пламенем кожу, глаз начал дёргаться.

– Витенька, что с тобой, на тебе лица нет. Иди в тамбур, подыши воздухом. Постелю быстренько и позову. Эй, Витенька, ты меня слышишь, родненький! У меня Феназепам есть, проглотить таблеточку.

– Не надо, Дашенька, само пройдёт.

– Не спорь, не для того мы затевали это путешествие, чтобы играть в поддавки... со здоровьем. Давление бы надо померить. Господи, пульс-то какой! Приляг. Вот... сейчас застелю и начну реанимировать. На салфетку, флейту протри.

Случилось-то что?

– Нас рассекретили. Эта хабалка...

– Бес с ней. У них своя свадьба, у нас своя. Таблетку глотай. Вот так, молодец. Теперь штаны стягивай. Что тут у нас так воинственно топорщится! Сладенький мой. Вот мы его. Чистенький, крепенький... мой. Никому тебя не отдам. Отошёл? Тогда и я разденусь. Ну, как... я ли не пава!

– Даш, давай просто положим.

– С женой належишься. Не для того мама ягодку растила, чтобы нектар всеу пропадал. Расслабься. Вот, а ты боялся! Стоит соколик, не шелохнётся. Ну-ка присядь, ноги пошире. Потрогай вот здесь, глубже... не стесняйся. Любо-то как!

– Ты ли это, Дашенька! Стеснительная всегда была, от поцелуев краснела.

– Взрослею. На себя оглянись. Волос седой видел? Помолчи... замри, ущипни за сосок. Сильнее, золотко, скоро финиш. Э-э-э-х-х-х, любый ты мой! Не сторонись, у меня спираль. Эликсир этот – лучшее средство от старости. Не шевелись, пусть как следует рассосётся. Любовь на радость нам дана, Витюша. Мы с тобой самые счастливые.

– Когда в купе уединяемся. А на самом деле? Может нам того... окончательно объединить усилия?

– Глупости говоришь, касатик. Жить надо настоящим, а оно у нас фантастически интересное. Много видел пар, кому удалось родственную душу встретить. Пусть не сразу. Ошибок успели наделать. Но, то ничего. Главное для нас на дан-

ном этапе жизни – соблюдать инкогнито.

– А она, Ефросинья Юдина, с одного взгляда нас расшифровала. Трахайтесь, говорит, голубки, на здоровье.

– Ну и что с того!

– Дайте, говорит, Виктор Леонидович, свою визитку, я вам позвоню... для интимного разговора.

– О-баба, таких – одна на миллион. Дал?

– Чего!

– Визитку.

– Дашенька... разве я похож на блудливого кобеля?

– Ты... ты – нет. Это я тебя совращаю. Сучка не схочет – кобель не вскочит, так?

– Глупости говоришь, у нас же любовь.

– С женой тоже? А я со своим после наших рандевушек ложусь, ножки к потолку задираю, чтобы не сомневался, что я целомудренна и верна, оргазмы реалистично имитирую, даже сама порой верю, что трижды кончила. Запуталась – люблю, не люблю... хрен его знает, Витюша. Не мы любовные треугольники изобрели... не мы! Давай не будем копать в дерьме. Игорь – мой муж. Единственный. Нет у меня повода предавать его. Да и тебе он друг. От добра – добра не ищут. Мы ведь развлекаться отправились, так! В чём дело? Вот она я перед тобой... в наряде первобытной Евы... голая, беззащитная, готовая на всё... для тебя. Пользуйся, касатик. О дурном не помышляй. Разводов и дележа имущества не будет. Договорились!

– Да... наверно, да. Я тебя люблю!

– Докажи!

– Как?

– Думай, экспериментировать, старайся. Любовь – титанический труд. Знаешь, о чём я сейчас подумала, а ведь я своего Игорька на самом деле люблю. Он – моё первое серьёзное чувство. Первая свадьба – тоже с ним. Конечно, в нём нет твоей силы, твоего лихого безрассудства, готовности в доску разбиться, чтобы удовлетворить, но и ревности нет, агрессии. Наверно зажрались мы с тобой, пресытились, оттого и нос воротим о самых родных.

– Хочешь расстаться?

– Думаю! Поздно нам с тобой Боржоми пить, попой об попу стучать. Ты – моя фантомная душа. Оторвать не могу, ибо больно. Слезы изводят, думы гадкие, потом с миром начинаешь прощаться. Сначала не всерьёз, понарошку, потом свыкаешься. Есть-пить забываешь. Если продолжить это развлечение – раздумаешь дышать. Пробовала. Не дано курице соколом летать! Зря ты этот разговор затеял. К парадоксальному решению подтолкнул. Давай прекратим бодаться, пока не поссорились. Отдохнул чуток – впрягайся. Горю вся от желания. Всего тебя хочу внутри чувствовать... всего-всего! И будь что будет!

– Сладенькая моя, мокренькая!

– Стой, дай передохнуть. Вот же ты молотобоец! Укатали Сивку крутые горки. Семь раз... я считала. Рекорд. Так нас

до станции назначения не хватит. Замертво свалимся. Пить будешь? Чай с лимоном, минералка, компот.

– От коньячка не отказался бы.

– Обедню не порть. Коньячок дома будешь кушать. От этой дряни сила сначала прибывает, а потом бац... на полшестого. У нас с тобой безалкогольная свадьба, любимый. О-о, просыпается наш грибочек. *Пора, мой друг, пора! Туда, где за тучей белеет гора, туда, где синеют морские края, туда, где гуляем лишь ветер... да я!..* Хорошо-то как!

– С чего тебя на лирику потянуло?

– Жизнь люблю, Тарханов! Какой-то ты не такой сегодня... как всегда. Чем тебя бесноватая тётка напугала, всё рассказал или утаил чего? Я ведь не станок, Витюша, душа живая. Для механического счастья много чего хитроумного изобрели. Зайди в магазин для взрослых – поинтересуйся. Где твой оптимизм, где живое тепло, вдохновение, искра создателя, где! Или удумал чего! Расстаться готов?

– С тобой... никогда! Проще от детей отказаться.

– Забудь. Не звери мы, человеки, Тарханов. Внуков хочу нянчить, мужа каждый вечер ублажать, потому, что есть за что. Тебя любить, если сил хватит.

– Правильно ли это!

– Не задумывайся пока. Не дано нам судьбу править, даже если в монашество подадимся. Грешники мы, надо этот факт осознать и принять. С превеликим почтением к тем, кто позволил нам на свет явиться. Хватит с нас на сегодня

умных речей, дай от тебя силой напитаться.

– Всё-таки с коньячком было бы легче расслабиться.

– Так ведь я не запрещаю. Коньяк, так коньяк. Знала, что захочешь, взяла. Я тоже глотну. Но сначала скачки. Проигравший прибирает в купе. И оплачивает поляну в ресторане. В развлекательной программе экскурсия на теплоходе... через два часа. Справишься?

– Куда мне, ты ведь дышать перестанешь, а пощады не попросишь.

– То-то, Тарханов. Рассудительный ты мужчина, за что и люблю. Вот здесь, вот здесь поцелуй, за ухом. И не торопись, всё равно проиграл. Займись всерьёз моей нижней чакрой, сакральной. Знаешь, как её йоги зовут? Свадхистана, сладкая обитель. Смотри – досуха не выхлебай. Предлагаю для полноты впечатлений шестьдесят девятую позицию. Ты мне, я – тебе. А Рита, между прочим, тебя по-настоящему любит. Научись ценить. Ты ведь не случайно её выбрал, любил, я права?

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю, откуда. Слишком много вопросов, тебе не кажется! Получил задание – выполняй. Ой! Языком работай, не зубами. Экий ты неловкий, Тарханов. Я ещё одного родить мечтаю. От тебя... но жизнь, увы – не сказка. Это печальный факт. Приходится быть реалистом. Завтра же пойду в женскую консультацию – пусть спираль извлекут. Время слишком быстро бежит. Того и гляди старухой стану.

– Как же я!

– Пост, дружочек, ещё никому не вредил. Будешь силу копить. Или не будешь... жена у тебя, Витюша – чистое золото. Презентуй ей мою долю удовольствия. Уверяю – тебе понравится. Всё, что получает избыток внимания, генерирует творческий потенциал.

– Вот это всё... это, о чём ты сейчас... всерьёз!

– Сам-то как думаешь? Сколько верёвочке ни виться – конец неизбежен. Пообещай, что не забудешь, изменять не станешь. Не думала, что приму такое решение, сам меня к нему подтолкнул. Когда последствий испугался.

– (((!

– Я всерьёз. Ты для меня как живая вода. Прижмусь, силушкой молодецкой напитаться и снова живая. Нельзя нам друг без друга. И вместе нельзя.

– Вконец ты меня, Даша, запутала.

– И себя тоже. Не отвлекайся, Тарханов, скоро Фроська проводница явится, а мы самый важный забег закончить никак не можем.

– Бельё сдаём, голубки, готовимся к выходу!

– Слышал, Витя, к выходу. Из пике. А ведь я ни о чём не жалею. Спасибо, Тарханов, помог ты мне правильное решение принять. Праведную жизнь начнём завтра. А сегодня можем позволить себе всё, потому что изобразить из себя святых как-то неловко с нашим солидным стажем запретных развлечений.

– Не поверишь, Даша, мне уже ничего не хочется. Такое ощущение, что я шарик, в котором проковыряли малюсенькую дырочку. Веселящий газ улетучился... давай купим билеты на ближайший рейс. Я так устал.

– Пожалуй, это правильно. Позорное прошлое нет смысла искупать, его нужно зачёркивать, менять: вот так, Тарханов, одним движением руки. Р-раз... и нет билетиков на обратную дорогу. Новые купим... я куплю... в разные купе. Не грусти, любимый, так будет правильно. Не мигают, слезятся от ветра безнадёжные карие вишни. Возвращаться – плохая примета. Я тебя никогда не увижу. И качнётся бессмысленной высью пара фраз, залетевших отсюда: "Я тебя никогда не забуду. Я тебя никогда не увижу". Помнишь, мы с тобой на премьере были... рок-опера "Юнона и Авось". Трагическая любовь. Но ведь мы не такие, да! Я не буду ждать тебя тридцать пять лет. Я точно знаю, почему мы расстались. Прости!

Серёжка на пузе

Не плачь, мой маленький, не плачь:

Здесь каждый сам себе палач – и сам свобода.

И кум глухому королю.

Я всё равно тебя люблю!

А в чём природа

Твоей предательской любви?

Не говори мне, не трави знакомых баек,

Единой правды в мире нет!

И там, где морищится поэт

Встаёт прозаик.

Анна Полетаева

Любовь – это... это Любовь! Это самое совершенное, гармоничное, возвышенное эмоциональное и психическое состояние, доступное по-настоящему счастливому человеку. Это сокровенное таинство, сверхъестественная мистическая благодать, бесценный дар, колдовство, безусловный творческий талант, живительная магия, если хотите.

Дать определение уютной эйфорической невесомости, в которую погружаются влюблённые, познать глубинную суть волшебного гипнотического транса, поднимающего обыденность бытия на недостигаемую высоту, попросту невозможно.

Можно изучить тысячу трактатов, прочесть миллион многотомных романов о любви, две тысячи сто двадцать семь

серий Санта Барбары просмотреть, премудрости психологии семьи и брака досконально изучить... и ни разу не влюбиться.

Конспекты и графики, теории и тренинги, даже обширная практика ни-че-гошеньки к познанию волнительного чувственного притяжения не добавят. Пока сам не испытываешь на себе ликующего восторга от трепетного томления при виде любимого – по сути ты абсолютный девственник, даже если успел совратить без чувственной привязанности десяток наивных партнёров.

Прямая линия как это ни странно состоит из бесконечного множества отдельных точек. Одну пропустил – получилось тире, а это уже совсем другая история.

Когда мальчишечка лет пяти утром после обильного прилива бегал по берегу и бросал в воду медуз и ракушек, вынесенных на берег, мама сказала ему, что он зря старается, потому, что природу невозможно исправить.

– Любая смерть – это продолжение какой-то иной жизни, – говорила она малышу, – бесконечная, очень несправедливая пищевая цепочка. Вода прозрачная, чистая, несмотря ни на что. За этим следят миллионы невидимых глазом микроорганизмов. Человек не должен вмешиваться в естественные явления мироздания.

Ребёнок ответил, – а эта ещё живая. Может, у неё малыши родятся. Ты видела когда-нибудь медузовых деток?

А ведь мальчуган прав. Судьбу, её ещё создать нужно.

Она, наша капризная неизбежность, рождается молодой, эксцентричной, скорее всего хохотушкой и шалуньей, наверно никак не насмотрится в зеркало, где интересно, загадочно, пока не изведает на вкус, не дотронешься, не рассмотрим, не примеришь к себе. Её всё удивляет и шокирует.

Рыжеволосый юноша хочет иметь чёрные кудри. Худой и хилый мальчишка мечтает о коренастой с рельефной мускулатурой фигуре. Ребёнок торопится как можно скорее стать взрослым, которому можно всё, красавец страдает от несовершенства пропорций тела, хотя все вокруг завидуют его внешности.

Мы такие, какими нас создала природа. Абсолютно ничего невозможно исправить, потому, что всегда есть то, чего не достаёт, сколько бы мы ни пытались стать совершенными.

Серёжка Самарин – худой как щепка юноша под два метра ростом, subtilный, замкнутый на внутренних семейных отношениях, со скрипучим, истинно мужским глубоким басом, никак не вяжущимся с внешним видом. Таким голосищем проповеди с амвона читать, сольные торжественные литургии прочувствованно петь, но характер и сущность его нисколько не соответствуют данному обстоятельству.

Не сказать, что юноша маменькин сынок, но всю жизнь находился под бдительным присмотром исключительно женским. До десяти лет с разновозрастными тётками спал, некоторые из которых всего на несколько лет старше его были, благо их много и каждая души в нём не чаяла.

Когда его повзрослевшего выгоняли на свою кровать, мальчишка басом потешно скулил, – ну можно я с Любкой лягу, она горячая, мяконькая!

Кто же ребёнку откажет – конечно, можно.

– Сергунька, маленький мой... ну иди же скорей к любимой няньке!

Семнадцать лет парубку было, а щедрые на заботу любвеобильные дамы из его семейного прихода, не дозволяя естественным образом взростеть, пылинки повседневных забот с тела юного недоросля подобострастно сдували, сопровождая назойливое попечительство неусыпным контролем каждого шага: не дай бог случится с ребёнком чего! Мальчонка совсем. А ну как обидит кто!

Что и произошло в итоге, несмотря на сурово-непреклонный надзор. С одного единственного взгляда пал долговязый баловень к ногам златокудрой прелестницы, наповал сражённый неведомой романтической страстью.

Взмахнула девчушка пушистыми ресничками-крылышками, метнула пристальный сероглазый взор и пронзила насквозь чувствительное сердечко. Спасения нет!

Стремительные, необычайно яркие события завертелись неистовым головокружительным вихрем, заполняя мысли и чувства сладким туманом трогательно-сентиментальной влюблённости, суля волшебные наслаждения, одно прекраснее другого, соблазняя возбуждённое воображение ещё более прекрасными, но пока неизведанными приключениями

в сказочном мире хрустальных грёз.

Наташенька – пигалица чуть не вдвое меньше Сергея ростом, но серьёзная не по годам и решительная девушка, взяла быка любви за увесистые рога.

Ужас, она сокрушила исполинскую мощь правильного во всех отношениях воспитания одним движением души, заставив застенчивого, но впечатлительного и доверчивого юношу сразиться с мамками и тётками, предъявившими неопровержимые доводы об обманчивой природе и необыкновенной хрупкости коварной сущности первой влюблённости, дающей всходы и зацветающей на ниве простодушной наивности.

Понятно, что победила в итоге молодость и бескорыстные, но наивные романтические чувства.

Спустя малюсенький по меркам человеческой жизни срок невинная дива принялась стремительно раздаваться в боках. Ветром ли надуло или непорочное зачатие произошло – кто там чего разберёт у детей неразумных, стремительно сканирующих природу бытия.

Сердце, руководящее чувствами и разумом, никакого отношения к мудрости и рассудительности не имеет, – тук-тук! Кто там? Почтальон Печкин... принёс вам привет от вашего мальчика.

Из всех возможных земных удовольствий, греховные деяния – самые притягательные.

Ура, свадьба... а чего в самом деле ... здорово же! У них и

детки будут; красивые, здоровые, счастливые. Тёток и мамок много – вырастят... какнибудь.

Пигалица оказалась оборотистой, мозговитой... и на удивление ловкой; родила замечательного мальчугана. Грудью до двух лет кормила, дом, как могла, старательно обиходила. Молодым сразу, словно по щучьему велению, квартиру отдельную предоставили.

Девочка незамедлительно учиться пошла, не дожидаясь пока дитя вырастет: не привыкла ждать милостей от природы.

Серёжка, как в детстве был, так и остался телком да увальнем. Про таких говорят – ни украсть, ни покараулить. Только и достоинств, что нежность да верность.

Сказали работать – трудится в поте лица, звонок прозвенел – отдыхает. Напарники гуляют, значит и он с ними. Привык всю жизнь под присмотром, чужим умом жить.

А у супруги амбиций громадьё, планов немерено. Ей абы как, без цели и плана, судьбу строить не по душе.

Серёжка мычит и не телится; сколько есть – столько и ладно, – все так живут.

Помните Вовку из Тридевятого царства, – и так сойдёт! Если что, мамки и тётки всегда подскажут, если надо – помогут.

– Почему, – думает его ненаглядная жёнушка, – в других семьях всё есть, а у меня тоже есть, но не всё, совсем не всё!

Выучилась девочка на экономиста в расчёте на светлое

обеспеченное будущее, точнее, определяя и формируя его самостоятельно. Заочно училась, не забывая ребёнка и повседневные домашние хлопоты. Всё успевала.

Сыночек к тому времени подрос.

Тётки и мамки по телефону беседуют с малышом, – Мишенька, дитяtko, где мамка? Дай ей трубочку.

– Некогда мамке. Уёки учит... по математике.

Осилила девочка всё разом, диплом заветный получила. А Сергунька, муж ненаглядный, и без того беспредельно счастлив: милая рядышком, сыночек – кровинушка родная, растёт на радость многочисленной родни. Тётки вокруг ужами вьются, готовы без промедления любой его каприз незамедлительно исполнить в полном объёме.

Каждому своё. От, как говорится, добра – добра не ищут. Серёжке невдомёк, что любовь – не каменная кладка с зацементированным швом, скорее затейливый, неумелой рукой нацарапанный рисунок, или дом из песка, сооружённый на берегу моря : дождь пошёл, волна набежала – всё смыло, даже следов не осталось.

Он-то её, мечту свою, на всю жизнь полюбил, отпечаток своих чувств в рамочку оформил и на стенку на видное место повесил.

Однолюб.

– Да ладно тебе, Наташенька, золотце, чего это ты решила, что у нас денег недостаточно? Просто тратишь быстрее, чем мы зарабатываем. Умерь потребности, у нас же любовь.

Если разобраться, у нас всё-всё есть... даже больше.

В том-то и закавыка: когда всё есть, именно тогда отчего-то всего катастрофически недостаёт. И того, и другого... а именно этого и хочется. И мысли о желанном, но недостижимом материальном счастье: куда их, многократно усиленных сладкими грёзами, деть!

Зудят, свербят, чешутся.

Серёженька на не очень утомляющую работу добросовестно ходил. После футбол смотрел да пиво пил, а семейную жизнь свою тёткам, мамкам да жене доверил.

Счастлив был безмерно.

Наташа между тем кумекала, вычисляла, что в их совместной жизни не так. Додумалась до того, что необходимо искать другую, достойную её стремлений и вожелений пару, способную обеспечить комфорт не только в супружеской постели.

Это же не дело, когда жена больше мужа зарабатывает. Пара – когда двое, а у неё вроде как полтора землекопа выходит с нынешним, погружённым в любовные прострации мужем.

И ведь отыскала... то, что могло мечты и желания немедленно воплотить в реальность.

Подходящий мужчина был старше, более того – невзрачный, сексуально слабый, обременённый букетом возрастных заболеваний. Но семья его была зажиточной, с серьёзными функциональными возможностями, надёжными финансовыми и административными связями местного масштаба.

Новый претендент на Наташкину руку: интеллигентный, образованный, довольно импозантный мужчина, влюблённый в молодницу-дюймовочку до корней волос, готов был за её юную привлекательность, податливость и свежесть кинуть к ногам милой буквально всё нажитое.

В разумных пределах, конечно.

Короче – почти принц на белом коне. Правда, весьма потрепанный неприкаянной холостяцкой жизнью.

Без сожалений и ложной застенчивости развелась Наталья с Серёжкой, оформила новый, обеспеченный со всех сторон официальный брак, начала собирать цветы и плоды корыстного во всех отношениях деяния.

Родственники альтернативного мужа без промедления на престижную работу девочку устроили, нарядами и благами задарили.

Жизнь удалась!

Что касается некогда любимого Серёженьки: что поделаешь – не мы такие, жизнь жестокая.

А уволенный в запас муж тем временем крепко сел на стул с горячительным зельем.

Страдал бедолага: он-то свою безумную любовь на видном месте души острым шилом выколол – не сотрёшь. Во всяком случае, он так думает. Мужичок-то он ещё ничего себе: отмыть, побрить, отогреть... глядишь, на что серьёзное сгодится.

Охотницы на бесхозный товар отыскивались быстро. Да не

одна.

Выбирай Серёга любую!

Мужчина и подумать не смел, что на рынке женихов может быть настолько востребован. Мужское начало – оно без дела сидеть не должно... и не может: бурлит, требует немедленного выхода. Прёт его от избытка невостребованных гормонов, туманит мозг неодолимым желанием, разжигает вождение до невысказанных размеров, причиняя попутно физические страдания.

Любовь, она же на самом деле – сплошная органическая химия. Кто там разберёт – чего с чем и в каких пропорциях смешивать нужно, но реакция при достаточном содержании катализатора происходит незамедлительно и весьма бурно.

Романтический канат был немедленно завязан на мужском достоинстве замысловатым морским узлом. Не сказать что шторм или буря, но настоящая чувственная интрига. С конфетами, букетами ярких цветов, жаркими поцелуями и подарками на последние копейки.

Увлёкся Сергунька новой влюблённостью не на шутку. Даже жениться собрался. Новые ощущения вдохновили на невысказанные романтические подвиги: никто не контролирует, полная свобода.

Не судьба!

Да... на беду о том неприглядном факте Наталья прознала.

Одно дело, когда ради мечты и идеи на жертвы идут, дру-

гое – если налицо реальная духовная измена с элементами азартного нравственного разврата.

Хоть и ушла от него Наталья к другому, до сих пор своей собственностью числит.

А он... подлец, ловелас, изменщик!

У Наташки в головке фазу незамедлительно перемкнуло, реально торкнуло. Ревность вконец отравила романтическое от природы доверчивое романтическое существо: как же так... на кого он её променял! Да она же, Наталья, супротив той безцветной разлучницы – настоящая королева.

И ринулась в бой.

Развод с новым супругом был оформлен незамедлительно.

Невесту новоиспечённую Наталья застрашала с особым цинизмом: наговорила ей такого...

Серёжке проходу не давала: день и ночь пела комсомольские песни о страстной любви и бескорыстной искренней дружбе ангельским голосочком.

Такая корова, сами знаете, нужна самому.

Зачем, спрашивается?

А чтобы было!

Не ваше дело! Имущество, собственность, священна... и неделима!

Купила бывшая супруга квартиру... дверь в дверь с Серёжкиной двушкой.

С работы встречает, на работу провожает. Куда бы ни по-

шёл – она рядом. Нарисуетеся – не сотрёшь.

Какая к чёрту может быть любовь на стороне, если у них сын общий... и вообще...

Пока угольки ещё тлеют, разжечь костёр любви умеючи всегда можно. Девка-то Наталья хоть куда: фигура, походка, стать, личико кукольное, запах родной, интимные зхавлекалочки до мелочей изученные, а какие желанные!

Короче, коготок увяз – всей птичке пропасть.

У Наташеньки спустя десяток-два случайных, но весьма бурных ночей, опять пузо на лоб полезло. Извините, временные дамы и кавалеры – так уж вышло, сердцу не прикажешь. Дети – это вам не интим на раз. Это уже социальная ответственность. Приблизительно так.

Ребёнок – аргумент железный: родная кровь.

Страсть – удивительное эмоциональное состояние, схожее с сильным головокружением, когда всё вокруг носится вихрем, не имея направления и цели. События тогда стремятся вылететь за пределы действительности. Сколько ни пытайся из последних сил упорядочить происходящее – тщетно.

Разве можно совладать со стихией?

В таких случаях больной вместо лекарства принимает ещё несколько порций яда, которым отравился накануне. Попытка выbleвать то, что вызывает болезненные ощущения, бессмысленна – облегчение не наступает.

Остаётся решить, какое зелье страшнее: сейсмически неустойчивые семейные отношения или депрессия и водка.

– А может ну их: и жену, и водку, будь они неладны... напьюсь и умру молодым, – думает Серёга, – чтобы не достаться ни той, ни другой. Тошнёхонько! Но тогда им придётся между собой влиянием мериться. Хотя, если честно, от водки отказаться проще – проспался и забыл.

Только... любая, даже самая сладкая отравка – тот же наркотик. Удержаться в рамках оптимальной дозы не всегда удаётся, потому неизбежны болезненные кризисы, когда система сбивается с плавного ритма. Дальнейшие события раскручиваются хаотически, сразу во всех направлениях и неясно, куда замысловатая кривая выведет.

Если разобраться – всё складывается просто сказочно: две квартиры у супругов, двое удивительных мальчишек, дом – полная чаша. Чего вам ещё надобно!

Нужно просто решить, чего ты хочешь... на самом деле – добить себя окончательно, или чего-то определённого в жизни добиться?

Кто бы знал, что на самом деле лучше. Сергуньку уже не переделать: как был валенок, так им и останется, а у Наташки, как ни крути – социальный имидж, привилегированное общественное положение, имущественный и профессиональный статус.

Наталья, когда ринулась в бой за незыблемые супружеские права, думала, что муженёк очухается, поймёт, что к чему, начнёт не только соображать, быть подспорьем. Но, Серёжка, как и прежде, неспешно плёлся в обозе по отношению к её

непомерным амбициям. Любовью был сыт по горло, больше ничего не надобно.

И на какой хрен ей такой хвост – пушистый, но бесполезный во всех отношениях!

Пожила Наталья в повторном с Сергуней замужестве, пока заскучавшие во временной разлуке гормоны шевелились, и ревность покоя не давала, а потом разочаровалась, скисла.

Пришлось, а что делать... опять разводиться.

Серёга от такого оборота событий вновь основательно запил: ни любви, ни ласки больше не хочет.

Все бабы как бы – сами знаете, кто!

А Наталья опять с небывалым вдохновением заневестилась. Планы и цели, естественно, видоизменились, но желание быть успешной, богатой и знаменитой, не пропало.

Пробует возбуждённая, даже не так, одержимая навязчивыми идеями дама интенсивными мерами вывести злосчастную судьбу на более высокий уровень потребления. Мережатся ей немалые материальные блага, которые непременно необходимо добыть. И поставить на личный учёт.

Причёску в немыслимом супермодном тренде соорудила, накладной маникюр, болезненный, но такой необходимый для нежности кожи лица пилинг, татуировки в самых неожиданных местах, одежонку не по возрасту, но от откутюр, приобрела, лабутены носить выучилась, даже серёжку на пуп прилепила. Пирсинг, мать его, чтобы чувствовать себя необыкновенной... и отправилась плавать в море люб-

ви с меркантильным на то интересом.

Молодая кровь требует не только возбуждения, но и разрядки, а чувственные акробатические номера в постели никогда не были ей чужды. Чего греха таить – секс тоже относился в её озабоченной корыстью головке к стабильным материальным ценностям.

Секс без любви, даже эмоциональный и весьма горячий, увы, не вдохновил, новых возможностей почувствовать себя королевой не дал и не приумножил.

По причине крушения так и не сбывшихся надежд провалилась Наталья в глубочайшую депрессию.

Серёжка, решивший никогда больше не иметь отношений с женщинами-предательницами и вообще чувственных связей, превращающих мужчину в безмолвного раба, запил беспробудно.

Наташа тем временем окончательно разочаровалась во всём, что имело прежде инвестиционную и социальную привлекательность, начала стремительно худеть, гасла на глазах. Практически в тень себя прежней в кратчайшие сроки превратилась.

Зато теперь у неё всё есть, даже больше, чем мечтала: квартира, машина, положение, деньги. Только любви нет.

И счастья тоже.

А так – всё-всё-всё...

У Серёжки, хотя ему ещё сорока нет, проктологию выявили. И основательно ослабленный иммунитет, неспособный

справиться с болезненными проблемами. Грубо говоря – зияет в его нежной некогда заднице незапланированная биологией дырка, не к столу будь сказано.

Уныние, сами знаете, хуже отчаяния. Оно не оставляет шанса на светлое будущее. Человек, подхвативший эту удручающую хворь, ничего не позитивного чувствует. Совсем.

Жизнь – сама по себе занятие не из лёгких: чтобы радоваться – необходимы усилия и желание, а любовь и вовсе труд непосильный.

Бывшие супруги и счастливые некогда любовники каждый в отдельности, испытывая груз неприкаянного одиночества, страдают непомерно, мучаются от утери интереса и воли к жизни, но теперь уже намеренно и довольно жёстко не оставили друг для друга ни единой возможности на третью попытку, огородили себя со всех сторон забором негативно-го опыта.

Вместе плохо, врозь – и того хуже.

Хоть дырка в заднице, хоть серёжка на пузе, которая со временем грозит обратиться в отверстие немислимого размера в теле духовном – без разницы, если живёшь без любви.

Есть явления, которые исправить невозможно: упущенное время, опрометчивые слова и необдуманнные, импульсивные поступки, а также безвозвратно утраченные доверие.

А так чего – жить можно. Главное, чтобы было на что выпить.

И таблетки от депрессии и давления приобрести...

С лица воду не пить

*Пусть веет нежным запахом волос
И снова проступают на рассвете
На свежих листьях капли тёплых рос,
Как белый чай огромных зимних звёзд,
Что спят на протяжении столетий.*
Юрий Куликовский

– Не подскажите, милая леди, где создают такие изысканные модели, – услышала Полина вкрадчивый шёпот приятного тембра, ощутив одновременно пряный мужской запах и свежее мятное дыхание.

Время приближалось к десяти, но уже было жарко. Скоро открывать ателье.

Девушка ехала в переполненном автобусе, погружённая в свои мысли и вдруг такое.

Полина была одета в только что созданную, не до конца доработанную модель порхающего лёгкого платья, в котором любая женщина могла бы почувствовать себя девочкой.

Ей часто задавали подобные вопросы, поэтому, не оборачиваясь, бесстрастно ответила, – сама сшила.

– Что вы, я не про платье, про вашу удивительную внешность.

– А вы её видели, – неожиданно злобно оскалилась Полина, – мою дивную внешность, – и развернулась лицом к

собеседнику, который побледнел, смутился, и тут же начал извиняться.

– Простите меня за бестактность милая девушка, я честное слово не хотел вас обидеть. Речь шла исключительно о точёной фигуре, об изящном силуэте, – смущённо оправдался попутчик.

– Пустяки, не стоит извинений. Безобразную физиономию мне выдали при рождении.

Представьте себе человека, точнее его эмбрион, который ещё заявить о себе не успел, а тучи неприятностей и бед над его микроскопическим тельцем уже сгустились. Это про меня.

Полина не была плодом любви. Её зачали из любопытства, точнее – по глупости.

Некий созревший для романтических экспериментов юноша изнывал от страстного желания воплотить нескромные мечты под наркотическим гнётом вездесущих гормонов, обещал подарить подруге Вселенную со всем её несметным богатством.

Обманул.

Девочка потеряла голову по той же причине – первый чувственный опыт, готовность раствориться в океане влюблённости, разделить на молекулы блаженного единения каждую клеточку взволнованного радостью познания тела, подарить их милому оптом и в розницу.

Сказочный романтический опыт завершился никому

ненужной беременностью. Мало того, исследование показало большую вероятность неприятных врождённых дефектов у невинного плода.

Оба потенциальных родителя на тот момент были несовершеннолетними, решение за них приняли родители, которые на правах попечителей подписали отказ от новорожденной.

Полиной она стала позже, когда её удочерила Лидия Тимофеевна Головина, которая рожала в то же время, в той же клинике.

У неё до этого было три выкидыша. На этот раз ребёнок родился живой, но недоношенный. В инкубаторе новорожденный мальчик прожил пять дней. Выходить его не удалось.

Мама билась в истерике, пыталась выброситься из окна.

Кто-то из акушерок посоветовал дать ей покормить грудью отказную девочку.

Лидия прикипела к ребёнку в одно мгновение, захотела удочерить, но она была замужем, такое ответственное решение невозможно принять единолично.

Муж Головиной был в том возрасте, когда здоровье начинает давать сбои. Детей у них до сих пор не было, а желание иметь наследника обносило главе семьи голову, не давало спокойно жить. Он был намного старше жены и куда решительнее.

Головин решил расстаться с супругой, чтобы успеть создать новую семью, где центром мира будут собственные де-

ти.

Суррогатные варианты его не устраивали.

Геннадий Витальевич был человеком незлобным, поэтому не стал рубить сплеча. Были оговорены оптимально приемлемые условия развода. Мужчина оказал содействие в удочерении Полины, приобрёл жене добротный домик, нанял пожилую помощницу по хозяйству и помогал материально, пока Лидия Тимофеевна растила дочь.

Он и теперь не забывал ежемесячно переводить на карточку бывшей жене некую сумму средств, достаточную для жизни без излишеств.

Прогнозы докторов к счастью не оправдались, кроме одного – у девочки было на удивление некрасивое лицо. Не ужасное, не страшное, а именно некрасивое. В нём буквально всё было непропорционально, словно скульптор, создававший её образ, находился под воздействием галлюциногенов, или намеренно издевался над жертвой своего творчества.

Левую и правую стороны лица невозможно было связать в единое целое по причине полного несоответствия проекций.

Этот факт был обиден вдвойне: Полина оказалась талантливой почти во всём. Она унаследовала от родителей идеальный слух, талант художника (особенно удавались ей изображения красивых, в основном танцующих женщин в летящих платьях).

Девочка славно пела, бредила художественной гимнасти-

кой, акробатикой и танцами, а увлекалась сразу всем.

Увы, ей катастрофически не везло в реализации талантов. Хореографы отказались тренировать Полину, когда ей исполнилось десять лет, жестоко объявив, что в спорте и танцах внешность и сексуальность (так и сказали) гораздо важнее физических данных и выдающихся способностей.

Слух, вокальные данные, даже способность рисовать и конструировать одежду негодились по той же причине, хотя диплом дизайнера девочка получила.

Вот только на работу не могла устроиться, всё по той же причине.

Хозяева салонов и модельных студий были пробитыми напроць снобами, считающими, что театр начинается с вешалки, значит любая деталь, даже незначительная, может загубить на корню весь проект.

На жизнь Полина зарабатывала ремонтом и пошивом одежды в третьесортной мастерской при местном рынке, а в свободное время создавала шедевры для себя, поскольку обыватели не могли предложить за её платья справедливую цену, а дамы с деньгами брезговали её внешностью.

Полину обижали и унижали во дворе, в школе, у неё не было друзей и подруг, кроме мамы, которая со временем тоже почувствовала дискомфорт: ведь она променяла обеспеченную семейную жизнь на судьбу, посвящённую одному единственному человеку, который по ряду причин не смог воплотить в жизнь её чаяния и мечты.

Получалось, что ради Полины мама соскочила со своего поезда, и отстала от него навсегда, а потом всю жизнь садила на чужие, которые везли совсем не туда, где обитает счастье.

Негативный опыт научил девочку обходиться малым, мириться с одиночеством и позитивно относиться к любым неудачам. Но талант дизайнера не пропал даром. Полина нашла, таки, решение.

В институте с ней училась девочка без способностей, но с модельными данными и очень общительная. Её оценки оплачивали родители.

Полина узнала, что работает Виктория продавцом консультантом в малюсеньком магазинчике, что денег на жизнь ей катастрофически не хватает.

Идея состояла в том, что Вика станет лицом ателье модной одежды, будет принимать заказы и общаться с клиентками, а Полина – воплощать идеи в жизнь.

Компаньонкам повезло. Конечно не сразу, но постоянные заказчики появились, затем молва разошлась по закоулочкам, начали подтягиваться модницы с амбициями и средствами. Иной месяц девочки зарабатывали по двести и больше тысяч. Приходящего бухгалтера наняли, уборщицу, трёх швей на простые операции.

Вика была довольна, а Полина и вовсе счастлива.

– Разрешите заглядить вину, – произнёс мужчина после секундного замешательства, – меня зовут Леонид. Я

юрист, вот моя визитка. Если понадобится профессиональная помощь, совет или просто так, выговориться, например... непременно звоните, буду рад услышать ваш удивительный голос. Вы на какой остановке сойдёте?

– На Суворова.

– А давайте выйдем на следующей, прогуляемся до вашей остановки пешком. Думаю, десять минут не сложно выкроить даже очень занятому человеку. Соглашайтесь. Очень хочется с вами познакомиться.

– Зачем... зачем вам это!

– Скажем так – вы мне симпатичны. Поверьте, я не кокетничаю, не преувеличиваю. Ваша... ваша нестандартная внешность, скажем так – меня не раздражает. А всё прочее... у вас реально модельная внешность, точнее, фигура, движения, голос. Кстати, у меня есть товарищ, довольно востребованный пластический хирург...

– Напрасно стараетесь. Я привыкла к своему лицу, чужое мне не полюбить. Если хотите поговорить – смените тему.

– Расскажите о себе.

– С чего бы я начала перед вами исповедоваться! Назовите хоть одну причину.

– Тогда я расскажу вам о себе.

– Несчастливая судьба, деревянные игрушки, голодное детство, злые родители. Хотите присесть неприкаянной особе, не имеющей шансов найти достойную пару, на уши, чтобы с помощью сочувствия, точнее нейролингвистического про-

граммирования, вызвать к своей персоне симпатию?

Я немного знакома с методикой оболъщения. Интересовалась на досуге, исключительно из любопытства. К тому же, сами видите – я не очень аппетитный объект для художественного флирта.

На таких страшилищ как я принято рисовать шаржи с лошадиными мордами, кривыми зубами и носами до подбородка.

– Напрасно думаете, что в вас невозможно влюбиться. Посмотрите на тех парней, они без ума от вашей фигуры. Наверняка делятся пошлыми комментариями.

– Я не думаю – знаю. Ладно, уговорили, давайте сойдём, подышим свежим воздухом, Леонид. Сколько вам лет?

– Тридцать семь.

– Ого! Вы мне в отцы годитесь. Меня родила шестнадцатилетняя девочка.

– Почему вы не назвали её мамой?

– Не могу, она от меня отказалась. Мамой я называю ту, которая вырастила. Ей я обязана всем. Вы хотели рассказать о себе, а сами вероломно переключили внимание на другой канал.

– Извините, профессиональные навыки. Я был женат... восемь лет прожил в браке, женат на девочке, с которой дружил с детства. Нам казалось, что любим друг друга до умопомрачения. Увы, это была влюблённость, юношеское увлечение.

Мы долго притирались, учились жить вместе. Увы, не срослось, хотя всё-всё перепробовали.

Мы не ссорились, не опускались до интриг и измен, просто поняли, что нужно вернуться к дружбе, что любовь – не овощ на грядке, её невозможно культивировать уходом, прополкой и своевременным поливом.

– Действительно не ругались, просто поняли и отпустили друг друга! Забавно.

– Именно так. Мы по-прежнему дружим. Юленька замужем. У неё девочки, удивительно милые близняшки, замечательный муж. Я часто их навещаю. Сам до сих пор холост. Не встретил пока ту, которую полюблю.

– Странно. Вы не похожи на убеждённого холостяка: слишком ухожены. С мамой живёте?

– Один. Мой папа – кадровый военный, научил дисциплине и навыкам самообслуживания. Привык, понимаете, к армейскому порядку. Вы сказали, что вот это чудо-платье сшили сами. У вас талант. Что ещё я о вас не знаю?

– Ничего не знаете, кроме того, что зовут меня Полина, и что лицо моё похоже на маску, которую несколько раз уронили в процессе изготовления.

У меня маленькое пошивочное ателье. По мере сил и таланта создаю женщинам настроение. Умею петь, танцевать, довольно прилично играю на пианино, рисую. Зачем вам всё это знать?

– Ну как же. Мне интересно всё, что касается будущей

жены.

Полина покраснела, сжала кулачки, – довольно! Хватит с меня глупых шуточек. Мы пришли, прощайте.

– Полина, а отчество ваше как?

– Геннадьевна. Зачем вам столько ненужной информации?

– Я не шутил, Полина Геннадьевна. Вполне официально заявляю вам о серьёзном намерении просить вашей руки. Станьте моей судьбой, выходите за меня замуж.

– Поглумиться захотелось! Мечтаете поместить в коллекцию соблазнённых объектов наивную дурнушку, чтобы было чего рассказать друзьям в курилке!

– Не угадали, я предельно серьёзен. Вы согласны?

– Конечно, нет. С какой стати я должна доверять человеку, с которым знакома пятнадцать минут!

– Напрасно. Я мальчик взрослый, готов нести ответственность, в том числе юридическую, за каждое произнесённое слово. Будьте моей женой. С ответом не торопитесь. Во сколько вы заканчиваете трудиться? Ах, да, на табличке обозначено. В восемнадцать часов на этом месте буду ожидать приговор.

– Если честно – не интересно. Эксперименты подобного рода не для меня. К тому же я вас совсем не знаю.

– А мама, когда удочеряла, что о вас знала... а когда поняла, что с вами что-то не так, разве испугалась и сбежала? Понимаю, что доверие нужно заслужить. Дайте шанс.

– У меня нет оснований доверять вам. И потом, я никогда никого кроме мамы не любила и вряд ли когда-нибудь увлекусь романтическими мечтами.

– Голословное утверждение. Вы не можете знать, как отреагирует ваше сознание, тем более тело, например, на прикосновение. Хотите попробовать?

– Своих клиентов вы так же дрессируете? Наверно зарабатываете прилично на подобных экспериментах.

– Можно я вас поцелую? В губы, как целуются влюблённые.

– Меня... на улице... да вы с ума сошли! Довольно надо мной измываться! Это непорядочно. Прощайте.

– До свидания, Полина... Геннадьевна. Я не отступлю.

День был наверно самый неудачный за последние двадцать пять лет. Всё валилось из рук, ничего не получалось. Непривычные мысли закручивались в спираль, поднимались куда-то ввысь, падали, разбивались, распадались на отдельные фрагменты. Потом растворялись, плавилась, сливались и капали, капали на мозги, отчего становилось то невыносимо сладко, то до одури больно.

Полина впервые в жизни разговаривала с мужчиной о себе, о нём, о любви, пусть отвлечённо, опосредованно. Как же хотелось девушке верить в то, что её действительно можно полюбить. Её, такую некрасивую, неинтересную, даже больше – уродливую.

Она и прежде грезила на эту животрепещущую тему, но

безадресно, расплывчато, словно не участником событий хотела быть, а сторонним наблюдателем. Теперь пыталась представить, как это – целоваться, что чувствуют, когда обнимают, причём, не с кем-то отвлечённым, без лица и адреса, а именно с ним, с Леонидом.

У воображаемого персонажа были мягкие губы, сильные руки. Прикосновения порождали синие блуждающие огоньки по всему телу, от которых во рту появлялся кислый привкус и чувствительно било током, как случается, если замыкаешь языком контакты на батарейке.

Полина ни разу в жизни не целовалась, не знала, как люди воспринимают соприкосновение губами и языками, но интуиция подсказывала – это должно быть сказочно приятно.

Девушка сказала больно, убежала, долго гуляла по городу, чувствуя дурноту, потом вернулась в ателье, завела будильник, чтобы прозвонил без пяти минут шесть, удобно устроилась с ногами в кресле и сидела неподвижно с закрытыми глазами, пока звонок не заставил сердце трепетать, как мотылёк над цветком.

Полина спряталась за штору, украдкой выглянула в окно, из которого был виден вход в ателье. Леонид, одетый как жених на свадьбу, стоял с малюсеньким букетом ярких цветов на тоненьких ножках.

– Аквилегия, – узнала цветы Полина, – мама такие выращивает. Неужели это мне? Что делать, что делать? Кажется, я забыла, что праздник жизни не касается таких чудовищ как

я. Обидно. Но прятаться я не собираюсь. Пойду и скажу ему, чтобы прекратил потешаться. Пусть выберет для своих забав более подходящий объект.

Леонид широко улыбнулся, заметив Полину, поспешил к ней, – а я гадал, в каком платье выйдет моя принцесса. Остановился на лазоревом и лимонном. Как видите, угадал.

– Не удивительно, успела рассмотреть ваш букет, захотелось подыграть.

– Учитесь читать мои мысли? Это замечательно. Вглядитесь в мои глаза, прочитайте, что о вас думаю. Ну же, вам нечего бояться, я предельно искренен. Приглашаю вас в кафе, там всё обсудим. В этом платье вы ещё симпатичнее, чем утром.

Полину передёрнуло, лицо и шея окрасились бордовыми пятнами.

– Нечего стыдиться своей инаковости. Каноны красоты выдумывают те, кому это выгодно. Можете поверить – вашей фигуре, вашему уму и обаянию завидуют многие прелестницы, у которых кроме смазливой мордашки и тонкой талии нечем похвастать. Чтобы почувствовать вкус жизни в любом облиции нужно научиться быть эгоистом. При расставании утром я озвучил некую просьбу, если хотите – сокровенное желание.

– Помню. Зачем вам это?

– Как я могу почувствовать сладость ваших губ, не имея возможности отведать это изысканное блюдо?

– Вы говорите как опытный сердцеед. Хотите поставить галочку в дневнике совращений! Под каким номером я в вашем пикантном списке?

– Информация в открытом доступе. У меня была одна женщина, вы можете стать второй.

– Второй... может, очередной, следующей!

– Скажите, Полина, сейчас вы пытаетесь оценивать себя или меня? Дело в том, что я серьёзен как никогда. Мне совсем не важна форма вашего лица, потому, что оно – неотъемлемая часть вас. Я предлагаю стать моей женой не лицу, не руке, даже не ноге, хотя она великолепна, не вашему изумительному платью. Мои симпатии направлены исключительно на вас, без купюр и изъятий. Паспорт у вас с собой?

– Кажется да, он всегда при мне.

– Тогда следуйте за мной, фея.

– Куда, зачем! Вы хотели пригласить меня в кафе, так я уже согласилась.

– Подадим заявление на регистрацию брака, а затем с полным на то основанием отметим это знаменательное событие.

– Мне нужно подумать. Вы не понимаете... так не бывает!

– Ещё как бывает, Полиночка. И не спорьте! Я уговариваю вас слишком долго. Представьте себе, что хотите купаться, что час или два стоите по колено в воде. У вас мурашки по всему телу размером с горошину, вы уже замёрзли. Уверяю, вы уже не сможете решиться зайти в воду. Правильнее и гораздо приятнее прыгать сходу, причём, сразу погружаться с

головой.

– Логично, но не убедительно. Я, значит, с головой, а вы придержите меня под водой, пока не захлебнусь?

– Допустим, что это так. Наверно страсть как любите читать ужастики и страшилки. Исключаем из меню отдых у воды. Отпустите сомнения, страхи. Для того, чтобы научиться плавать, нужно как минимум перестать бояться, поверить, что вода – это жизнь, довериться ей. У меня нет доказательной базы собственного бескорыстия, искренности намерений. У меня вообще ничего нет, чтобы быть убедительным. Вы целовались когда-нибудь?

– Нет! Ну и что с того? Не очень-то хочется.

– А то, что вы представления не имеете о реальной сути вопроса. Поцелуй – это не блажь, не развлечение, это процесс познания, изъявление доверия в довольно высокой степени искренности. Это конкретный прикладной процесс, творческий эксперимент. Как конструирование красивого платья. Разве можно создать шедевр исключительно силой мысли, не воплощая идею в реальное изделие методом проб и ошибок?

Откажете себе в удовольствии познать неизведанное и никогда не узнаете, что такое любовь, с чем её едят, что при этом чувствуют. Решайтесь, прыгайте. Не бойтесь, я с вами.

– Вам легко говорить. У меня одна жизнь и только одна попытка стать счастливой. А если прыгну и разобьюсь, если там, в глубине, столб, например, огромный остроугольный

камень, или трёхметровый голодный сом!

– Хорошо. До загса идти минут двадцать. Слушайте, Полина Геннадьевна, сегодня мы, кажется, опоздали! Время для принятия решения, точнее, до следующего открытия загса, почти пятнадцать часов. Итак, начнём с самого конца.

– Ну-ну, с какого такого конца?

Леонид смутился, закашлялся, потом ему стало смешно, – хорошо, с середи... Полина, не придирайтесь к словам. У вас странное чувство юмора. С кафе начнём, или с ювелирного магазина. И сменим тему на что-нибудь романтическое. Дарить невесте кольца – банальность, но и мы не оригиналы. Этот пробел нужно восполнить. Можно, я куплю вам колечко со смыслом, вы в каком месяце родились?

– В марте.

– Надо же, в марте, весной. Ваш камень – аквамарин, что-то среднее между голубым и зелёным, приблизительно как ваши глаза. Окольцую, приобрету законное право называть вас невестой.

– Я уже совсем ничего не понимаю. Сами придумали, сами, без меня всё решили. Зачем в вашем хитроумном замысле нужна я?

– Вот, тут мы подходим к самому важному. Я буду вас... давай перейдём на ты.

– Давай-те.

– Я буду тебя любить, ласкать, холить, лелеять. А ты... ты меня тоже будешь ласкать. И любить. Это справедливо,

правильно, разве не так?

– Устала я что-то. Делай уже что-нибудь, прекрати морочить мне голову. Колечко так колечко. А потом... можно я у тебя переночую, можно я тебя обниму, можно ноженьки раздвину? Как-то так, да!

– Стоп!!! Тогда так – колечко, кафе, съедаем по мороженому... и по домам. Но, поцелуй вместе с колечком, это не обсуждается. Остальное, но не всё что ты озвучила, откладываем на завтра. Можно, конечно, подождать месяц, год. Неважно. У нас уйма времени. По крайней мере, лет сорок в запасе имеем. С хвостиком. Успеешь ко мне привыкнуть?

– Почему ты командуешь! Мне-то можно хоть чего-нибудь решить?

– Можно. Но не нужно. У тебя опыта нет. Накуролесишь – потом расхлёбывай.

– Ах, так! Тогда никакого кафе. Сразу домой.

– К кому?

– Ты к себе, я – тоже к себе. Мне такая любовь не подходит.

– А какая подходит?

– Без приказов, без принуждения, без насилия. Коллективное, так сказать, творчество: вместе придумываем, вместе решаем, вместе кроим и шьём. Только так.

– Принято. С чего начнём?

– Как скажешь.

Леонид с недоумением посмотрел на Полину, улыбнулся

и сказал, – тогда в магазин.

– В магазин, так в магазин, Лёня. А потом в кафе, хорошо? Самое интересное было дальше.

Свадьбу сыграли, как положено, со всеми необходимыми атрибутами и ритуалами. Жили в любви и согласии, долго, счастливо.

Сначала родилась дочка – Сонечка, потом мальчик – Егор.

Супруги никогда не расставались, ходили и путешествовали вместе. Леониду в голову не приходило стесняться изъяна во внешности жены.

Интересующимся внешним диссонансом знакомым он всегда отвечал словами бабушки, – с лица воду не пить, – хотя запросто мог облизать свою милую от кончиков волос до мизинчика на ноге.

Странное это состояние – любовь. Никто не знает, как она попадает в наше тело, почему у одних людей расцветает, у других сохнет, не успев завязать бутоны.

Да, остался один недосказанный момент, который наверняка интересует каждого прочитавшего рассказ целиком – какая внешность была у детей. Могут обрадовать – удивительно эстетичная, можно сказать незаурядная. Наследственные прогнозы не оправдались.

В сетях греховного соблазна

Я и он по-разному ранимы.

Близость не подходит для далёких –

И когда он всё-таки обнимет,

Я умру от воспаления лёгких.

Сола Монова (Юлия Соломонова)

Костя в мрачном настроении на исходе терпения сидел в машине, полулёжа, завалив назад кресло. Таксистская удача покинула его ещё вчера. Денег едва хватило на заправку, в животе урчало от голода. Тяжёлые мысли тревожно высверливали мозг.

Жене он как-нибудь объяснит временное безденежье, а что скажет детям?

Какое им дело до того, что у пассажиров в сложившейся экономической обстановке с финансами тоже не густо. Все в одном котле варимся, перебиваясь с трудом тем малым, что удаётся заработать.

Есть, конечно, денежные мешки, которым тем лучше, чем всем остальным хуже, но они больше на своих автомобилях катаются.

Прежде хоть на хлеб денег хватало, ближе к весне паёк с каждым днём жиже становится.

На календаре начало апреля. Как назло, погода соответствует настроению. Утром солнце светило, даже разморило

в машине, потом ветер холодный налетел, а с полчаса назад снежная крупа волнами посыпалась.

Домой с пустым карманом возвращаться не хочется.

Настеньку, жену, забыл, когда обнимал последний раз. Целыми днями в ожидании пассажиров да в разъездах. Поспит часа четыре и опять за баранку.

Ладно бы заработок был, а то больше даром катается.

А что делать! Работы толком вообще нет. Где штат набирают, там платить забывают вовсе, кивая на ризис.

Костю от усталости и унылых дум разморило. Но уж так устроен человек, что не может страдать и унывать слишком долго. На смену безрадостной реальности поспешили красочные фантазии.

Прикрыл глаза, разомлел, размечтался.

Настенька. Хоть и живут больше пяти лет вместе, двоих детишек воспитывают, а любовь у них до сих пор как в самом начале, словно растянули медовый месяц на добрую половину жизни.

Каждый раз, когда видит жену в романтических грёзах, а случается это довольно часто, воображение рисует Настю в приталенном красном платье, развевающимся на лёгком ветру.

Крупный белый горошек на ярком фоне, распущенные по плечам густые волосы, огромные, светящиеся ликующей радостью тёмно-серые глаза, улыбка во всё лицо, раскинутые навстречу ему зовущие руки-крылья.

Каждый раз, представляя её в тот замечательный день, запомнившийся навсегда, он вновь и вновь удивляется, как эта миниатюрная, до сих пор похожая на маленькую девочку женщина, могла родить таких замечательных ребятисшек.

До сих пор она кажется ему той, семнадцатилетней. Столько Настеньке было, когда судьба свела их вместе, неожиданно сблизив посредством комичной ситуации.

Так же как сейчас он томился в ожидании пассажиров. Погода была совсем нелётная. Зарплату в организациях и на производстве только через неделю начнут выдавать. А пока никто не ездит.

Тоска зелёная да и только.

Чтобы скоротать время и унять меланхолию, Костя раскрыл томик Драйзера.

На странице удачливый авантюрист Фрэнк Каупервуд с лёгкостью необыкновенной шагал по головам, делал деньги практически из воздуха, завоёвывал благосклонность красавиц.

Костя ему немного завидовал. Не раз и не два задавал себе вопрос, почему у него никогда так не получается? В чём кроется изъян: в характере, в неблагоприятных обстоятельствах или судьба наперёд до конца дней расписана?

Ответа не было.

Наверно, просто не смог бы так запросто, как герой романа, предавать и перестраиваться, следовать всю жизнь за единственной целью – за большими деньгами, несмотря ни

на что.

Да, деньги сейчас пришлись бы кстати. Но, увы, пока что юноша читает, как красиво живёт Каупервуд и его окружение.

Сначала и он не был прожжённым проходимцем. Обыкновенный искатель приключений, немного авантюрист.

Каупервуд увлекался податливыми девочками в доходных домах, довольствовался малым, потом влюбился в Лилиан Сэмпл, замужнюю женщину старше себя, уже имеющую жизненный опыт.

Наверно Лилиан и обучила его относиться к жизни, безжалостно отсекая мораль и душевные резания.

Спустя немного времени женщина стала вдовой, и женой самого Фрэнка.

Обеспеченная жизнь и новые финансовые возможности превратили его в расчётливого эгоиста и сноба.

Вскоре женщина перестала удовлетворять растущие как на дрожжах потребности, вкусы и стремление к жизни в высшем обществе у Каупервуда.

На горизонте событий появилась молоденькая, совершенно обворожительная девушка Эйлин Батлер. *“Вся она, каждое её движение было исполнено прелести”*.

Костя увлёкся описанием девушки, историей её романтического завоевания начинающим хищником, физически представлял себе это божественное создание.

В теле юноши естественным для его возраста образом

бурлили молодые соки. Ощущения близости к понравившейся героине были невыносимо реальными, заставляли чувствовать её дыхание, запах, вкус поцелуя.

Волны вожделения будоражили Костину кровь, руки дрожали от нетерпения. Он целиком и полностью сосредоточился на сюжете, ощущая себя в этот момент тем самым Каупервудом.

Юноша торопился прожить сладостные моменты вместе с персонажем, перескакивал глазами через предложения и целые абзацы, которые упускали процесс чувственного соблазна и саму любовную страсть.

Дверца машины тем временем резко распахнулась, впустила внутрь кабины свежий холодный воздух, а вместе с ним облако очаровательных запахов и милую Эйлин.

Перескочить за одно мгновение из одной реальности в другую никак не получалось. События странным образом смешались, не давая сосредоточиться.

Миниатюрная девушка бесцеремонно плюхнулась на сиденье, изящным жестом поправила изысканное платье, явно предназначенное для праздной жизни, положила на колени малюсенькие ручки с детскими ноготками кораллового оттенка, и требовательно приказала, – ну...

- Я вас слушаю, милая Эйлин.
- Вы ненормальный, да? Поехали уже.
- Куда, принцесса?
- Куда и раньше...

– Извините, разве мы с вами куда-то ездили, не припомню?

– Я же сразу расплатилась. Спросите у диспетчера, если у вас проблемы с памятью, сидели бы дома. Клуб Юбилейный. Давайте же быстрее, я опаздываю.

– Да-да, готов катать вас даже бесплатно. Вы так живо напоминаете мне... Впрочем, неважно, кого. Можно полюбопытствовать, как вас зовут на самом деле?

– Вы со всеми девушками так прытко знакомитесь! Между прочим, я несовершеннолетняя. Мне не нужно одолжений, деньги я вам отдала. Заканчивайте попытки познакомиться, мне сейчас не до вас.

– Не сомневаюсь. У меня впечатление, что знаком с вами очень давно.

– Глупости. Первый раз вас вижу. Мы едем или нет!

– Как скажете. Но у меня не было ни одного заказа, с самого утра.

– Издеваетесь? Вы меня привезли, я бегала в магазин, всего на минутку. Мне что, снова платить?

– Ну что вы, Эйлин. Такие прелестницы вообще ни за что платить не обязаны.

Костя всё ещё плыл на волне книжных событий.

– А не на той машине случайно вы приехали? Водитель явно нервничает, – показал он на припаркованный почти рядом автомобиль с шашечками.

– Ой! Перепутала. Извините, ради бога! Немножко нерв-

ничаю. Меня девочки ждут. У нас музыкальный номер, без меня ничего не получится, я солистка.

– Значит, едем.

– А тот водитель?

– Вы же ему заплатили за всю поездку, Эйлин. Какая ему разница?

– Никакая я не Эйлин. Меня Настя зовут.

– Какое нежное имя. Настенька. А я просто Костя. Можно вас после концерта встречу? Это вас ни к чему не обяжет. Продолжим беседу, только и всего. Вы меня выдернули из беспросветного уныния по причине полного отсутствия пассажиров.

– Я же вас бессовестно эксплуатирую. А вы точно не потребуете деньги?

– Точнее не бывает. Только обещайте опять не перепутать машину. Впрочем, я буду встречать на выходе, вы такая рассеянная, а колокольчик этого изумительного платья не заметить невозможно.

Не успел Костя высадить Настю возле клуба, как посыпались заказы, один за другим.

Кажется, девочка приносит удачу, – подумал юноша, и закрутился в вихре профессиональных обязанностей.

Работать стало легко и весело.

Они встретились, почти до утра катались, оживлённо беседовали.

Девочка была прелестна. Впрочем, она и теперь такая же

удивительная.

Затем была волшебная весна и совершенно фантастическое лето любви, полное насыщенных эмоций и сказочно приятных сюрпризов.

С Настенькой Косте расхотелось быть Каупервудом. Очаровательная малышка забрала его сердце в плен, полностью лишив рассудка.

Незадолго до наступления Нового года они поженились, имея на балансе неугасающую любовь и двадцать три недели самой прекрасной на свете беременности.

Костя пребывал в полудрёме, но фоном отчётливо слышал происходящее в реальности, мысленно обнимая в воображении Настеньку, сгорая от вожделения и страсти.

Конечно, она была одета в то же красивое расклешённое платье в горошек.

В фантазии он стремился, во что бы то ни стало дотронуться до желанного тела, предвкушал немедленный восторг единения.

Длинное платье почему-то мешало прикоснуться, скрывало от разыгравшихся чувств самое желанное и соблазнительное.

Запах нетронутой девственности (возможность возвращаться мыслями по желанию в тот замечательный день было в его власти) манил невыносимо, отзывался спазмами внизу живота.

Костя запутался в нижних юбках жены, которых отчего-то

оказалось не одна, а несчётное число. Сверху добраться до желанной цели мешал глухой ворот (откуда он взялся в лёгком платье!)

Губы Настеньки всё время ускользали от поцелуя. Вместо налитых грудей в руках почему-то оказался автомобильный руль...

Запыхавшийся, с тягучей слюной на подбородке, Костя очнулся от тяжёлого забытья.

В окно машины настойчиво барабанил странного вида парень.

– Такой кайф, паразит, испоганил, – с досадой подумал Константин, хотя несколько минут назад мечтал хоть кого-нибудь с деньгами взять на борт.

– Шеф, свободен?

– Да, я вас слушаю, – ответил Костя, постепенно приходя в себя.

– Мне бы за девочками съездить. Плачу два конца, и за простой. Деньги сразу.

– А если не найдём?

Костя лихорадочно соображал, соглашаться или нет. Не любил он ездить за ночными бабочками. Такие рейсы нередко заканчивались неприятностями, разборками с клиентами, которые некоторое время сорили деньгами, пока не обнаруживали дырку в кармане.

С другой стороны, в его кармане денег совсем нет.

– Мои проблемы. Знаю, где точно есть. У меня сегодня

праздник, племянник родился. Прикидываешь! Сестрёнка удружила. Нужно как следует оттянуться. Ну что, едем, брат?

– Скажи куда... и сколько.

– Если на Щелчке нет, метнёмся на Горьковку. Или на Ярославку. Найдём, не бойсь. Я сегодня фартовый, дядькой стал. Ну, сеструха, уважаю!

– Я не против кататься, если не даром. Хоть на край света доставлю. Любой каприз за ваши деньги. Но, хотелось бы для начала пощупать руками реальные аргументы в реальных купюрах.

– Так далеко мы не поедem. Всё намного проще, и прозаичнее. Меня Денис зовут.

– Костя. Хочу сразу предупредить, что разговоры про девочек и разврат не люблю. Я человек глубоко семейный, с определёнными моральными принципами. Эта поездка для меня просто работа. Если не сложно, упускайте в разговоре фривольные темы.

– Годится. Сложно, конечно. Ведь о чём бы мы ни говорили, всё в жизни сводится к банальному траху, как его ни назови. Любовь – это выдумка. Всё, брат, молчу. Табу.

Денис вынул из кармана объёмный бумажник, вытащил с таким выражением на лице, словно стряхивает пыль, три сотенных бумажки с американским президентом и вручил Косте.

– Это аванс, я сегодня добрый. Если срastётся на ближ-

них точках, всё равно оставишь себе. Как видишь, я не собираюсь ловчить. У тебя своя цель, у меня своя. Поехали. Не обидишься, если буду в дороге пить пиво?

– Пей. Только не кури. Я бросил, задыхаюсь от табачного дыма.

– Я тоже бросаю. Вместе веселей.

Тронулись. Оба удобно устроились, каждый на своей душевной волне.

Костя в уме производил несложные расчёты с лежащими в кармане купюрами, ловко распределял деньги на необходимые для семейной жизни первоочередные траты.

Срочных расходов выходило много, но полученной суммы хватало почти на всё.

Это радовало. Но, деньги пока не заработаны.

Юноша немного послушал Дениса, который отхлёбывал пиво и говорил, говорил, всё больше о личных фантастических достижениях. О том, что “таксует” на измайловском входе Черкизовского рынка. Что катает в прямом и переносном смысле мелких оптовиков с закупленным ими товаром.

По его рассказам деньги в карман сыпались щедрым потоком.

Сегодня и завтра у него выходной.

– Сеструха всё же. Родная кровь. Я ей такой подарок задумал – закачаешься.

Костя безуспешно боролся с необходимостью слушать, потому перевёл беседу в фоновый режим: время от времени

кивал собеседнику или вставлял короткие нейтральные реплики.

Что именно пассажир говорит, он не понимал, почти не слышал.

Впрочем, собеседнику это было не слишком нужно. Он балдел от удачи и воображаемой значимости, от постоянного и неизменного везения, от наличия денег в кошельке, и много-многого от чего ещё, о чём повествовал с придыханием.

Его речь дышала оптимизмом, далеко идущими финансовыми планами и избытком энергии, которыми он сейчас пытался щедро делиться.

Водителю до всего этого не было дела. Он думал о своём, одновременно выполняя на автомате профессиональные действия.

Во время движения у Кости включался особенный режим функционирования. Его внимание становилось объёмным, многоканальным. Он всё видел вокруг, всё слышал и замечал, чувствовал дорогу, предвидя заранее события и спонтанные реакции других водителей.

Контролировать процесс было просто. Денис нисколько не мешал. Он даже не требовал включить шансон на полную громкость, как это происходило обычно с подобными клиентами.

Слово шансон Костю раздражало и корбило. Большинство пассажиров этим термином называли шедевры лагерной лирики, бездарные, похабные, идеализирующие тюрем-

ную романтику, разврат и худшие стороны примитивных инстинктов.

– Мурку давай, – с вожделием орали некоторые из них, упиваясь эффектом, производимым примитивной “нетленкой”.

Костя мог послушать некоторые образцы означенного жанра, например Круга или Танича. Например, “Я куплю тебе дом у пруда в Подмосковье...”. Довольно приличная песенка, душевный вокал. Содержание, конечно, если вдуматься, не очень. Денег нет, и не будет, но ведь можно выиграть их в лотерею.

Такие вещи обычно слушают душой, не вдаваясь в смысл слов, просто парят на восходящем потоке обманчивых эмоций. У Кости так не получалось. Юноша начинал вслушиваться в слова, анализировал смысловую составляющую, которая полностью изменяла впечатление.

С содержанием выходила полная белиберда.

Даже эти барды, пусть красиво и душевно, пели о примитивных неудачниках, которые ничего не умели, не хотели учиться жить, плыли по течению, мечтали лишь о том, чтобы их грели молодые доступные красавицы без особенных обязательств, а деньги появлялись сами собой, стоит только раскрутить барабан удачи.

Костя думал и чувствовал иначе. Счастье и своё будущее он находил в семье. Для жены и детишек готов был трудиться день и ночь, лишь бы видеть их радостные лица.

Не его вина, что проклятая перестройка разрушила и перекроила жизненный уклад, лишила надолго не только стабильности, всего, что строили до этого долгие годы.

Денис был в ударе, повествуя о героических буднях. С каждым новым рассказом его доходы росли, кошелек пух, возможности вырастали в геометрической прогрессии.

Попутно пассажир опустошал пиво, бутылку за бутылкой, время от времени забегал в попутные ларьки и магазины за новой порцией пенной продукции.

Проехали Щёлковское шоссе до кольцевой автодороги. Ни одной точки, где девочки торгуют телом, не встретили.

Денис щедро добавил ещё сто зелёных рублей, с лёгкостью небывалой брезгливо расстался с очередной купюрой.

Поехали в другие возможные места, где можно было встретить девочек с низкой социальной ответственностью.

Видно день выдался для Дениса не очень удачный. Цель его путешествия не думала приближаться. Из кошелька пассажира в Костин карман, грея теплом неожиданных возможностей, легли ещё несколько купюр.

Потом ещё, что заставляло Костю менять финансовые планы в сторону неожиданного изобилия.

По выражению лица возбуждённого собственными рассказами Дениса не было заметно, что его волнует неудачная поездка. Он, словно глухарь на току, радовался жизни. Даже неудачи приводили его в некое подобие восторга, на ходу рождали шутки и новые порции неправдоподобных баек о

сумасшедших заработках.

Для Кости эта поездка была нереально удачной. О таком заработке он и мечтать не мог.

В итоге повезло и Денису достичь желанной цели.

Неожиданно они нарвались на большую точку, где кучковались путаны на любой вкус.

Тут же к машине подбежала “мамочка”. Она увлечённо расхваливала товар, словно торговала не продажной любовью, а произведениями искусства, преувеличенно щедро расписывала выдающиеся породные и экстерьерные качества девчонок, их необузданный интимный темперамент, сексуальные предпочтения и способности, озвучивала небывалый, раз в десять, разброс цен.

Костя включил фары, направил свет на строй жриц любви.

Денис ходил, вглядывался в фигуры и лица девочек, нагло тербил их груди, пробуя на упругость, лапал за задницы, вглядывался в лица.

Нет. Ему ни одна не нравилась.

– Есть эксклюзив, – шепнула на ушко “мамочка”, – но очень дорого. Не каждому по карману такие экземпляры.

– Не томи. Сколько?

– Семьсот.

– Рублей?

– Баксов.

– Предъявляй, показывай.

– Капелька, дуй сюда, живо. Но смотри, парниша, если

что, я номер машины сфотографировала. Испортишь товар – пожалеешь, что на свет появился. Эта девочка, наш бренд.

– Ну же, не томи.

Из блестящего джипа материализовалась миниатюрная девушка, одетая в объёмное платье, скрывающее под многочисленными складками подробности телосложения. Вид у неё был слишком скромн для представительницы столь откровенной профессии.

– Ничего себе, – присвистнул Костя, – Эйлин.

Фея неуловимыми глазу деталями походила на его Настеньку. Правда, платье в крупный горох было васильковое, но талия даже тоньше, чем у жены тогда, в день их знаменательного знакомства.

На её ногах были мизерного размера туфельки в тон платью на высоченных шпильках. Пушистая рыжая грива, белоснежная мраморная кожа, обезоруживающее скромностью милое личико, абсолютно целомудренный взгляд.

Костя на мгновение потерялся. На поверхность восприятия всплыло возмущение. Как они посмели торговать телом ребёнка!

На вид малышке было не больше семнадцати лет. А как обворожительно она улыбалась...

И глаза. Они просто не умещались на идеально правильном лице. Невозможно было поверить в то, что они находятся на рынке товара для извращённых эротических утех.

Костя смотрел на девушку, открыв рот. Сердце выпры-

гивало из исконных пределов, отзываясь набатом в каждой клеточке изумлённого видением тела.

Стоит ли говорить, что Денис расплатился не глядя?

В бумажнике у него после этой процедуры остались лишь несколько мелких купюр. Но это нисколько его не огорчило. Оптимизм так и не покинул искателя приключений.

Он светился, считая сделку успешной.

– Деньги – мусор, тьфу, жалкие бумажки! Сейчас съездим в одно место, займу у друзей. Мне не откажут. Костя, я твой должник.

Денис нежно, едва касаясь губ девушки, запечатлел поцелуй, галантно усадил её на заднее сиденье и скорректировал маршрут.

– Не дрейфь, братан. За всё рассчитаюсь. Смотри, какую королеву отхватил. Сам себе не верю. Богиня. Вперёд, дружище! Расценки знаю. В долгу не останусь. Костя, мы теперь так отпразднуем рождение племянника, мало не покажется.

Слова сыпались из него как из рога изобилия. Пиво между тем тоже лилось рекой.

– Капелька. Это же надо такое придумать. Кто же тебе дал такое имечко?

– Мама. Это она меня так называла в детстве. Любит, до сих пор считает ребёнком.

– Не сомневаюсь, что любит. Я в тебя тоже влюбился. С первого взгляда. Мы с тобой такое замутим. Замуж за меня пойдёшь, – непонятно, шутя, или всерьёз спросил Денис.

– Ты так говоришь, пока ничего между нами не было. Получишь желаемое и забудешь. Для того чтобы принять или отклонить подобное предложение, нужно сначала узнать человека. Без любви семья в тягость.

– Надо же. Зарабатываешь разворотом, а размышляешь как невинная дева.

– Зачем ты так? Ведь не знаешь, какая напасть завела меня в тупик. Хотя понимаю насколько смешно и нелепо, когда путана философствует, пытается изображать из себя жертву.

Товарно-денежные отношения ими и должны оставаться. Ты ведь заплатил как за элитный товар. Скажу больше, однозначно переплатил. Но ведь для тебя деньги не проблема, я правильно поняла?

– Немного не так. Деньги для меня не цель. Как приходят, так и уходят. Чего их жалеть. Но и выбрасывать их на ветер не желаю. У меня сегодня праздник. Ты – его самая яркая часть. Гульнём на славу. Вот, смотри – это презервативы. Разные, шесть видов. С пупырышками, сверхтонкие, с запахом клубники, для минета, с разными вкусами, а эти вообще приколы – в темноте светятся. Пробовать будем все. Я столько желания накопил – на неделю хватит. Главное, чтобы твоя капелька выдержала.

– Хвастун, – подумал Костя.

Несколько часов он его слушает, всё парень врёт, каждое его слово – гротеск. Просто не может иначе. Ну, да и бес с ним. Таксистское дело сторона: баранку крутить, ухо дер-

жать востро, помалкивать.

– Так говоришь, нужда заставила? Вот и поделись. Излей душу. Авось легче станет. Люблю исповеди слушать, – явно бравируя положением владельца девушки, как товара, про-изнёс Денис.

– Не в чем мне каяться. Ты же видишь: не плачу, судьбу не кляню. Да и тебе лишний груз ни к чему. Любопытство не всегда безопасно.

– Мата Хари что ли, на спецзадании? Не смехи. Не хочешь – не говори. Тогда помолчи, отдохни, настраивайся на самый жёсткий секс. Так отдеру – мало не покажется.

– Как скажешь. Мне за разговоры по душам не платят, а цену свою отработаю.

– Капелька, не заводи меня. Я ведь и без того на взводе. Из последних сил держусь, уговаривая эрекцию успокоиться. Того и гляди к процедуре глубокого бурения прямо в транспорте приступлю. Тебе это нужно?

– Хозяин – барин. Желание клиента – закон. Я ведь не собираюсь от страсти в обморок падать.

– А придётся. Не такие как ты пощады просили.

У ворот вещевого рынка, в том месте, которое указал Денис, стояли две Волги. Он глянул на них и рассвирепел, – чужаки! Сколько работаеюздесь, никогда их не видел. И знакомых никого. Пойду, разберусь. Сейчас они у меня попляшут.

Минут пять продолжалась возле машин возня и крики. Денис пришёл расстроенный, с оторванным у куртки рука-

вом и наливающимся бланшем под глазом.

– Уроды! Я это так не оставлю. Ладно, сейчас братва подьедет, уроем насмерть.

Знакомые бомбилы появились минут через двадцать. Оказалось, тех двух поставила крыша. Денис долго мирился и братался с незнакомцами.

Удивительно, но его настроение несколько от инцидента не пострадало. Он всё так же светился оптимизмом.

Денег взаймы ему дали: пятьсот долларов и сколько-то тысяч рублями. Почти половина сразу перекочевала в карман к Косте.

Счастливый и шумный, Денис продолжал пить пиво, время от времени убегал в кусты по малой нужде, всё более вихляющей походкой.

– Блин, – задумчиво заявил он, сбежав в очередной раз, – совсем потерял бдительность. Капелька, твоё очарование лишило меня разума. Я ведь таксист. Знаю, что менты по вечерам промышляют этой подлой темой. У тебя ведь паспорта с собой нет, я прав?

– Конечно, нет. Я же путана.

– И я о том же. Остановят, начнут документы проверять. И не останется у меня ни подруги, ни денег, одни презервативы. Тебя как зовут на самом деле, если что?

– Зовите Машей. Не всё ли равно? Только зря беспокоишься. Не похожа я на ночную бабочку. Те вульгарно одеваются и выглядят соответственно. Скажете, что на дискотеку

едем. Поверят.

– А ведь верно. Ты чего пить будешь? Пива хочешь?

– Если только красного вина чуточку, а лучше без него.

– Ещё скажи, что не куришь.

– Так и есть.

– Чудеса. Не девочка – сплошная загадка. Лет-то тебе сколько?

– С возрастом порядок, уже можно.

Встретив по дороге большой гастронорм, Денис попросил остановить. Закупал выпивку и закуску долго, основательно.

Из тележки выгружали в багажник, запихивая товары впритирку. Он уже был основательно навеселе, нисколько не скупился. Чуть не всю занятую сумму потратил.

У Кости сосало под ложечкой от вида обилия деликатесов.

Сегодня он ещё ничего не ел. Правда, содержимое кармана радовало. Ради такого заработка можно один день поголодать.

Денис основательно утомил парня говорливостью, но работа есть работа. Просто так никто не платит.

Пиво и завиральные истории лились рекой.

Когда подъезжали к своему городу, парень, наконец, утомился и заснул.

С одной стороны это обрадовало, но куда ехать? Нужно будить.

Денис долго брыкался, не желал открывать глаза, потом

нехотя выплюнул адрес заплетающимся языком и опять отбыл в гости к Морфею.

Это уже становилось проблемой.

Капелька безучастно наблюдала за процедурой побудки нанимателя с заднего сиденья. Казалось, её совсем не трогало его овощное состояние. Спит и спит. Что с того? За всё уплачено.

Костя мyal пассажиру уши, хлопал по щекам, зажимал нос. Денис храпел, пускал пузыри, но стойко держал удар – даже во сне оставался оптимистом.

Зато Костя начал выходить из себя. Он проголодался, засыпал на ходу, валился с ног от усталости. Силы потихоньку угасали, зато появлялась злость.

Не везти же его к себе. Ещё эта малолетняя шмара.

Нет, на неё Костя не злился. Напротив, она вызывала в нём бурю взаимоисключающих эмоций. Девочка одновременно нравилась, вызывала вожделение и тем же раздражала.

Водитель давал себе отчёт, что перед ним опустившаяся, падшая женщина.

Но какая!

В похожую девочку, только в красном платье, он влюбился тогда. Только ту зовут Настенька. А эту... понятно, что она совсем не Капелька.

Впрочем, это совсем не имеет значения.

Проснётся Денис, и распрощаются навсегда.

Пусть тешит его пока порочной привлекательностью, перемешанной в странной пропорции с молодостью и невинной свежестью. Удивительное, парадоксальное сочетание целомудренной оболочки с греховным и лживым содержимым.

Боже, ну о чём он думает, какая может быть свежесть у проститутки! Бред. Какая свежесть: первая, вторая, десятая, последняя?

– Да просыпайся же, наконец, скотина! Устал я от тебя. Мне домой пора.

Денис открыл глаз, затем второй,дохнул жёстким перега-ром, – ты кто, блин, чего тебе надо!

– Приехали домой. К тебе домой. У тебя сегодня, точнее уже вчера, был праздник. Сеструха родила племянника. Мы ездили за девочкой. Ты выбрал самую дорогую. Вспоминаешь?

– А мне какое дело!

– То есть как, какое? Забирай свою девку и вали отсюда. Я устал катать твою пьяную задницу. Моя часть договора выполнена. Что будет происходить дальше, мне по барабану. Это твой дом, твой подъезд. Поднимайся и уматывай.

Денис долго соображал, потом вдруг подхватился, выпрыгнул из машины, пропахал носом асфальт, расцарапав фейс по всему периметру.

Костя с трудом поднял его.

– Сам дойдёшь? Не хочу неприятностей от твоей родни.

– Угу.

– Тёлку свою забирай. И презервативы.

– Какую тёлку?

– Которую приобрёл за сумасшедшие деньги. Для праздника плоти.

– Да пошли вы! Никто мне не нужен. Себе забирай. Дарю. У меня племянник родился. Я сегодня щедрый.

– Денис, ты совсем ку-ку? Зачем тогда ездили? Ты денег потратил больше, чем я за месяц зарабатываю. Ничего не понимаю.

– Отвали. Я тебе больше не должен? Ну и мотай отсюда со этой шалавой. Спать хочу.

– Поясни, как это себе забирай, зачем мне такие подарки?

– Не до вас мне, Сказал же, спать хочу. А эту... тебе дарю. Используй на своё усмотрение. Плохо мне. Зачем напоили? И избили вдобавок.

– Дурак ты, парень. Никто тебя не трогал. Разве что дружки, там, на рынке, глаз подбили. Сам грохнулся. Пить нужно меньше.

– Ага, сам себе всю рожу разбил. Дверь в подъезд открой, замок кодовый.

– Говори код.

– Не помню.

– Ещё интереснее. Вечер перестаёт быть томным. Мне что, ночевать тут с тобой?

– Звони. Триста шестнадцатая квартира. Мамаша дома должна быть.

– Другое дело. Но, она, скорее всего, спит.

Минут через десять трубку домофона подняли.

– Мамаша, тут сыночек ваш рождение племянника справлял, лыка не вяжет. Дверь откройте.

– Носят вас черти среди ночи, покоя нет.

– Могу у подъезда его оставить.

– Открываю.

Костя с трудом дотащил его до лифта, погрузил, нажал этаж и стремглав выбежал на улицу.

– С тобой-то мне что делать, подружка?

– За что заплатили, то и делай.

– Это ты брось. Я человек семейный. Меня дома жена ждёт, Настенька. Мне приключения на задницу не нужны.

– Хочешь выбросить из машины и оставить, среди ночи?

– Я этого не говорил.

– Значит, вези домой и трахай. Утром на такси отправишь.

– Это у тебя юмор такой? Сказал же, жена. Понимать нужно.

– Тогда домой вези.

– Куда, где твой дом?

– Дом далеко, а комната в гостиничном комплексе “Космодром”. Мы её с подружкой на двоих снимаем.

– Где это?

– По дороге на Красноармейск, недалеко от Зверосовхоза.

– Ого! Время-то, знаешь сколько?

– Какая мне разница. К себе не берёшь, значит вези. Я заплачу. Вот тебе для начала пятьсот рублей. Деньги лишними не бывают. Можно я спереди сяду?

– Садись куда хочешь. Только поехали скорее. Навязалась на мою голову.

– Я не вязалась. Сами за мной приехали. Между прочим, меня Лариса зовут. По-настоящему.

– Костя я. Но. Лучше, если ты по пути молчать будешь. Бесите вы меня, жертвы свободной любви.

– Первый раз встречаю мужика, который от дармового секса отказывается. Меня за такие деньги покупают, что порой рычать хочется. Попробуй, дурачина, испытай судьбу.

– Моя судьба всегда при мне. Сказал же, Настенькой зовут. Тебя понять не могу. И презираю.

– Не злись, Костя. Я-то перед тобой, чем провинилась? Думаешь, от хорошей жизни на панель пошла?

– Ничего я не думаю. Ладно, проехали. А правда, почему? Ну да чего я в душу-то лезу, самого в такси нужда загнала. Терпеть не могу этот волчий промысел. Каждый норовит носом ткнуть, словно прислугу, хозяев из себя строят. Ненавижу, когда помыкают. Это же получается форменное насилие. Обидно. А что делать, если другой работы нет?

– Видишь, Костя, задаешь вопросы, сам на них ответ знаешь. Нужда. А у меня и кроме нужды причина есть. Проиграл меня друг милый, можно сказать жених, в карты проиграл. Вот такая незадача. Только я не плачу. Потеряла веру

в людей, в будущее. И в себя заодно. Долг за него отработываю. И ведь странная, понимаешь, ситуация. Чем больше им денег приношу, тем быстрее долг растёт. У тебя есть долги?

– Сторонюсь заимствований. Родители научили на заработанные средства жить.

– Вот и думаю, глядя на тебя: долг-то не мой. Пусть бы милый сам за него отвечал. Посмотрела я на твоего друга, на тебя, и поняла – люди все разные. Мне бы такого, как ты, преданного, верного.

– Какой он мне друг, так, случайный попутчик, транзитный пассажир.

– Вот и мой транзитный. Думала любовь. Оказалось, что всё придумала. А я убегу от них. Теперь точно решила.

– Это же мафия. Поймают. Покалечить могут.

– Справлюсь. Не дам загубить окончательно свою жизнь. Подготовлюсь хорошенько и сбегу.

– Да уж! Думал, что у меня всё плохо. А сравнить с твоей ситуацией, я счастлив. По самые уши в благополучии.

Незаметно, слово за слово, оба вывернули наизнанку души. Откуда-то с самого дна сознания поднялось желание помочь, о чём парень зачем-то сказал Ларисе.

Костя почувствовал вдруг, как соприкоснулись оголённые участки их сущностей, пытаюсь внедриться в возбуждённую несправедливостью жизни нервную ткань.

Остатки сознания велели сопротивляться, но на эти действия не хватало уже сил, ещё меньше было желания.

Похоже, он слишком широко распахнул дверцу души, потому что Лариса неожиданно выпустила иголки. Видимо у неё уже был соответствующий жизненный опыт.

– Даже не думай вмешиваться в мою судьбу. Это мои и больше ничьи проблемы. Береги семью. Ну, почему ты мне раньше не встретился? Ничего этого со мной не произошло бы.

По лицу Ларисы медленно скатывались трогательные до спазмов в голове волнующие капельки девичьих слёз. Она съёжилась, застыла.

Даже со стороны было видно, как человек страдает.

Не было даже капли понимания, что между ними происходит. Оба не имели воли руководить своими действиями.

Что-то чрезмерно сильное и требовательное захлестнуло душу, заставило вдруг безоговорочно подчиниться мгновению, подарить друг другу частичку тепла и нежности, принять от незнакомого человека невыносимо чувствительные ласки.

Оба моментально покрылись испариной, сознавая, что стоят на краю бездонной пропасти, выхода из которой нет, и не будет, стоит лишь сделать хоть один неверный шаг.

Костя не заметил, как голова девочки оказалась на его плече.

Одна рука нырнула в волосы, другая легла на его ладонь. Нужно бы одёрнуть девицу, сбросить с себя непосильный

груз этих ласковых рук, от которых исходит неведомая, ско-
вывающая свободу действий энергия, делающая покорным,
податливым и робким.

Гипнотическое действие близости, мощное притяжение,
желание немедленно объединить тела и души в единое це-
лое, требовательная пульсация внизу живота, давила, требо-
вала немедленной реализации.

– Неужели нет никакого выхода, – судорожно соображал
Костя, хмелея от желания?

Но как, скажите, как отбросить несчастного бездомного
котёнка, ласково трущегося о твою ногу в надежде на спа-
сение? Может быть, ему и нужно-то всего несколько минут
ласки, участия, сопереживания.

– А потом! Что последует после первой нечаянной ласки?
Есть ли сила, способная остановить поступательное движе-
ние безумной страсти, накрывающей уже сейчас?

От нежных прикосновений, возможно и не от них вовсе,
от самой обстановки, Костю основательно затрясло.

Он почувствовал, как захлёстывает, накрывает целиком
неудержимое желание ощутить обнаженное тело, впиться в
него губами. Ласкать, теревить, сминать эту желанную, со-
блазнительно нежную плоть, и непременно войти как мож-
но глубже, желательно целиком и полностью, до абсолютно-
го поглощения, чтобы не стало его и её, а появилось нечто
общее, чего невозможно разъединить иным способом, кро-
ме смерти.

Костя неожиданно понял, что не чувствует, совсем не видит дорогу.

Внимание и воля сосредоточились на теле Ларисы, драпированном таким родным и близким платьем в горошек, пусть другого цвета, на тонюсенькой талии, соблазнительных полушариях трепещущей груди, призывно и дерзко выпирающей колокольчиками наружу.

Он медленно погасил скорость, чувствуя, что не владеет больше собой, съехал на обочину, повернулся лицом к девушке и впился в её алые губы, на несколько бесконечно долгих минут потеряв от соприкосновения с зовущим ртом и вкуса слюны сознание.

То же самое происходило с Ларисой.

Её тело сотрясали внутренние толчки огромной силы и интенсивности, отражающиеся на лице выражением безмерной величины блаженства.

К счастью девушка пришла в себя первая, прекратила дальнейшие действия, отстранив Костю обеими руками.

Продолжение неминуемо привело бы к невысказанным для мужчины последствиям, основное и главное из которых с необычайной лёгкостью разрушило бы его семью.

Лариса прикрыла его рот ладонью, запрещая продолжение, посмотрела сосредоточенно и нежно в его глаза.

– Достаточно, Костя, довольно. Мы и так чуть всё не испортили. Это химия. Всего лишь гормональная команда, посылаемая воспалённым сознанием. Я когда-то изучала этот

предмет. Не смотри, что я молодо выгляжу. Всё не так, как кажется. Знаешь, я только теперь поняла... не было у меня на самом деле никакого жениха. Был лишь похотливый мужчина, который воспользовался моим неменяемым состоянием, только и всего.

А я, маленькая наивная глупышка, приняла примитивные эмоции за состояние любви. Не представляешь, как это гадко, сознавать, что тебя использовали, словно тряпку. Не хочу так же испортить твою жизнь.

Ты теперь самый дорогой человек в моей жизни. Сейчас мы расстанемся. Навсегда. Не спорь. Я так решила. Не пытайся изменить ход событий. Это не твоя жизнь, и не твои драматические события. Лишь я одна за них в ответе.

Всё-всё... выдохни, успокойся. Продолжения не будет. Чтобы не усложнять, пересяду назад. Успокоился? Тогда поехали. Ты мне открыл глаза, сам того не ведая. Какое счастье, что так вышло. Я сильная, молодая, здоровая. Я всё исправлю.

Дальше ехали молча.

В висках у Кости стучало и ухало. Его трясло, словно после аварии с многочисленными жертвами. Собственно, они сами и были пострадавшими. Точнее, отделались лёгким испугом.

– Ничего, в сущности, не произошло, – как заведённый твердил про себя Костя, – небольшое сотрясение мозга, только и всего. Это излечимо.

Настя, Настенька. Какой же я дурак! Нужно выбросить из головы эти ненормальные сутки. Это был дурной сон, только и всего. Надо же, так безвольно пойти на поводу у древнейших инстинктов! Нужно сосредоточиться, вспомнить поминутно, где, когда и как поддался низменному соблазну. Конечно, это совсем не любовь. Это примитивная похоть.

Тем не менее, его трясло. Нереализованное желание рвалось изнутри, выплёскивалось наружу физиологическими импульсами, требующими удовлетворения, которое невозможно реализовать.

Костя сосредоточенно смотрел на дорогу, которую свет фар вырывал из непроглядной тьмы.

Лишь освещённая часть трассы казалась реальной. Сдерживать желание временами казалось невыносимым.

Прийти в себя никак не удавалось. Часть сознания боролась за, другая была категорически против.

Его лихорадило.

Стоит только перешагнуть невидимую черту, уступить страсти и клубок неизвестного грядущего уведёт далеко от той жизни, которая ещё вчера казалась единственно возможной.

Костя боролся с внутренним оппонентом, приводил существенные аргументы. Тот вроде соглашался, но нашёптывал обратное, выставляя на вид, что глупо упускать такую прекрасную возможность.

– Что тебе стоит окунуться с головой в средоточие её ин-

тимной вселенной, испытать неизведанное? Никто не узнает, никто не осудит. Решайся же, – упрямо твердило внутреннее “я”.

– Но, тогда вся прошлая жизнь может превратиться в руины, которые нельзя будет воссоздать в прежнем виде. Родной до боли мир может рухнуть в одночасье.

Пока человек не дошёл до предела, всё можно начать заново. Но предугадать последствия необдуманных действий невозможно в принципе. Это почти лотерея, за тем исключением, что есть возможность и право её не приобретать.

Надо сказать спасибо Ларисе. Это у неё достало ума и силы воли не доводить Костю до греха. Хотя, если вдуматься, факт измены уже имел место. Ведь Костя пожелал другую женщину, предпочел мысленно её тело достойным измены Настеньке.

– Прости меня, Костя, – нарушила молчание Лариса, – если можешь, конечно. Я негодяйка. Воспользоваться слабостью самого замечательного в мире мужчины, это так низко. Проклинаю себя за это. Прости! Я падшая женщина, но не настолько, чтобы лишить тебя самого дорогого. Мы подъезжаем. Довезёшь до корпуса и уноси отсюда ноги. Не вздумай меня искать. Пусть минутная слабость станет воспоминанием. Плохим или хорошим – решать тебе.

– Ты ни в чём не виновата. Я потерял голову ничуть не меньше, тем более что у меня было противоядие. Ведь я действительно люблю жену. За годы совместной жизни наши с

ней чувства несколько не выцвели, напротив стали ровнее и ярче за счёт приобретённого опыта, умения уступать. Ты прелестная девушка. Избавляйся, если сможешь, от власти циничных сутенёров.

– Да, теперь я отчётливо поняла, что хороша и желанна. Конечно, я обязательно начну скучать по тебе. Это пройдёт со временем. Я стану счастливой. Обязательно стану. У меня будет любимый, семья, детишки. Поверь, теперь я никому не дам разрушить свою судьбу. Если бы не ты, возможно, я так и не сумела бы это понять.

Они подъехали к проходной Космодрома. На воротах стояла охрана в чёрных камуфлированных формах с помповым оружием. Лариса показала пластиковую карточку, предупредила, что через несколько минут машина вернётся, только доведёт до гостиничного корпуса.

На одной из ярко освещенных извилистых аллей им повстречался яростно голосующий мужчина. Молодой, весьма привлекательный, элегантно одетый, но возбуждённый.

– Останови, Костя. Кажется, сегодня тебе везёт как никогда. Возможно, это я приношу удачу. Узнай, что он хочет.

– Извините, леди, вы сейчас отпустите машину?

– Что вы хотели, любезный?

– Мне сложно произносить суть своего желания при даме, тем более, настолько привлекательной. Вы само очарование. Как бы мне хотелось повстречать подобный цветок. Я готов пожертвовать для этого многим. Хотелось бы найти на ночь

утешительницу. Надеюсь, ваш водитель мне в этом поможет. Готов хорошо заплатить.

– Прошу прощения, нам нужно посекретничать с водителем. Не обидитесь, если мы перекинемся парой слов без свидетелей? Всего минута и мы дадим вам ответ.

– Костя, в конце концов, это моя работа, развлекать и утешать мужчин. К тому же я настолько возбуждена, что не в силах держать в себе напряжение. Ты же не станешь меня ревновать?

– Лариса, какое я имею право распоряжаться твоей жизнью? Поступай как лучше тебе.

– Я сделаю хорошо нам обоим. Проси у него пятьсот долларов. Остальное – мои проблемы. Я в накладе не останусь. И сразу поезжай к жене. Эти деньги – компенсация ей за то, что чуть не увела тебя. Буду помнить этот день всегда. Ты самое светлое пятно в моей жизни. Открывай окно.

– Если вы не против, я уступлю вам даму за пятьсот долларов. Только не вздумайте её обижать.

– Конечно, конечно. Вы меня так выручили. Богиня... как вас зовут, моя фея?

Через сорок минут Костя был дома. Настенька не спала. Выглядела она расстроенной и уставшей.

– Я боялась, что с тобой что-то случилось. Между прочим, я опять беременна...

Костя прижал жену к груди, начал целовать: губы, шею, ушки, руки, сантиметр за сантиметром. Потом упал на коле-

ни, покрыв поцелуями ноги до самого средоточия.

Чуть позже на него накатила волна раскаяния. Мужчина заплакал, судорожно вздрагивая, почти рыдая.

– Какой же я идиот, Настенька. Чуть не потерял тебя.

– Прекрати истерику. Я ничего не понимаю. Ты не рад! Мы что с тобой, в конце концов, первый раз беременны, к чему так бурно реагировать?

– Не так, всё не так, родная моя. Я чуть не изменил тебе.

– Так изменил или нет?

– Даже не знаю, как тебе сказать.

Костя прижал Настеньку к себе и рассказывал, рассказывал, захлёбываясь от волнения, глотал слова, словно торопился не успеть.

– Ах, вон оно что. Мой муж, оказывается, из породы блудливых кобелей. Но ведь я тебя выбрала ещё щенком. Да, актёр из тебя неважный. Переигрываешь. Так я и поверила. Нет такого мужика на свете, чтобы устоял перед молодой соблазнительницей. Ты всё выдумал. Выходит, мечтаешь изменить, переживаешь, мучаешься от излишней верности, так?

– Да нет же! Вообще не понимаю, как удалось вырваться из того гипнотического состояния.

– Будем считать, что измена состоялась, но ты покался. Я правильно понимаю? Так ты меня любишь?

– Об этом я и говорю. Мне нельзя без тебя, без вас. Мы семья.

– За это непременно нужно выпить. Жаль, что у нас ничегошеньки нет. Даже холодильник пустой. Мой муж абсолютный неудачник. Ну и ладно. Обойдёмся. Можем заменить ужин, или уже завтрак, например... хорошим сексом, ты как, готов доказать, что у тебя действительно ничего не было?

– Конечно, готов и страстно желаю, но...

– Никаких но. На абордаж.

– Настя, у меня в машине полный багажник вина и деликатесов.

– Так! Стоп. С этого места подробнее. Так ты не врал!!!

– Конечно же, нет, я никогда не вру.

– Тогда давай... рассказывай с самого начала, как можно подробнее. Я не всё поняла. Точнее, не поняла совсем ничего. Значит и деньги тоже реальные? Мы что, настоящие богачи!

– Да вот же они, деньги. Смотри сколько. Можно целый месяц не работать. Нет. Два месяца.

– Ах ты, кобель! Я тут рожать для него собралась, мучаюсь. Обстирываю их, готовлю, душу вкладываю, а он по бабам наладился? Костя, ну, правда что ли ничего не было!

Теперь рыдать принялась Настя, лучше сразу скажи. Я этого не переживу. Я вены себе вскрою.

– Клянусь, Настенька! Никогда... чуть чёрт не попутал. Наваждение было. Но я предотвратил. Не поддался проклятому соблазну. Потому что тебя люблю, и больше никого.

Да! И точка.

– Погоди-ка гундеть, милый, какая такая точка! Целовал, обнимал? Это как понимать: временно беременна... а если я отомщу... нет уж, дудки! Потом ты мне, после опять я тебе. Так не пойдёт. Ты меня окончательно расстроил. Нет, ты меня наповал убил. Изменник. В военное время я бы тебя расстреляла без суда и следствия. Давай выпьем, а... кто ты после всего этого, ну не скотина, а!

– Я же устоял, выдержал, – пытался успокоить жену Костя, – не сбежал, не предал, к тебе вернулся. Что ещё нужно! Хочешь, я с крыши нашей пятиэтажки спрыгну? Разбежусь и...

– Я тебе разбежусь. Прыгнет он. А детей твоих одна поднимать буду! Фигушки. И за что я тебя только люблю, лове-ласа, предателя?

– За то же, за что я тебя. Потому, что ты единственная и я единственный. Хочешь – ударь. Всё. Хватит выяснений. Одевайся, пошли за харчами. Не было ничего. Пошутил я.

– Так бы сразу и сказал. Ага, а деньги тогда откуда?

Ребёнку отец нужен, не абы кто

*Скоро за окном запоют метели,
У цепных собак дыбом встанет шерсть.
Вечная любовь длится две недели,
Но зато зима месяцев на шесть!
Сола Монова (Юлия Соломонова)*

Лора сидела, уткнувшись в моё плечо, и причитала, обливаясь горячими слезами, – надоел, зараза, хуже горькой редьки надоел. Не могу бо-о-о-льше! За что мне это всё! Вот у тебя, Антоха, жена есть?

– И жена, и дочка, но ревёшь-то ты, а не я. Объясни толком, чего стряслось, по ком слёзы льёшь.

Лариску, школьную подругу, я заметил совершенно случайно по дороге домой: она сидела на скамейке в аллее парка – потерянная, одинокая, и рыдала в голос.

Мы не виделись двадцать лет или около того, но узнал я её сразу, даже в таком неприглядном виде: женщина в истерике – безобразное зрелище.

Копна кучерявых волос огненного цвета, озорная россыпь веснушек, особенной формы подбородок: облик человека с которым рядом прожил множество лет, сохраняет знакомые черты в любом возрасте.

Мы дружили с босоногого детства, в седьмом классе даже целовались. Не по любви – так, из дерзкого подросткового

озорства и жгучего любопытства: непременно хотелось знать – зачем это нужно.

Честно говоря, нам тогда не особенно понравилось. Зато можно было с деланным презрением к их невинной наивности похвастаться мальчишкам во дворе полученным опытом взросления.

Лорка доверяла мне полностью, словно подружке. Я был в курсе всех её секретов, пока она не влюбилась всерьёз.

Дружить мы не перестали, но безусловная искренность исчезла, хотя, кое-что она могла поведать лишь мне.

Можно было пройти мимо, сделать вид, что не заметил. Влезать в чужие проблемы, сами знаете – чревато непредвиденными последствиями.

Не смог. Кто знает – может быть, женщина в беде. А если у неё слабое здоровье, приступ, и никому до её беды нет дела!

Поздоровался, посидел рядом на лавочке, ожидая, что сама обо всём расскажет. Если захочет: не обо всём можно поведать первому встречному.

Подруга тоже меня узнала, но восприняла настороженно, если не враждебно.

– Иди, куда шёл. Много вас таких... помощников. Знаю я вас, мужиков: дайте водички попить, а то так есть хочется, что переночевать негде. Я замужем и точка!

– Замечательно, я тоже женат. Раньше ты меня не боялась.

– Раньше я была наивная... и доверчивая. Теперь научили, слава богу, родину любить... и думать, прежде чем в ка-

литку в душу отворять. Преподаватели были талантливые.

– Чего злая такая! Расскажи, может, отпустит. По себе знаю: откроешься, спустишь пар и полегчает. Не в теплице жил, много чего довелось испытать-пережить. Пошли ко мне... чаем угощу, тебя выслушаю.

– Ага, так и знала: угостите сигареткой... если не жалко. Жуть как люблю после секса закурить.

– Ты ли это, Лариса Егоровна, кто же тебя так обидел! Расслабься...

– И получи удовольствие! Проходили. Все мужики козлы похотливые: только дай повод зацепиться, прилипнете – клещами не оторвёшь.

– Сколько же у тебя их было, козлов этих... если не секрет?

– Да уж не один. Опытная. А чё ты такой любопытный, с какой целью интересуешься! Замуж позовёшь... по старой памяти, или так... принцессу на час прощупываешь? Ладно... уболтал. Мне бы и правда... выговориться что ли. А ты не изменился. Когда увидела – думала, приставать начнёшь, как в том анекдоте, когда мужик говорит случайной знакомой: “Ты такая особенная, такая своя в доску, что я готов отступить от привычных правил обольщения. Разопьём бутылочку шампусика и в люлю!”

– Такая ты мне больше нравишься. Кажется, к тебе возвращается самообладание и чувство юмора. Ну, идём?

– А жена?

– Алёна у меня с понятием. Доверяет.

Короче, пригласил Ларису домой, по дороге купил шампанское, торт: знал, что женщины любят стресс заедать сладким.

– Не представляешь, как хочется проснуться утром маленькой девочкой. Как тогда. Помнишь, какая жизнь была! А теперь...

– Да что случилось-то!

– Все вы мужики отвратительной козлиной породы. Я ведь... когда замуж-то выходила... он был такой заботливый, такой романтичный, чуткий... нежный.

– А ты не такая тогда была? Тоже, небось, для поднятия инвестиционного рейтинга рекламную акцию проводила... и активную маркетинговую стимуляцию, когда визуальные эффекты отправляются прямо в мозг: систему скидок предлагала за долгосрочный контракт, дисконтную карту на все виды интимных мероприятий. Наверно застенчивой недотрогой притворялась, а сама всё наперёд рассчитала! И просчиталась. Все мы такие. Это жизнь, Лорка, подлинная реальность. Я тоже, когда женихался, гоголем ходил, павлиньи перья распускал, звёзды с неба достать грозился. Больше того скажу – сам во всю эту чепуху верил.

– Ну и... дальше-то что!

– Всё как у всех: влюблённость, романтика, страсть. Фейерверки в мозгу, давление снизу. По молодости всё просто: взял девушку за руку, заглянул с вождением в глаза – а там

та-ко-е! Люби – не хочу. А потом, когда быт, работа, ответственность – монотонность, обыденность, скука.

– Да ну... и у тебя!

– Ато! Но мы притёрлись... потихоньку. Ссоримся... иногда. Потом миримся. В постели. Классика жанра. Люблю я её.

– И чё, ни разу не изменил! А она тебе?

– Некогда изменять, Лорка. И лень, если честно. Алёна у меня женщина горячая, но правильная.

– У моего благоверного тоже темперамент... был. Как у олимпийского марафонца: вечером старт – утром финиш. И пахал на двух работах. Теперь лежит и стонет как баба: то голова у него болит, то настроение ни к чёрту, то просто выпить хочется. И работать не хочет. А у нас ребёнок. Как мне одной со всем управиться!

– Мальцу-то сколько?

– Скажешь тоже, мальцу. Серёжка в институте учится, на втором курсе. Отличник. И за всё платить нужно. Как ребёнку без отца, скажи – как! А он лежит... и мечтает.

– Так брось в таком случае, зачем тебе такая обуза? Сухую ветку отсекать нужно. Безжалостно. Семья – это симбиоз, коммуна своего рода, где всё общее, но каждый за каждого в ответе. Никто ваши проблемы решать не станет, если сами за ум не возьмётесь. Или растормоши.

– Скажешь тоже. Брошу всё, отпущу себе бороду... и побегу мужика залётного искать... проблем на свою попу! Это

у дятла голова не болит, а у живого человека недостатки имеются... болезни, проблемы всякие. Ты, Антоха, того... со своей семьёй разбирайся, а моего мужика не тронь! Ребёнку отец нужен, не абы кто. И я тоже... любви хочу, ласки. Думаешь, легко мне со всем этим справляться?

– Так чего ревьешь! Он что, изменил... или уходить собрался?

– Ага, конечно, выгонишь его, бугая. Горе мне, горе! Давай, выпьем, а...

– И сразу в постель... по старой памяти?

– Ну, тебя, дурилка картонная! Мне бы твои проблемы. Несерьезный ты какой-то.

Всё могло быть иначе

*Как оставить без ответа
Фразу, брошенную залпом:
"Ты пошла бы на край света,
Если б я тебя позвал бы?!"
Как же объяснить, мой милый,
Чтобы не смотрел нахмурясь?
Я туда уже ходила -
Постояла и вернулась.
Елена Исаева*

Ласковое, но холодное осеннее солнце создавало странную иллюзию тепла, заставляло щуриться, подставлять лицо приятно щекочущим кожу лучикам, хотя температура на улице была совсем не комфортная, и одеться пришлось в довольно тёплые вещи.

Ещё вчера, не переставая, моросил промозглый дождь, навевающий тоску и грусть, которую даже хорошая погода и бутылка вина не сумела окончательно развеять.

Коротенькую осеннюю аномалию отчего-то называют бабье лето, намекая на то, что радость и блаженство состояния хрупкие и быстротечные.

Задумываться над тем, почему женское счастье такое непродолжительное совсем не хотелось, но уныние и меланхолия прочно поселились где-то внутри тела, навевая сенти-

ментальные мысли, выдавливающие слезу.

Под настроение, словно провидение умеет читать мысли, подвернулся сборник стихов с таким же настроением. Девушка прочитала несколько строк.

“Утомлённые мысли бестелесно упали в прах минувшей печали...” вещала поэтесса, усиливая щемящий душу эффект, отчего солёная капелька стекла по щеке прямо на книжный лист.

Марина закрыла книжку, залпом выпила бокал вина, нервно швырнула его в стену и зарыдала.

Находиться в замкнутом пространстве квартиры стало совсем невыносимо, нечем стало дышать.

Девушка умылась, на скорую руку привела в относительный порядок лицо, выбежала на улицу, и направилась по волглой, разъезжающейся лесной дорожке, лишь бы двигаться.

Марина Леонидовна, ей всего-то двадцать три года, но положение и статус вынуждают представляться именно так, изо всех сил пыталась развеять туман не совсем приятных воспоминаний. Увы, тщетно.

Ей становилось всё хуже и хуже.

Выглядела девушка довольно странно: полностью расстёгнутое дорогое пальто, болтающееся до самой земли вечернее платье с грязным уже подолом, модельные туфли, на которые налипли килограммы глины.

На стройной шее болтается шикарное кольцо с бриллианта-

ми, на тонких запястьях массивные, ажурной выделки браслеты, усыпанные драгоценными камнями в несколько рядов, в руках дизайнерская кожаная сумочка, из которой торчало горлышко от винной бутылки.

Её лицо было похоже на маску печального мима с нарисованными разноцветными слезами, которые размазаны вместе с краской.

Марина Леонидовна еле волочила шикарные ножки в прозрачных колготках телесного цвета, которые мужу привезли то ли из Лондона, то ли из Парижа, с пудовыми гириями из дорожной грязи.

Ей всё равно куда идти. Жизнь, ещё сегодня ночью казавшаяся раем, открыла внезапно потайную дверь, показав изнанку высокого социального статуса.

Средь шумного бала, когда веселье было в самом разгаре, когда музыка и танцы развернули душевные струны, подарили ощущение эйфории, когда жизнь фонтанировала лучшими проявлениями, когда всё складывалось лучше некуда...

Да-да, на самом пике блаженства, от избытка впечатлений, чувств и усталости Марине Леонидовне захотелось несколько минут тишины.

Счастья стало так много, что она не могла с ним справиться. Несколько минут, всего несколько минут посидеть с закрытыми глазами, переварить избыточные эмоции, плещущие через край, этого достаточно.

Мариночка, женщина впечатлительная.

Жила себе, жила обыкновенная девушка, не хуже и не лучше других: симпатичная, невесомая, нежная, как и все представительницы её поколения, вступившие в пору чувственности.

Разве можно не быть соблазнительной, обворожительной и кокетливо-привлекательной, когда тебе слегка за двадцать и созревшее тело требует романтических ощущений?

Любовь, во всяком случае, грёзы о ней, стучали в висках, излучая вокруг импульсы восторженного желания. В пору цветения любая жизнь благоухает и источает красоту, призывая наслаждаться.

Мариночка не была исключением из правил.

Ещё в школе между девочками все разговоры были в основном о мальчишках, о любви и свадьбах. Маленькие шалуньи загодя примеряли в мечтах подвенечные платья, учились флиртовать и предьявлять свои зреющие прелести.

Тогда ещё и смотреть-то было особенно не на что: плоские грудки, узкие бёдра, тоненькие, как спички ножки с узловатыми коленками, сбитыми в кровь в процессе девичьих игр, обгрызенные ногти.

Ну и что? Зато совсем скоро им будут завидовать те, кто на несколько лет младше.

Мариночка превратилась из серой уточки в белую лебедь немного раньше, чем одноклассницы. Спелые округлости появились в четырнадцать, а в пятнадцать, чтобы её прово-

жать и поднести портфель, нужно было занимать очередь.

Королевой она не была, но привлекательность и свежесть делали своё дело, обеспечивая девочке бесперебойно обоему поклонников. Ей было из чего выбирать, и она это делала как истинная принцесса, не обращая внимания на всех подряд.

Мариночка искала своего, лучшего, и он не замедлил появиться. Правда, немного позднее, когда ей исполнилось двадцать. Она сохранила для него целомудренность и свежесть.

Антон Фёдорович ухаживал талантливо, красиво, блистал умом и галантностью, был нежен и добр.

Как в такого кавалера не влюбиться?

Конфетно-букетный период растянулся почти на год. Марина не спешила с выбором, не подгоняла романтические чувства. Она хотела разобраться в себе и любимом.

Тогда он был просто Антошенька: милый забавный паренёк с горящим взором и душой поэта. Ему легко удавалось всё, начиная от учёбы и заканчивая танцами.

Двигался мальчишка виртуозно, водя Мариночку по танцевальной площадке, словно делая предложение. Впрочем, так оно и было.

Но в любви Антон признался несколько позднее, когда расписались и сыграли свадьбу, видно считал этот факт очевидным.

Антон замечательно пел, аккомпанируя сам себе на гита-

ре, рисовал, сочинял стихи, пусть не вполне талантливые, но чувственные, с искрой. Его музой непременно была Мариночка. Он её боготворил, в буквальном смысле носил на руках, которые её хрупкое тельце прижимали к широкой груди.

В объятиях любимого девочка была уверена, что и парень от неё без ума, чувствовала себя защищённой и нужной. Это было видно по всему.

Юноша млел, дотрагиваясь до любимой, особенно, когда один за другим целовал миниатюрные пальчики с детскими ноготками.

Как чувственно он держал её ладони, сколько любви и нежности светилось в пронзительном взгляде.

От его присутствия Мариночка цепенела, дыхание её становилось горячим, сердечко заходило от трепета, лицо и шея покрывались румянцем, на лбу выступала испарина.

Но было и нечто ужасное – её трусики отчего-то становились мокрыми.

Из-за этого девочка считала себя безнравственной и распущенной. Разве можно так реагировать на друга? Он ведь ещё даже не жених. Как ни пыталась Мариночка отогнать видения, в которых милый обнимал её и целовал, совсем не ладони, стыдно сказать куда – в губы.

Сны и видения появлялись всё чаще, пробуждая небывалую чувственность. Мариночку накрывало пеленой блаженства, груди томительно ныли от предчувствия сладостных ощущений, сосочки буквально распирало, заставляя к ним

прикасаться.

Девочка просыпалась в поту, потрясённая переживаниями. Каждая клеточка тела стонала от удовольствия, эмоции переполняли, унося в некое подобие путешествий, но не в пространстве, а внутри своего тела, даря неведомые впечатления, которые хотелось повторять вновь и вновь.

Позже эти видения воплотились в реальность, только были гораздо ярче.

Первые месяцы совместной жизни буквально впечатались в память, как самые счастливые мгновения жизни. Их отношения были похожи на медленный танец, эмоции и переживания зашкаливали, заставляя сгорать заживо в огне страстей.

Что же они тогда вытворяли, уму непостижимо, но ей совсем не было стыдно. Напротив, каждое движение казалось чистым и непорочным, не смотря на то, что совершались по её мнению развратные действия, причем теми местами, которые даже упоминать считается неприличным, которые принято скрывать от постороннего глаза, даже не называть по возможности.

Какие глупости, разве можно считать пошлым то, что заложено природой, как акт любви? И что теперь? Как жить с тем, что Марина увидела и почувствовала сегодня?

А увидела она те же самые действия и движения, но вульгарные, безнравственные, пошлые.

Праздновали юбилей какого-то местного чиновника до-

вольно крупного ранга. Всё было красиво и пристойно. Марина Леонидовна немножко устала, у неё закружилась голова, гудели ноги от высоченных каблуков, к которым она никак не могла привыкнуть.

Все кабинеты на первом этаже были закрыты, в вестибюле и коридорах обнимались и разговаривали парочки.

Девушка, не задумываясь, пошла в кабинет мужа, который точно был открыт, ведь там они разделись.

То, что она увидела, не просто смутило или выбило из колеи, уничтожило, вывернуло мозг наизнанку.

Когда же это началось? Когда!

В слезах прибежав домой, Марина Леонидовна достала из бара бутылку вина, кажется французского, очень дорогого, из какой-то коллекции, отхлебнула. Кислятина. Крымские вина ей нравились больше.

Впрочем, какая разница, чем напиться, чтобы потерять сознание и не помнить, что увидела?

Муж Марины Леонидовны – крупный чиновник в областном железнодорожном ведомстве. На вечеринках Марина не однажды слышала, как за глаза Антона Федоровича называли парашютистом. Говорили, что такие должности просто так не дают.

Собственно, какое это имеет значение? Просто её муж особенный. У него талант. Человек умеет ладить, умеет руководить. Он всё может и не абы как – лучше всех. Значит, должность досталась ему по праву.

Когда они поженились, Антон тогда только закончил учиться, его сразу поставили начальником участка. Он справился. Естественно, его начали продвигать. Кого же ещё?

Они уже тогда жили неплохо, в расходах особенно не стеснялись.

А однажды сияющий Антошка пришёл, подхватил Мариночку на руки, закружил, покрыл лицо и шею поцелуями. Его распирало от радости и гордости.

Ну и пусть. Он же не для себя одного старается.

– Мариночка, радость моя, с сегодняшнего дня ты Марина Леонидовна и никак иначе. Если кто-то посмеет обратиться к тебе без отчества, откажи ему от дома и задави презрением.

И меня не смей называть иначе, чем Антон Фёдорович, даже дома. Наедине тем более, чтобы не унижить меня нечаянно перед холопами. Я теперь ого-го как взлетел. Даже боюсь вслух произнести название должности.

Как мы с тобой заживём, любимая, тебе и присниться не может. Одеваться теперь будешь только в фирму, есть и пить одни деликатесы. Ты теперь по местной табели о рангах – графиня. В золоте и бриллиантах купаться будешь. Вот так!

Однако с того дня всё пошло совсем не так. Не пошло, а пошло, вульгарно.

Называли, правда, Марину по имени с отчеством, ручку целовали и заискивали, но это скорее бесило и расстраивало, чем радовало.

Долго не могла Марина Леонидовна привыкнуть к таким церемониям, не по себе было.

Позже привыкла, приспособилась, хоть и не испытывала приятных чувств: надо так надо. Статус требует. Нельзя подводить мужа.

Не так много времени прошло, как Антон Фёдорович окончательно застолбил себе место на чиновничьем Олимпе, почувствовал, что ему теперь дозволено всё.

Приходит со службы важный, медлительный, надменный, начинает брюзжать и приказывать.

– Не прислоняйся, костюм помнёшь. Ты что, не мылась сегодня? Чего от тебя бабой воняет? Духи французские для чего тебе покупаю? Девочка должна цветами и фруктами пахнуть.

– Не сердись, Антон Фёдорович. Вспотела немного. Раньше тебе нравился аромат моего тела. Давай лучше покушаем. Я такой вкуснятины наготовила, пальчики оближешь.

– Без тебя накормили до отвала. Рестораны на что? Что за вид у тебя, как колхозница выглядишь.

– Мы же дома. Я делами домашними занималась, умялась.

– Структурируй своё время, успевай, пока меня дома нет. Мужа должна во всеоружии встречать, принцессой выглядеть. И эротики, эротики побольше. Декольте там, туфельки на высоком каблуке, бельишко изящное, педикюр-маникюр, чтобы я сразу захотел в постели с тобой барахтаться.

– Я человек занятой, мне некогда с лирикой и романтикой рассусоливать. Живо под душ! Да скоренько, не томи. Побрызгайся чем-нибудь вкусным. Боже, такая красotka была, куда всё подевалось?

– Чего возишься, некогда мне, по-быстрому палку брошу и убегу. Ждут меня. Деловая встреча. Поешь без меня.

– И не куксись! Какого чёрта! Вот ещё моду взяла. Жена чиновника моего ранга должна быть готова, что муж работает круглосуточно и без выходных. Положение обязывает жертвовать собой.

– Да, вот прикупил колье с бриллиантами. Кучу денег отвалил. Через месяц серёжки к нему обещали привезти. Ну чего как коза вылупилась? Одна нога здесь – другая там. Живо!

– Антоша...

– Сколько раз говорить, Антон Федорович. Накажу. Завтра съездишь вот по этому адресу, примеришь шубку из соболя. За неё уплачено. Выберешь, чтобы сидела как влитая. Ты обязана имидж мой поддерживать. И поднимать. А сейчас вот эту штуку поднимешь. Как я сейчас тебя... Ух! Пошевеливайся! Некогда мне.

– Антон Фёдорович, может потом, когда придёшь, я не готова?

– Не капризничай. Сказано сейчас, значит сейчас. Чтобы через пять минут готова была.

Поначалу Марина плакала от такого обращения, потом

свыклась, стала считать, что её неправильно воспитывали. Муж, мол, всему голова, он хозяин и этим всё сказано. А то, что много работает – что поделаешь, должность обязывает.

Дискомфорт Марина испытывала колоссальный, но терпела. Думала, что перебесится.

Она никак не могла в толк взять, куда подевалась любовь и что взамен неё получила? Чувства против достатка – такой размен её никак не устраивал.

От обладания дорогими шмотками Марина наслаждения не испытывает. Лучше бы вернуть чувства и отношение, как вначале было.

Время от времени её так накрывало, что хотелось покончить со всем разом, включая себя, радикально. Только не полюдски это.

Развод просила – не даёт.

Я, мол, коммунист. Развод на имидже может сказаться, да и должности могут лишить. Чиновник обязан быть безупречным, безукоризненно порядочным и семейным.

– Что там у него за деловые встречи по ночам? О чем и с кем они там до утра совещаются? Одним бы глазком взглянуть, минуточку послушать, – мучилась неосознанными сомнениями Марина. – А наряжается-то как. Новое бельё по несколько раз в день меняет, стиранное на работу не оденет.

– Дурной тон, коллеги и подчинённые не поймут, если одежда небезупречна, – объяснял муж.

– Непонятно. Кто у него трусы проверяет, или ему перед

коллегами дефилировать приходится?

Вот и увидела сегодня невзначай одну из проверяющих эти самые трусы сотрудницу.

Вошла в кабинет на цыпочках, Антон Фёдорович не позволял дома так ходить, чтобы слышно было. Обучилась этому мастерству на свою голову.

Увидела и обомлела. Белая рубашка, галстук, а портки спущены.

Антон с силой пихал своего коня меж тоненьких ножек в шикарных туфельках.

Марину Леонидовну чуть не стошнило.

Верила ведь она Антону. Как себе верила. А он...

Муж энергично, сноровисто, размеренно работал на ниве сексуального удовлетворения, никуда не торопясь, с большой амплитудой. Видимо представлял, что распекает или наказывает подчинённую на важном совещании. Марина это так поняла.

Ноги девицы болтало по вертикали. Антон рычал, девочка стонала.

Любовники видимо были на пределе, потому, что не замечали ничего. Невольно подумалось, что её время ушло, что она уже старуха.

– Руководитель, наставник. Молодое поколение обучает секретам профессии. Правда не руками водит, чем-то иным, но энергично, по партийному.

Видимо, исходя из предчувствий, она была готова увидеть

нечто подобное. Шок прошёл довольно быстро.

Реакция на происходящее была спонтанная, но чёткая.

Марина Леонидовна подошла к голубкам на цыпочках, ласково, нежно положила мужу руку на плечо.

Антон Фёдорович вздрогнул от неожиданности, обернулся. Мокрая штука вывалилась из глубины вагины, принялась сморкаться. Похоже, предохраняться любовники не собирались.

– Неприлично, Антон Фёдорович, на такой должности да с насморком. Надеюсь антибиотики не понадобятся.

Что Марине взбрело в голову – непонятно, да и не думала она так поступать, само вышло. Марина Леонидовна левой рукой с силой сдавила мошонку мужа, правой с размахом хлётко врезала по его лицу.

Удовлетворения не получила, но исполнила ещё один дубль для надёжности, затем отпустила мужское достоинство, брезгливо вытерла руку измазанную в сперме о промежность любовницы с раздвинутыми ножками.

Всё это время Антон Фёдорович стоял, корчась от боли, с открытым ртом и лихорадочно пытался вдохнуть.

Вела Марина Леонидовна себя по-царски, очень достойно, словно на приёме у короля: медленно, с уважением плюнула любимому в харю, затем церемонно откланялась, развернулась и, гордо подняв голову, медленно вышла из кабинета.

Истерика у неё началась позже, когда осознала, что всему

конец, что только что размазала на чужом женском животе свою любовь, что прошлого уже не вернуть.

– А ведь Антон каждый вечер на совещания ходил. И в выходные. Сколько же баб он успел за это время оприходовать? А меня насильовал по-быстрому. Вот такая любовь!

Марина Леонидовна допила вино прямо из горлышка, уселась в лужу и начала класть грязные блинчики на голову.

Только когда вся превратилась в комок грязи, опомнилась, осознала, что никуда от Антона уходить не собирается.

– Сам напросился. Впредь без отчества обойдётся. Не достоин. Это он на службе пан, а дома пусть теперь сам на цыпочках ходит. Относительно секса сама буду решать. Да, справку, справку нужно потребовать. И самой провериться не мешает.

– Имидж значит, статус? Будет тебе статус. Теперь тебе репутация дорого обойдётся. Завтра же лечиться начну, от стресса и сексуальной неудовлетворённости, и жить буду, как мне, а не ему нужно.

– Той профурсетке, что ножками дрыгала, лет семнадцать, не больше. Хотя, кто их, нынешних поймёт, ещё в школе науку соблазнения постигают. Да то их личное дело. Ах, Анотон Фёдорович, ай пройдоха, ай пошляк, ай кобель. Ну да ладно, клин клином вышибают. Найду и я себе отдых для души, покажу, что почём. Всё простила, но такое...

– Имидж большому чиновнику портить не годится, себе дороже. Но своё фи покажу. Как аукнется – так и откликнет-

ся.

– Видно, для того, чтобы об меня ноги не вытирали, нужно стать настоящей стервой. Стану. И цену себе сама назначу. Большую цену. Хочу настоящего горячего секса, чтобы пар из ушей, но не мимоходом, а с чувством. Влюбиться хочу.

– Душа требует сатисфакции, отдохновения и праздника. Но сначала успокоиться нужно и себя надлежащим образом преподнести. Принцесса, говоришь?

Грязь в луже оказалась настоящая, жирная, прилипчивая. Марина Леонидовна дошла до пруда, посмотрела на холодное солнышко, которое всё ещё светило, словно правда было лето, на свинцовую воду, и неспешно, с достоинством забралась в него прямо в одежде..

Мылась долго, словно с удовольствием. Видимо адреналин в крови притупил чувства. Продрогла до самых костей, но больше не плакала.

Антон Фёдорович был дома, неуверенно покашливал в своём кабинете.

Марина сбросила с себя мокрую одежду, осталась лишь в украшениях из золота, энергично намяла соски, чтобы эротично набухли, и в таком виде прошлёпала в кабинет.

– Там в коридоре грязь, прибереи, любимый. Шмотьё отнеси на помойку. Я пока погреюсь в ванной. Да, кофе мне сделай и денег на завтра оставь, да не жмись. Мне теперь много денег нужно будет.

– Это, Марина Леонидовна, я...

– Проехали. Плевать я хотела на твои похотливые подвиги. У нас с тобой, милый муженёк, новая жизнь начинается. А пока делай, что сказала. Два раза повторять не буду. Я всё поняла, это ты по службе старался.

– Нам нужно поговорить.

– Не нужно. Если боишься развода – расслабься. Всё в порядке. Отныне у нас с тобой брак по расчёту. Насчёт секса – не скажу, не решила пока. Брезгую. Ты же мальчик большой, самостоятельный, а я понятливая. Быть у воды и не напиться – глупо. Дают – бери. Но сам понимаешь – за всё нужно платить.

– Извини, если нанесла травму твоему мужскому достоинству в прямом и переносном смысле. Спонтанная реакция на предательство. Не хотела опускаться до стычки с соперницей. У тебя ассистентки – девочки сладкие, молоденькие, быстро вылечат. Только впредь паспорт хотя бы спрашивай, посадят неровен час за соращение малолетних. Мне муж на свободе нужен.

– Значит...

– Ничего это не значит. Иди, выполняй. Замёрзла я. Коньяк у нас есть?

– Не знаю.

– Впредь чтобы знал. От вина меня пучит. Коньяк или виски.

– Извини...

– Да пошёл ты! Дон Жуан из Хаципетовки. Кофе не забудь

сделать.

– Марин, одежда дорогая, новая.

– Для тебя теперь Марина Леонидовна. Ты меня что, на помойке нашёл? Где твоя коммунистическая сознательность? Долго ждать буду? Я уже в ванной.

Антон Фёдорович, как ни странно, стерпел. Недели две по вечерам сидел дома. Потом успокоился, опять начал совещания посещать. А Марина Леонидовна приступила к активному поиску подходящего персонажа для реализации операции «Возмездие».

Где отыскать настоящего героя, на которого можно положиться, ведь с ним возможно даже спать придётся?

Но сначала другой вопрос нужно решить. Куда бы вы положили нужную вещь, если не хотите, чтобы её обнаружили или украли? Конечно, на самое видное место. Там надёжнее всего. А какое в областном городе самое видное место, о котором ничего предосудительного сказать невозможно?

Больница. Или медицинский центр. Там докторов молодых...

Самая хитрая хитрость – не хитрить. Положи бриллиант в воду, никому в голову не придёт там его искать – прозрачный.

Рисковать напрасно, нарываться на неприятности, Марина Леонидовна не хотела. Ни к чему. Зная характер мужа, заметив, что он начал забывать урок вежливости, девушка знала, что скоро Антон перейдёт в наступление.

Марина к такому повороту событий подготовилась, заранее отрепетировала диалоги и аргументы.

– Антон Фёдорович, что вы скажете о медицинском центре Министерства Путей Сообщения нашего города, есть там хорошие специалисты?

– Для тебя, дорогая, самых лучших найду.

– Вот и чудненько. Пришли-ка за мной машину завтра часам к девяти, пусть отвезут. Нужно специалистам показать-ся.

– Что за недуг у тебя, солнышко?

– Несколько проблем. Разные: по женской части по причине твоей неверности, нервы у меня расшалились, диетолога опять же посетить нужно. Сам намекал, что постарела, обабилась. Пора собой заняться.

– Чего глупости вспоминать? Ты у меня самая красивая.

– Но-но, видела, на кого у тебя конь кашляет. Всю руку вожделением обтрухал.

– Всю жизнь вспоминать будешь?

– И буду. Пока все грехи не замолишь.

– Говори, чего тебе хочется.

– Чего хочу – у тебя нет.

– Из-под земли достану.

– Мертвеца что ли достанешь? Не хочу из-под земли.

– Пластическую операцию хочешь?

– Спасибо, пешком постою. Я себе такая нравлюсь. Завтра водителя мне. Пока всё.

Молодых докторов в клинике было достаточно, но Марине требовался холостой, чтобы как Сивка Бурка: встань передо мной, как лист перед травой. И поскакал.

Двоих претендентов отыскать удалось. Ходила к ним чуть не месяц как на работу: глазки строила, стройные ножки оголяла, декольте опускала чуть не до пупочка, французскими запахами совращала.

Клюнул.

Доктора звали Дмитрий Алексеевич, диетолог. На всех пациентов по пятнадцать минут тратил, а Мариночку по два часа ублажал.

Она дурочку включала, каждый раз норовила в обморок свалиться.

Как он девушку реанимировал, вам присниться не может.

Знаете такой способ: рот в рот? Вот им он и пользовался, да так усердно: испарина на лбу, сбивчивое дыхание, дрожащие руки.

Кто захочет ценную пациентку, жену крупного чиновника терять.

Чтобы воздух изо рта даром не выходил, Дмитрий Алексеевич языком помогал.

На третий или четвёртый раз доктор кабинет на ключ изнутри закрыл, чтобы не беспокоили: не дай бог зайдут, испугают пациентку – никакая реанимация не поможет.

Процесс лечения с тех пор пошёл ускоренным темпом. Он Мариночке такую диету разработал – закачаешься. Утром

секс и в обед секс

В обед с добавкой.

Это было что-то. Такое эффективное лечение прописывают только самым ценным клиентам. Девушка всего за месяц похудела на шесть килограммов. Это притом, что ела она что хотела, даже с добавкой.

Мариночка Леонидовна оказалась большая любительница сладкого. А как Димочка танцевал. Ну, просто, как Антон Федорович в те волшебные времена, когда ещё не был крупным областным чиновником.

Обычно в тишине гостиничного номера доктор брал её за талию двумя руками, задерживал дыхание и впивался в губы. Мариночка по привычке изображала обморок: больно уж ей процесс реанимации по сердцу пришёлся.

Потом было божественное продолжение. Это уже в кровати. Доктор Димочка больной постельный режим прописал, как минимум часа на два. Правда, по выходным он редко работал, если только у Антона Фёдоровича срочное совещание было.

Марина Леонидовна доктора по телефону вызывала, лишь меры предосторожности просила принимать на всякий случай: белый халат, чемоданчик с красным крестиком, стетоскоп. Ни к чему светиться. Статус мужа не позволяет.

Здорово он тогда Мариночку вылечил, от всех болезней разом.

Хороший был доктор, виртуоз своего дела: только о паци-

ентке и думал. День и ночь справлялся о её душевном и физическом здоровье.

Прибегал по первому зову и лекарство с собой прихватывал. Никаких сверхурочных не чурался.

Однажды даже на море в Феодосию приезжал процедуры проводить, где Марина с мужем отдыхала. И ведь не корысти ради – из любви к профессии, к врачебному долгу.

А Антон Фёдорович, бедолага, слишком ответственная у него должность, совсем здоровьем слаб стал: то печёнка зашвистит, то сосуды сожмёт спазмом, то дисфункция сердца, то давление скачет.

Ему бы такого доктора.

Но ничто не вечно: Дмитрий Алексеевич влюбился, женился, обзавелся наследниками и переехал в другой город, поближе к Столице.

Иногда Мариночка сядет на кухоньке, вытащит портрет своего спасителя и всплакнёт.

Вот ведь какие люди бывают: щедрые, бескорыстные, жертвенные.

Вспомнит его добром, разбередит чувственно память о самом лучшем человеке в своей жизни, размякнет, растрогается.

Много с тех пор докторов брались Марину Леонидовну оздоравливать. Некоторым кое-что удавалось, фрагментарно, но так, чтобы всё разом вылечить, такого не встретила, хотя иногда очень усердно прописанные процедуры прини-

мала.

Так она с мужем и живёт. Наверно любит его, потому и не бросила. А обида всплывает, бурлит, шевелится.

Она ведь в молодости Антону Фёдоровичу самое интимное отдала, самое дорогое, чем богата каждая девочка – любовь и целомудренность, а он над её доверчивостью так поглумился.

А ведь всё могло быть иначе.

Мечта по наследству

*А где-то пролетают поезда –
маршрутом – в Никуда из Ниоткуда.
Так жизнь проходит – в ожиданье чуда,
которого не будет никогда.*

Ольга Русакова

В руках у Витьки Сапрыкина дрожал стакан, наполовину наполненный янтарного цвета искрящимся алкоголем. Перед глазами у него лежал лист, вырванный из календаря с русскими красавицами в национальных нарядах за ноябрь месяц.

Цифра одиннадцать была трижды обведена красным фло-мастером.

Набычившись, Виктор тупо уставился в календарь. Пьян он не был: алкоголь ещё не успел подействовать, но голова тем не менее была мутная.

– Почему, почему, по-че-му-у-у... почему она не могла дожждаться одиннадцатого ноября, я же обещал – всё будет, всё... что мы обязательно поженимся. Я же люблю её, дурру глупую, – шептал он, чувствуя, что не в силах сдержать слёз.

И тут же сам себе отвечал, – потому, что клинический идиот. Потому, что Люся – не собственность, потому, что нельзя так долго испытывать терпение. Даже она, такая покорная, такая снисходительная и правильная, не сдержива-

лась... как же так, Люсенька, как же так!

Его работа была связана с постоянными командировками. Уезжал надолго, постоянно зачем-то изворачивался, врал, что альтернативы нет, что от этих поездок зависит профессиональный и карьерный рост.

А она ждала. Ждала и верила. Потому что любила.

Три дня назад, когда Витька приехал после очередного редакционного задания, Люся, ни слова не говоря, вынесла в коридор чемодан, совсем новый, по виду дорогой (наверно специально купила, чтобы унижить), и безмолвно показала глазами на дверь.

Витька по привычке попытался её облапить, прижать. Люся ведь девушка доверчивая, отходчивая. Сколько уже у них было этих тихих размолвок. Он ведь не муж, даже не жених ещё по большому счёту, просто друг. Что с того, что они почти два года встречаются, что полгода спят в одной постели!

– Ну, потискал слегка Алиску, – размышлял он, – я ведь никому ничего не должен. Или должен?

Жениться-то в ноябре обещал, даже день свадьбы назначил. На полном серьёзе. А тут такая неприглядная оказия.

Ещё большей неожиданностью стало известие о том, что его нашла Светка, одноразовая любовь из давнишней командировки, что она пытается что-то там предъявить.

Витька ещё надеялся, что удастся всё уладить: ведь свечку над ним не держали, девчонки сами в его постель прыгали, а на горячем его ни разу не поймали. Нет у Люськи ничего,

кроме подозрений и предположений, которые аргументами не являются.

– Вывернусь, – думал Витька... и ошибся.

На этот раз всё было предельно серьёзно. Были у Люси основания, дающие право дать отставку, были неопровержимые доказательства. В строку легли и давнишние бездоказательные грешки, которые из размытых эскизов в один момент превратились в детализированные цветные фотографии образа жизни героя любовника.

Они уже жили вместе, когда друзья пригласили Витьку на мальчишник, а сами втихаря позвали подружек без комплексов, чтобы разбавить сухое мужское общение пикантными специями.

Под стимулирующим действием алкоголя любая незаметная на трезвую голову девица, которая руку с груди не сбросит и губки алые подставит – королева.

Витька ведь не мальчишка, знает толк в интимных приправах, в пикантных пряностях, имеет опыт страстной эротической кулинарии. Посолил, поперчил, поджарил, где надо. Короче, покувыркались малёк с одной, потом с другой. Возможно и с третьей. Он толком не помнил, что было, чего не было, но факты – штука упрямая: помада на рубашке, засос на шее, трусы наизнанку...

Люся смотрела на него воспалёнными обидой глазами, чувствуя подступавшую к горлу истерику, закипающую в душе обиду и неспособность понять – почему, зачем?

– Ты... ты... уходи!

– Клянусь, любимая, ничего не было... абсолютно. Подставили. Я выпил, без привычки захмелел. Закуски было мало, а пива и вискаря перебор. Я всё на свете смешал. Что потом было – не помню. Обещаю – больше такого не повторится. Давай... давай в ноябре поженимся.

Верить Витьке было нельзя, но очень хотелось. Или жалко было: упущенного времени, потерянной напрасно невинности, себя тоже.

– Ты... правда хочешь на мне жениться или манипулировать моим доверием пытаешься?

– Никаких или, любимая! Хочу, вот те крест – хочу! Потому что люблю. Люблю, люблю, люблю! Тысячу раз люблю, ты мне веришь?

Глаза у Люси тогда были такие... растерянные что ли. Нет – озабоченные, задумчивые. Не забыть Витьке вовек этот взгляд. Словно на Голгофу с крестом на плечах собиралась подняться, будто прощалась с чем-то очень важным навеки.

Витька тогда так старался, что сам поверил в искренность своих слов.

Как же он тогда любил Люсеньку, как любил!

Целый месяц любил, пока не послали его в очередную служебную командировку.

Там были такие девочки – закачаешься: ноги от ушей, груди как теннисные мячики, губки бантиком и совершенно никаких комплексов.

От такого подарка отказаться мог только патологический придурок в пятом поколении.

У Витьки был дед, Савелий Макарович, почти глухой дед. Он забыл, как ходить, почти ничего не ел, но на память не жаловался. Свою жизнь дед воспринимал как “стремительный бал”, чем гордился и постоянно выпячивал неоспоримые мужские достоинства.

– В молодости я, Витенька, славным казаком был. Работать любил. Умел... руками и головой... всё на свете. Любил и ненавидел в полный рост, силён был, ловок, не в пример вашему хилому поколению.

В этом месте он обычно оглядывался, требовал приблизиться на безопасное для распространения слухов расстояние, чтобы высказанная им шёпотом вселенская тайна не была случайно услышана Витькиными родителями.

– Шешнадцать, внучёк... шешнадцать целок самолично оприходовал. И ищо бы столько совратил, да встретил на свою беду Марфу Егоровну, бабку твою непутёвую, ни дна ей, ни покрывки! На ей, проклятушей, мой победный счёт и завершился. Самое обидное, что не я её, бабку твою раскупорил... порченую уже взял. Никак приворожила, вражина! Ну да ладно – то дело прошлое. Околдовала меня, зараза, в полон взяла и фамилии не спросила. Ходил я за её хвостиком, умолял колечко в дар принять... за единый поцелуй. Так до свадьбы и не дала ни разу... ш-шалава! Потом поздно было бисер метать. Штамп в паспорте и половина деревни

родни на свадьбе не позволили включить заднюю скорость, а там и маманя твоя – оторва шалопутная, в пузе у Марфы зашевелилась.

– Дед, ты эту байку мне уже раз двести рассказывал, знаю, что дальше будет.

– А ты ишшо, ишшо послухай, чтобы ошибок моих не повторять... умнее будешь. Дед дурному не научит. С бабами, особливо с теми, что глазки строят, а дотронуться не дают, шуры-муры никогда не крути. От их, срамниц, все наши мужчинские беды проистекают. Та, которая сразу губки подставила, через день либо два и ножки раздвинет. Таких девок стеречся нечего – безобидные они, правильные. Сами живут и мужчинов не обижают. Опасаться нужно других, которые целомудренность изображают, а на деле интриги плетут, как бабка твоя... и планы за наш счёт на всю оставшуюся жисть строят.

Обучил Савелий Макарович внука, вручил ему в руки посох дамского угодника и в путь по срамному интимному бездорожью отправил.

Витька оказался способным соблазнителем, хотя сам деда считал похотливым чёртом. Рассказы деда возбуждали мальчишку, рождали неуёмные фантазии.

Говорят, мысли материальны.

Мечты переплюнуть рекорд деда по части любовных походов начали воплощаться в реальность в пятнадцать мальчишеских лет. Первой его женщиной стала не вполне

вменяемая дама лет тридцати, пасшая за деревенской околицей своих коз.

Как там что получилось – никто не знает, но бегал Витька к глупой бабе целое лето, пока занятия в школе не начались.

Там его настигла первая любовь. Потом вторая... и сразу третья.

Витька понял, что дед, скорее всего, врал, потому, что дальше поцелуев в губы, иногда ласк до пояса, никого из девчонок уговорить не удавалось.

Ну и бог с ними. Зато была любвеобильная пастушка, которая ждала и жаждала свиданий, хотя это было совсем не то, о чём Витька фантазировал.

По-настоящему мечты стали сбываться, когда он заканчивал институт.

То ли Витька к тому сроку возмужал, то ли девчонки созрели для любви всерьёз, но отказывать почему-то стали редко. Правда целок, увы, встретить ему так и не довелось.

Жизнь и правда превратилась в “стремительный бал”, кого только он “на кукан” не насаживал: худых и не очень, блондинок и рыженьких, татарочек и молдаванок.

Но тут на горизонте появилась Люся: строгая, интеллигентная, правильная. Какая-то не такая, не от мира сего.

Она с удовольствием бегала к нему на свидания, ходила на танцы, в кино, в кафе мороженое. Пару раз сидели в обнимку на берегу реки почти до утра... и всё!

Для опытного любовника это было равносильно сокруши-

тельному фиаско, позорному, унижительному, но вежливому отказу считаться с ним как с реальным мужчиной.

Витька помнил уроки деда, который предупреждал, предостерегал опасаться недотрог.

– Вот ведь лешак окаянный, – ворчал про себя Витька, – наколдовал, накаркал. Откуда он знал, что Люська такая, что зацепит меня, как его моя бабка? Ничего, я упрямый, и эту веточку обломаю.

Уговорить, уложить, расплющить, разорвать в клочья первую и единственную в своей жизни девственность Витьке всё же посчастливилось. Правда, на это ушло почти полтора года, но сей факт в записи книги судеб не стереть никогда.

Было, свершилось!

Тогда он первый раз обещал к ней переехать, намекал на скорую свадьбу, не отпускал из объятий и твердил как безумный слова любви. В которые не верил.

Не переехал, не женился, перестал приглашать на свидания, но на огонёк заглядывал регулярно.

И не только к ней.

Давно замечено, что счастливый человек обладает свойствами магнита. На влюблённого мужчину как мотыльки на яркий свет слетаются дамы, переполненные мечтами, романтическими иллюзиями и грёзами.

Любвеобильные леди великодушны: заботливы, покладисты, безотказны, доверчивы... и необычайно щедры. В недрах их восторженной интимной физиологии скапливается

столько нерастраченной энергии, что её хватает буквально на всех.

Витька не упускал возможности напиться теплом и нежностью на дармовщинку: считал внедрение своего террориста во влажную глубину очередной жертвы исконным мужским правом, даже в некоторой степени обязанностью. Вон их сколько, неприкаянных одиноких женщин, жаждущих любви.

Непонятно было одно – почему их не замечают?

О Люсеньке Витька не забывал никогда. Если честно, вгрызаясь в напряжённую скользкую плоть очередной страдальцы, он всегда думал только о любимой и возбуждение своё от мимолётных побед как победное знамя всегда нёс к ней... пока не остыло.

В конце концов, Витьке надоело смотреть в Люсины укоризненные глаза, он решился встать на колени и возвестить, что готов быть не мальчиком, но мужем.

Впрочем, так было намного проще застолбить за собой сектор приз. И соблазнов вроде бы меньше.

Виктор переехал к невесте, колечко с изумрудом было подарено торжественно, в местном ресторане.

Он даже на скрипочку разорился. И на певичку, которая исполнила душещипательный романс о неразделённой любви, который заставил невесту прослезиться, поверить окончательно в реальность Витькиных намерений.

Люся была счастлива. Она светилась как праздничный

фейерверк, как новорождённая радуга после грибного дождя, как наряженная блёстками и иллюминацией новогодняя ёлка.

В ту ночь Витька так сладко её мучил, так искренне врал про семью и любовь, такие ажурные воздушные замки строил, походя, что обессиленная интимной близостью невеста провалилась в беспамятство. Или в сказочный сон... после десятого по счёту оргазма, а все мечты, странным образом озвученные Витенькой, сбывались в сказочной иллюзии с небывалой скоростью.

На следующий день Виктор уехал в командировку. Там опять были шалуны-волшебницы – Катенька, Зоя, Эля, Ядвига. И ещё одна – непознанная до сих пор, новенькая, Светлана. Девочка оказалась такой сладкой конфеткой!

Жених не выдержал натиска бирюзовых глаз, аромата лаванды и ванили, бьющей фонтаном из упругого тела прелестницы энергии любви, особенной какой-то страсти.

Самым неожиданным и странным было то, что дерзкая кокетка оказалась девственницей, о чём любвеобильный кабальеро даже не догадывался, укладывая в постель.

Он был доволен и счастлив, но, – почему она не сказала, почему не заставила предохраняться. Почему, почему, почему!

Тысячи неприятных вопросов растаяли в “фейерверке грёз... на бульваре роз”.

Девочка не предъявила ни единой претензии: глядела на

него как на мифического бога любви. Праздник плоти продолжался целую неделю.

– Ну и ладно, – подумал герой-любовник, – *ночное рандеву – час разлуки, ночное рандеву – шанс от скуки*. Кто не спрятался – я не виноват. У меня скоро свадьба, а до этой шустрой давалки мне дела нет.

Витька опять вспомнил про Люсеньку, по приезде подарил ей подарков, словно извинялся... и любил, любил, любил.

Потом их вдвоём пригласили на свадьбу к Люсиной подруге, Наденьке Суровцевой, свидетельницей у которой была блондинка с лицом русской красавицы из того календаря, в котором была отмечена дата предстоящей свадьбы: его и Люсиной свадьбы в ноябре.

Дружку звали Алиса. Она была прелестна, фантастически аппетитна, соблазнительна и желанна.

Стройное гибкое тело, восхитительная, зовущая линия поцелуйных губ, глаза цвета виски, искрящийся нежностью и доступностью взгляд.

Девочка явно флиртовала, избрав Витьку объектом вполне очевидной интимной игры, в ткань которой добавила изрядную порцию перчика с душистым мёдом поцелуйных губ.

Сигнал моментально достиг цели: он был бы не он, не отведай нектара с такого яркого цветка. Ответный импульс Витя послал за несколько минут до регистрации, незаметно для окружающих чувственно огладив упругий зад свидетельницы.

цы.

Прелестница лукаво улыбнулась, втянула животик и сжала те коралловые губки, изобразив едва уловимым жестом, что готова доставить не только это удовольствие.

Пара бокалов шампанского, порция виски и Витька забыл, что пришёл на торжество не один.

Немного погодя, когда застолье было в разгаре, он пересел ближе к свидетельнице, шептал ей что-то на ушко, то и дело дотрагивался до обнажённых коленей и талии.

Девочка включила на полную мощь обаяние молодости: наклонялась, демонстрируя сквозь довольно нескромный вырез молочную белизну груди, глядела глаза в глаза, показывала ровный ряд белоснежных зубиков, эмоционально реагировала на любые реплики заарканенного с такой лёгкостью ухажёра.

Потом они чувственно танцевали медленный танец.

Витя совсем не целомудренно держал девочку за тонкую талию, незаметно наклонялся, чтобы поцеловать то ушко, то раскрасневшуюся от желания шею, что-то чересчур интимное шептал, шурился при этом от удовольствия, облизываясь, как голодный кот перед блюдцем сметаны.

Люся сидела в дальнем углу стола бледная как мел, ничего не пила и не ела. Девочка всё видела, всё понимала.

Её колотило, словно сидела под струёй мощного кондиционера, хотя остальные гости раздевались, чтобы не так сильно потеть.

Когда Витька по-хозяйски притянул Алису за бёдра и зарылся лицом в её кудряшки, Люся не выдержала. Девочка подбежала к обидчице, с размаха вlepила ей звонкую пощёчину.

Странная реакция, непонятная логика. Бить-то по идее нужно было Витьку, а не Алису. Девочка не могла знать, что у кавалера есть невеста, она действовала в соответствии с природным инстинктом, который беспристрастно отсканировал образ сексуального, физически совершенного Виктора годным для производства потомства... и только.

Девчонка оказалась ловкой и быстрой: ответный удар был гораздо сильнее. Люся упала как подкошенная, больно подвернула ногу. Узкая юбка, под которой были лишь прозрачные ажурные трусики, при падении лопнула пополам, явив любопытной публике пикантное эротическое зрелище.

Витька не нашёл ничего лучше, чем оттащить более сильную и ловкую соперницу, оставив невесту одну в щекотливом положении, потом вызвал такси и отправил невесту домой. А сам остался.

Он счёл себя уязвлённым, обиженным, – подумаешь, обнял! В губы не целовал, за сиськи почти не лапал, под подол залезть не успел. Значит, не изменял.

– Кого она из себя возомнила!

Потом успокоился, решил, что нет смысла даром терять такую сладкую возможность развлечься.

Витька догулял свадьбу до конца, потом пошёл провожать

Алису, ненавязчиво сворачивая не к её, а к своей квартире. Конечно, там был беспорядок, но сексодром всегда готов к приёму любвеобильной гостьи. И бутылка вина тоже была.

На очередном повороте подружка остановилась, посмотрела Витьке в глаза, – Знаешь что, дружок, разберись-ка ты сначала с той девушкой. Если честно, я хочу перед ней извиниться. Глупо вышло. Ты, Витя... должен был сказать, что пришёл не один... что имеешь интимные обязательства. Так... так нельзя. Не скрою, понравился ты мне, даже очень... но я думала... я рассчитывала на серьёзные отношения, мечтала о любви. А так... проводишь до дома или вызвать такси?

– Конечно, провожу. Но ты ничего такого не думай. Это была моя бывшая, мы давно расстались. Не знаю, что на неё нашло. Между нами ничего не было, я ей ничего не должен.

Дальше шли задумчиво сосредоточенно, молчаливо. Расстались не прощаясь. Волшебство праздничных эмоций испарилось бесследно, надежды на продолжение бала тоже.

Только теперь до Витьки дошло, что нескромным поведением испортил отношения и с Люсей, и с Алисой. Правда, оставалась Света, но это совсем запасной аэродром, на крайний случай, тем более, что он и ей ничего не обещал, не оставил даже адреса и вообще...

– Собственно, я никому ничего не доложен, – захотели – дали, не захотели – не дали. Ну, дед, ну сказочник: шешнадцать целок. Небось, кроме бабки ни с кем и не спал ни разу.

Надо бы с Люськой помириться... над!. Уютная она, надёжная, хозяйственная... как бабушка Марфа. Повиниться бы, приклеиться к ней и жить... до глубокой старости... в горе и в радости. Хотя... чего бы деду мечтать о девчонках, которых испортить не успел, если нашёл свою единственную? Думать надо. Не прогадать бы.

Утром его опять отправили в командировку. На этот раз ненадолго – на три дня, адрес тоже был новый, незнакомый.

Длинноногие девочки были и там. Не было настроения их окучивать. Виктор обдумывал план жизни на годы вперёд. Все тропинки сходились в одной точке – по всему выходило, что ставку нужно делать на Люську.

Приехав, Витька прямо с вокзала пошёл к ней, открыл дверь своим ключом. Ему казалось, что сцену примирения продумал до мелочей, что нашёл нужные аргументы и факты, что примирение практически в шляпе.

– Куда Люська денется после двух лет совместной жизни? Кому она, дёржаная, нужна! Таких тупых даже в монашки не принимают, – рассуждал вероломный прелюбодей.

– Уходи, – бесстрастно сказала Люся, – устала я от твоей любовной акробатики. Только сначала заberi свою невесту.

– Какую невесту... не было у меня ничего с Алисой, не бы-ло! Понимаешь, не было. Ты моя единственная невеста. Если не забыла – в ноябре у нас свадьба.

– Я тоже думала, что единственная. Света, пришёл твой милёночек. Могу погулять минут двадцать, пока вы решаете

вопросы семьи и брака. Я сегодня щедрая.

– Какая Света, как она меня нашла, что она здесь делает!

– Беременная я, Витюша... от тебя беременная. Нам нужно что-то срочно и очень серьёзно решать. Конечно, ты мне ничего не обещал, но девственность... надеюсь, ты не собираешься отрицать мою целомудренность до встречи с тобой, я подарила её тебе... любимый. Потому, что искренне верила в твои чувства... потому и не отказала. Ты, Витенька, не выглядел ходяком и много-много говорил про любовь. Готов стать мужем... и папой? Если скажешь, нет, я пойму.

– Стоп-стоп, к чему я должен быть готов! Разве я заказывал ребёнка? Нет, не заказывал. Разве обещал жениться? Тоже нет. Какие ко мне претензии?

– Я ни на чём не настаиваю, просто думала. У меня будет мальчик, сын. Твой сын. Разве это не повод...

– Не знаю, о чём ты думала, когда соблазняла меня, когда чуть не изнасиловала, – грубо прервал Виктор, – сама видишь, у меня есть невеста. Одиннадцатого ноября у нас свадьба.

– У нас! А меня ты спросил? Нет никаких нас. Мой тебе совет – женись на Свете и будь счастлив. Ключи давай! Надеюсь, больше тебя не увижу.

– Больно надо! А ты уезжай, проваливай. Не было у нас с тобой ничего, не было! Придумала ты всё. Вас, баб, много, а я один. Если жениться на каждой... да пошли вы, шалавы!

Витька гордо хлопнул дверью и был таков.

Теперь сидит на загаженной кухне и страдает, не понимая, как можно вернуть Люсю. Когда жил с ней – всё было понятно, просто. Что будет теперь?

– Может правда на Светке жениться... только без ребёнка? Да ну нафиг: квартиру продавать надо, переезжать, новую работу искать. Или её к себе перевозить. Куда ни кинь – везде клин. Не, Светка по любому не вариант.

Неожиданно Витька вспоминает, что есть Алиса, что даже знает, где она живёт.

– Как хорошо, – подумал он, – что не успел ещё напиться. Сейчас приведу себя в порядок, куплю цветы, золотое колечко с опалом под цвет её глаз, и пойду свататься. А чё... до одиннадцатого ноября ещё уйма времени. Неужели не найду убедительных аргументов? Бабы, они же ради любви готовы расстаться с чем угодно: со зрением, слухом... с девственностью. Интересно, целка Алиса или нет? До шестнадцати мне, пожалуй, не дотянуть... но три в мои годы – тоже неплохо! Знал ведь дед чего советовать, знал. А может ну их всех? Поживу в своё удовольствие, вплотную займусь поиском наивных непуганых девственниц. Должна же у человека быть настоящая мечта – заветная цель.

О друзьях и подругах

*Очень многие тети и дяди
по незрелости вкуса и слуха
очень склонны томление плоти
принимать за явление духа.*

Игорь Губерман

Неувядаемая студенческая дружба с извилистой судьбоносной трассой, петляющая пять лет причудливыми выражениями, включающими головокружительные подъёмы, внезапные продолжительные спуски, резкие торможения, стремительные ускорения и прочие неожиданности реальной жизни, окрепла, закалилась и вышла на новый уровень.

В институте молодые люди знакомились, влюблялись, строили планы, мирились и ссорились, соответственно возрасту максимализма и энтузиазма. Их мышцы, разум, мощная нервная система жаждали любви и приключений. Это увлекало, манило, придавало жизни смысл.

Было бы странно, когда юность не желает постоянной новизны, наполнения крови гормонами и не совершает ошибок. Семейные пары, о которых идёт речь, были вполне обычными, среднестатистическими, с нормальными, присущими молодости желаниями, пороками, добродетелями и нравами.

За годы учёбы были периоды, когда Ира была безумно

влюблена в Игоря, а Толик – в Юлю, потом романтически настроенные пары неожиданно расставались, увлекаясь другими партнёрами. Позже некогда неразлучные пары менялись местами: Ира вдруг открывала чарующее обаяние Анатолия, а Игорь не мог устоять перед магическими чарами шалуньи Юлечки. Кто-то временами с кем-то сходилась всерьёз, по-взрослому: целовались, обнимались и ухаживали друг за другом уже не столь целомудренно, не стеснялись публично признавать интимные предпочтения, но совсем интимные отношения старались скрыть.

Иногда слухи о сексуальных приключениях всё же просачивались, рождали ревность, зажигали вражду и ссоры, разводили любовников по разные стороны. Позднее интимные пути некоторых пар снова пересекались, их притягивало друг к другу вновь и вновь, пока к окончанию института не образовались две стабильные романтические пары.

К моменту получения дипломов Толик и Ира стали Головачёвыми, а Игорь и Юля Бурмистровыми.

Мало того, обе пары выступили на свадьбах друзей свидетелями.

Теперь все четверо, побывавшие за прошедший срок в роли любимых и любовников, дарившие некогда взаимные ласки жёнам друзей и мужьям подруг, поскольку встречались и расставались многократно, менялись любимыми, не задумываясь о будущем отношений, остепенились, сделав окончательный судьбоносный выбор.

О прежних моментах близости молчали, не сговариваясь, делали вид, что ничего подобного не было и быть не могло. Вроде как свадебными торжествами провели черту, незримую демаркационную линию между прошлым и будущим.

Жили семейные пары дружно, встречались часто, тем более, что работали все вместе в одном и том же НИИ на сопоставимых должностях, разве что на разных этажах и в разных отделах. Жили, правда, в разных концах города.

И вот в очередной раз наметился повод встретиться. Справлять решили у Головачёвых, потому, что в последний раз гостей принимали Бурмистровы.

Не сказать, что стол ломился от щедрых закусок и разносолов, но всего было в достатке, в том числе спиртного. Приготовлены блюда были с душевной теплотой, оформлены со вкусом.

О работе и политике не спорили, таков был уговор. Тем для совместных бесед и без того было достаточно.

Вечер получался на удивление весёлым. За разговорами, спорами и танцами никто не заметил, как стрелка часов перескочила за полночь.

Автобусы уже не ходили, телефонов, чтобы вызвать такси, в то время не было, а пешком добираться до дома Головачёвых довольно далеко. Да и ни к чему рисковать (ведь можно нарваться на милицейский патруль), если можно переночевать у лучших друзей.

Собственно эта тема никого всерьёз не волновала: сколько

раз студентами спали вповалку на производственных практиках и выездах в колхозы: было бы где.

Прибрались, ещё раз весело поскакали под пластинку и постелили прямо на полу: квартирka-то маленькая.

Не до конца спущенный эмоциональный пар вызвал спонтанное желание хулиганить. Ребята толкались, устроили бой подушками, потом долго, уже в темноте, вспоминали комичные эпизоды из времён озорной и жизнерадостной студенческой юности.

Лирическое настроение освежило в памяти интимные приключения тех лет: трогательные и неудачные свидания, первые признания и поцелуи, комедии и драмы нешуточного соперничества пар.

Расчувствовавшись, впустив в себя до сих пор не до конца осмысленные трогательные переживания, еле уgomонились.

Мужчины легли в центр, девчонки по краям.

Головачёвы мгновенно захрапели.

Игорь дрейфовал в полудрёме, то улетаая в царство Морфея, то возвращаясь обратно, по той простой причине, что Юля, взбудораженная чувственными воспоминаниями, тихо, но весьма настойчиво исследовала руками его податливое тело.

Какой мужчина в двадцать три года выдержит подобную сладкую пытку?

В районе солнечного сплетения гулко пульсировало предвкушение волнующей радости, заставляя напрягаться и оста-

навливать дыхание, чтобы грохот сердечных ритмов не услышали Головачёвы.

Терпеть лихорадочное ожидание притягательной греховой неизвестности не было сил.

С Игоря сон как рукой сняло.

Конечно, он пытался сопротивляться: воспитание и некая доля стеснительности не позволяли вот так запросто, в присутствии посторонней пары поддаться на провокацию жены, но и отказать ей было почти невозможно.

Супруги начали шептаться на ушко, споря на тему публичного акта любви. Игорь был возбуждён настойчивыми, откровенно-бесстыдными ласками жены, рука которой давно опустилась ниже ватерлинии, причиняя значительные неудобства выступающим элементам чувствительной мужской конструкции.

Муж пробовал сопротивляться, правда, вяло. Его скакун взвился на дыбы, его уже было не остановить.

Одеяло было сдвинуто в сторону. Яростный поединок в нарушение общественных норм и моральных правил начался довольно бурно, правда, в замедленном темпе, с основательной задержкой дыхания.

Порой супруги забывались: Игорь задыхался, слишком высоко задирали Юлины ноги, ускорял тем нападения, звучно шлёпал животом о её божественно соблазнительные бёдра. У жены невольно вырывались чувственные стоны, тело сводило сладкой судорогой. Бурмистров чувствовал, как его це-

ликом засасывает изумительно сколький, восхитительно горячий вакуум взволнованных возбуждённым желанием интимных недр супруги.

Напряжённые в ожидании приближающегося экстаза Юлины соски, вбирая в себя стремительно нарастающее возбуждение, становились упругими кнопочками, нетерпеливо ожидающими прохождения по всему телу мощного сенсорного импульса, исходящего от желанного вторжения в невероятно чувствительную влажную глубину неудержимо расширяющегося, ритмично пульсирующего внутри горячего естества, означающего начало неудержимого, сказочно роскошного судорожного восторга.

Не удивительно, что Головачёвы проснулись, только вида не подавали: Толик, притворяясь спящим, похрапывал, Ирина сопела и вертелась как уж на сковородке. Процесс неодолимого влечения был запущен: они ведь тоже молоды.

Гормоны моментально заполнили в возбуждённых телах дремлющие любовные поры и давили на нервы.

Бурмистровы были так увлечены процессом извлечения всё новых порций адреналина, что не заметили, как превратились в актёров впечатляющего порнографического спектакля.

Сначала, стараясь быть незаметным, лицом к ним развернулся Толик, затем и Ирина.

Детали пикантной интимной игры в темноте увидеть было невозможно, но молодость и склонность к фантазиям, а

также личный опыт дополняли картинку живыми эмоциями.

Головачёвы хотели, но никак не могли повторить желанную сцену взаимного опроникновения, поскольку были в гостях.

Тем временем Игорь дёрнулся в последний раз и затих.

Воздух комнаты наполнился запахом шампиньонов, приправленных возбуждающими, терпкими специями. Немного полежав, он вскочил и со спущенными трусами и выбежал в коридор, не забыв прикрыть дверь.

Юлька, не стесняясь, широко развела в стороны ноги, вытерлась полотенцем, легла на спину, потянулась и произнесла негромко, но вслух, – мужичка бы сейчас, хоть какого-нибудь лядащего, чтобы хотел и мог, – и хихикнула.

Ей хотелось почувствовать, как стынет разопревшее от интенсивных интимных манипуляций тело, расслабиться.

Тонкие иголки озноба замысловато колдовали над нежной кожей, ощутимо стягивая её на невероятно чувствительных в эту чарующую минуту колокольцах груди, заставляя твердеть ещё ноющие в сладостной истоме, истерзанные ненасытным мужем соски, пока восхитительно горячие сладкие судороги затихающего оргазма медленно покидали остывающие в любовном изнеможении мышцы.

Юля хотела целиком и полностью испытать всю прелесть эротического послевкусия. Она знала, что самое сладкое – глубинное опьянение пикантными интимными корчами, происходит на выдохе, с закрытыми глазами.

Ирину уже трясло. О подобных чертах характера подружки она не ведала, даже не догадывалась. Ей отчего-то стало стыдно за подругу.

Зато Юля хорошо помнила, как когда-то у них ловко получались страстные интимные игры с Толиком.

– Что с того, что он обо всём успел забыть, – подумала она, – я-то хорошо помню, как он силён и ловок. Ирка спит, а с него не убудет.

Юля подтянулась на подушке, прикоснулась рукой к плечу Толика и затихла, напряжённо слушая тишину, вглядываясь в неподвижное лицо спящей подружки. Она знала, что Игорь придёт только после душа и основательного перекура. Значит, у неё в запасе минут пять. Этого достаточно.

Девушка беззвучно встала на колени, ловко перегнулась через Ирину и уверенно запустила руку под резинку трусов друга, зачем-то звучно ей щёлкнув.

Почувствовав рукой возбуждённую похоть, шалунья обрадовалась: бывшего возлюбленного даже уговаривать не нужно.

Ей хватило доли секунды, чтобы перелезть через подругу, развернуть мужчину к себе лицом и направить орудие соращения по нужному адресу.

Ирина вскочила, перепрыгнула через обнаглевшую парочку, совокупляющуюся у неё на глазах, и выбежала в коридор.

Игорь курил на кухоньке. Увидев Иру в слезах, сразу всё понял.

– Иди, умойся. И не реви! Если бы я обращал внимание на Юлькины прыжки в сторону, давно пришлось бы её убить. Несмотря на это, я её люблю.

– Она... она такой не была, – рыдая, парировала девушка, – но Толик, каков подлец! Он даже не сопротивлялся. Она села на него, как на скаковую лошадь и сразу поехала.

– Хочешь... отомстим?

– Дурак! Намекаешь на то, что между нами когда-то было? Я за-му-жем! Изменять не собираюсь.

– Кому изменять, Ирусик? Прислушайся. Они сейчас кончат.

– Пусть это будет на их совести. Во всяком случае, именно теперь я твёрдо решила, что не хочу иметь от Толика детей. Он мне противен. Проводишь меня домой?

– Давай лучше напьёмся и умрём молодыми.

– Ну, уж, нет! Если не пойдёшь со мной, уйду одна.

– Значит, вариантов нет, придётся провожать. Помнишь, Иринка, мы тоже друг друга любили. О-го-го как! Как думаешь, у нас могло бы чего-нибудь получиться... например, дети?

– Не знаю, Игорёк. Я теперь совсем ничего не понимаю. Зачем Толик на мне женился... зачем! А ты, ты-то с Юлькой счастлив? Насколько я сейчас понимаю, тебе постоянно приходится спиливать ветвистые рога.

– Какая разница, девочка моя, счастлив или нет? Не могу я без неё. Сколько раз пробовал уходить, только вам никогда

не рассказывал, всё равно к ней возвращаюсь. Люблю и всё, даже такую... непредсказуемую, порочную.

– Хочешь сказать, что тебе не противно? Вот сейчас... когда он там... в ней! Тебе что – безразлично? А я так не могу... и не буду. Завтра же, нет, уже сегодня подам на развод.

– Не торопись, подруга. Думаешь, другой мужчина изменять не будет?

– У меня нет другого. И с тобой, Игорь, у нас ничего получиться не может. Хотя я очень хорошо к тебе отношусь. И всё-всё-всё помню.

– Хотел бы тебе позавидовать, но не буду. Развод – это слишком серьёзный поступок, но, как и к любому незнакомому действию, к нему несложно привыкнуть. Уверяю тебя, лучше поговори с ним серьёзно, расставь акценты. От Юлькиных кульбитов ещё не у таких мужиков крышу сносило. Главное, ты знаешь, чего от Толика ожидать, вы уже проверенная, сложившаяся пара.

– Я тебя услышала, Игорь, но согласиться не могу. Не представляешь, как мне сейчас плохо.

Очень взрослые игры

Он вредный, как картофель фри,

Но невозможно оторваться!

И говоришь себе – не жри!

И продолжаешь целоваться.

А он, гаденьки, – вкусный яд!

И от него теряешь разум,

И ешь, и ешь его подряд,

Такую вредную заразу...

Но вкус приелся, я сыта,

И мой насыщен аппетит.

И, в общем, я уже не та,

И от него уже тошнит.

Оксана Куш

Подруга детства, с которой пройдены огни, воды и километры препятствий – это слишком серьёзно, это больше чем дружба, важнее, чем любовник или муж.

Надя и Маша были абсолютно разные, но как всякие противоположности тянулись друг к другу, а когда почти одновременно вышли замуж и вовсе слиплись, тем более, что жили совсем близко – в одном доме, только в разных подъездах.

Надя была до предела эмоциональная, подвижная, ни минуты не могла сидеть на месте и постоянно в кого-то влюблялась.

В седьмом классе у неё была первая, вторая и третья любовь, потом она дважды, теперь уже по-настоящему, всерьёз, с чувственными поцелуями, с соперничеством и болезненной ревностью, увлекалась мальчиками летом в пионерском лагере.

В восьмом она поняла, что влюбляться в ровесников глупо, что они ещё практически дети, что неспособны отвечать за поступки.

В девятом классе Наденька с серьёзными для здоровья и репутации последствиями соблазнила учителя физкультуры. По настоянию родителей сделала аборт.

В десятом девочка взялась за ум: целый год никем не увлекалась, никого к себе не подпускала, только целовалась и флиртвала.

На первом курсе института Надюша скоропалительно выскочила замуж, столь же стремительно развелась, но в конце года влюбилась снова – теперь уже окончательно и бесповоротно.

Свадьба была шикарная, шумная, с настоящими артистами и впечатляющими спецэффектами.

Счастье длилось недолго: не сошлись характерами.

Получив диплом с отличием, Наденька поняла, что студенты и инженеры – не её формат.

В этот романтический период бурной молодости ей дарили цветы и дурили голову – солист раскрученного инструментального ансамбля, скульптор областного значения и на-

чальник городского отдела статистики.

Все как один почитатели были обременены семейными узами.

Сумрачная стезя заштатной любовницы входила в конфликт с её непомерными амбициями, хотя эти довольно состоятельные мужчины были щедры, активно поддерживали её продвижение на профессиональном поприще и в светской тусовке.

Наденька выдохнула, поставила крест на неудачной стратегии. И всерьёз занялась поиском солидного спутника жизни с серьёзными намерениями, не забывая между тем радовать аппетитным телом, не за просто так, множество очарованных её смазливой внешностью поклонников.

Антон Веселов был всего на два года старше её, но твёрдой рукой держал среднего размера развивающийся бизнес. На завоевание его любви у Настеньки ушло полтора года.

Усилия того стоили.

Так ей казалось первое время.

Антон не любил выставлять напоказ благосостояние: ездил на изрядно потрёпанном автомобиле, жил в обычной благоустроенной двушке, одевался демократично, просто, но на красавицу супругу средств не жалел, хотя на словах постоянно осаживал её непомерные амбиции.

– Мы должны жить как все, любимая. Людская зависть – это негативная энергия. Богат не тот, у кого много денег, а тот, у кого оптимальные потребности. Скромность не толь-

ко украшает, она сигнализирует окружающим о внутренней силе, которая вызывает невольное уважение.

Работал он много, старался ни на кого не перекладывать решение сложных вопросов, вникал во все мелочи личного бизнеса.

Наденька была за ним как за каменной стеной.

Её подруга, Маша, от рождения была застенчивой скромницей. Влюбилась лишь однажды, но семейная жизнь её не сложилась, потому, что в самом начале отношений по наивности упустила что-то слишком важное, что дало мужу возможность и право не только жить вольно, но и доминировать.

Три года, пока гормоны и накрывшее с головой густое облако неодолимо возбуждающих стимулов удерживали темпераментного Егора исключительно возле Машеньки, жизнь её была сплошным праздником.

Несколько случайных, мимолётных, не очень серьёзных прыжков в сторону, препарировать которые Маша не стала, чтобы не портить отношения, погоды не сделали – счастьем молодых не мешали, но заставили супруга искать разнообразия позднее.

Девочка понятия не имела, какие штормы и ураганы пронесутся в постоянно возбуждённом сознании и теле супруга. Он был не просто любитель – профессионал спортивного секса, любовник редкостной удачливости и сноровки.

Причуды и пристрастия мужа вскрылись, как и бывает в подобных обстоятельствах с доверчивыми девушками, со-

вершенно случайно. Машенька поняла, что прощать измену не умеет, и не хочет. А когда неожиданно узнала, что на стороне у супруга не только очередь из любовниц, но и трое милых малюток, до которых ему нет никакого дела, остановить процесс отчуждения стало невозможно.

Естественно, они расстались.

В настоящее время Наденька до такой степени поверила в свою путеводную звезду, что влюбляться принялась поточным методом, благо Веселов, будучи неисправимым трудоголиком, часто отъезжал по делам фирмы, оставляя молодую жену скучать в одиночестве.

Любвеобильность подруги зашкаливала. Каждая новая романтическая удача срывала с неё крышу. Девушка погружалась вглубь непроходимых любовных джунглей, не разбирая дороги, забывая про осторожность.

Она была удивительно чувствительной, могла по многу раз подряд трепетать в немыслимой силы экстазах, мгновенно растворялась в наркотическом дурмане сладострастия, но, как быстро загоралась, столь же стремительно остывала, припадая к одному и тому же источнику возбуждения.

До сих пор азартное увлечение эротическим разнообразием дарило Наденьке исключительно радость.

Мужчины, молодые и не очень, по большей части обеспеченные, любвеобильные, щедрые, темпераментные и сильные, не ведая усталости, осаждали её плохо укреплённую девичью крепость, которая капитулировала и сдавалась на ми-

лость победителя с явным удовольствием.

Маша знала обо всех приключениях подруги, хотя никогда не задавала вопросов.

Веселова сама всё рассказывала, причём наслаждалась процессом эмоциональной трансляции пикантной информации, выдавая детали всё новых и новых эротических побед.

Повторные переживания эмоций и Машина на них сдержанная реакция вдохновляли её на новые романтические подвиги. Она гордилась собой, своей выдающейся внешностью и востребованностью на рынке интимных отношений.

О победах на ниве соблазнения Наденька повествовала подробно, особенно смакуя сам процесс хитроумного оболъщения, остроумные стратегии флирта, и тонкости переживаний при страстном совокуплении.

Факт того, что Машенька рассталась с мужем и новых связей не заводила, не очень волновал подругу. Она постоянно находилась в эротическом трансе, считала, что возбуждённое состояние и желание принимать бальзам эротической страсти наружно и внутрь – норма, для уважающей себя девушки, – молодость, Машка – это как сектор приза. Пользуйся моментом. Потом будет поздно.

Утром Надежда в перевозбуждённом состоянии прибежала к подруге с гостинцами, долго угощалась янтарным чаем со смородиновым листом и смотрела на неё непривычно, даже странно. Наконец её прорвало.

– Машута, подруженька, выручай! Сегодня Антон из ко-

мандировки приезжает, а я... а у меня любовник нарисовался – апполон! Баскетболист, мастер спорта, член международной сборной, эстонец из Таллина. Два с лишним метра роста, сто с чем-то килограммов рельефных мышц, серые глаза, ямочка на подбородке.

Животное, настоящий зверь! Представляю, какого размера у него стыковочный модуль! Я уже вся теку. Выручай, подруга! Век себе не прощу, если упущу, если не почувствую в себе такой выдающийся экземпляр.

– Не понимаю, какую роль ты отводишь мне в своих интимных страданиях.

– Тю, объясняю! Антоха после поездок день-два отдыхает, отсыпается. Он в командировках почти не спит. Ты же знаешь – он фанатеет от успехов своего бизнеса. Вот! Поужинает, поцелует и хрюкает.

– К чему ты клонишь, Надюха... сиделкой хочешь нанять?

– Почти. Я же тебе объясняю – спит он... копит мужскую силу. А на следующий день. да уж, за что его и люблю... уж вставит – так вставит! А я... я пишу и плакала. От счастья, подруженька. Что он у меня такой энергичный, такой сильный. Тебе тоже понравится, отвечаю.

– Не понимаю, причём здесь я!

– Ты чё, подруга, совсем тупая! Говорю же, по-русски – у меня свидание с баскетболистом. Антон поцелует меня, обнимет и уснёт. А я... хоп-хоп-хоп с постельки и тю-тю. А ты... ты вместо меня к нему под бочок.

– Хочешь сказать, что ему без разницы, кого обнимать, что он тупой и бесчувственный?

– Глупая ты, Машенция. Я тебе свой шампунь дам, ночнушку с моим запахом, свои духи. Пропитаешься ароматом страсти, с ландшафтом спальни сольёшься – он ничего не поймёт. Проснётся на мгновение – отворачивайся и сопи в две дырки, будто спишь. Ничего сложного. Я тебе телевизор подарю, во всю стенку.

– Но...

– И домашний кинотеатр в придачу. Век благодарить буду. Ну, Машенька, ну, золотце. Кто меня поймёт, если не ты! Он такой замечательный, просто гора мышц. Я сейчас вся как кусок нервов.

– Сдаётся мне, что ты бредишь. Честно говорю – я тебя с любыми духами в полной темноте ни с кем не спутаю. А Антоха – муж, он каждый прыщик на твоей попе облизал, на ощупь отличит мои сухие спортивные мышцы от твоих нежных припухлостей. Я на четыре килограмма меньше тебя вешу, у меня грудь детская и волосы вполтину короче. Да я от страха описаюсь, если он до меня дотронется, потеть стану так, что никакие духи не помогут.

Не-е-е, хоть расстреливай, я с твоим Антоном не лягу. То же мне, придумала – спать в одной постели с чужим мужиком. А если он лапаты начнёт, если за титьки схватить наладится, или чего ещё учудит?

У тебя вона какие мячики, а у меня – детский сад, вторая

смена, с половину кулачка. По-моему у тебя с головой не всё в порядке. Авантюристка ты, Надька.

– Машенька, Машута, Машулечка, ну что тебе стоит! Я же не боюсь, потому что знаю своего Антона как облупленного. А ты... ну, запустит разочек руку в твою промежность, бутончик пальчиком потрогает, от тебя не убудет. Может, удовольствие хоть раз в жизни получишь. Только ты это, побрейся. Он причёсок между ног не любит. Всё будет хорошо, обещаю!

Маша поняла, что подруга не отстанет. Она сопротивлялась, но неуверенно, робко. Надюха знала, как сломить сопротивление подруги. Столько лет вместе. Не умеет она отказывать, совсем не умеет.

Надежда уже грезилась, как Матиас разденет её, как будет играть железными мышцами, как прижмёт к совершенному атлетическому торсу, как восстанет при виде её аппетитных прелестей стрелка его гигантского компаса.

Ей уже теперь было хорошо. А будет ещё лучше, если удастся уломать пугливую Машку.

Если бы её, Надежду, попросили о такой малости, согласилась бы. Не глядя. Любила она вдыхать терпкие мужские гормоны, тащилась от телесного аромата с элитными самцами, особенно возбуждёнными и в меру агрессивными.

В конце концов, Машка сдалась. Тряслась как осиновый лист, но покорила. И всё же затеяла странную полемику.

– Вот объясни мне, глупой, непонятливой бабе, если смо-

жешь, конечно. Не догоняю я, хоть убей – если твой Антон хотя бы наполовину так хорош, как ты о нём рассказываешь, зачем тебе все эти гиганты и карлики с чудовищного размера эрегаторами? Ведь у тебя есть близкий родной человек. Он доверяет тебе, любит, ценит, умеет делать то же, что одноразовые любовники, которых ты даже разглядеть как следует, не успеваешь. Ты его не любишь?

– Тебе Машута не понять, потому, что сравнивать не с чем. Опыта маловато. Ты же ни с кем, кроме мужа, который свой бесценный мужской потенциал направо налево раздавал, ни разу не кувыркалась. Мужики – продукт отчасти стандартный, в том смысле, что состоят из одинаковых запчастей, но встречаются уникальные экземпляры.

– В чём тогда интерес, если станки и инструменты одинаковые, или я что-то путаю?

– Понимаешь, подруженька, среди множества заурядных любовников встречаются виртуозы, которые из обычной скрипочки извлекают поистине божественную мелодию. Раздевает тебя так же, ласкает так же, а музыка звучит где-то внутри такая – мозг превращается в кисель, в густой сладкий сироп, а тело и всё прочее в бесконечную как пустыня эрогенную зону.

Ты плывёшь в этой патоке, сучишь от удовольствия ножками, стонешь, не в силах сдержать эмоции, истекаешь соками и тонешь, тонешь в потоках блаженства! Тут такое начинается... трясёт и колотит так, что из сознания выпадаешь

по несколько раз кряду, в мистический транс впадаешь, теряешь пространственные и временные ориентиры, оргазмы один за другим ловишь без остановки. Чем сильнее и глубже – тем слаще.

Да кому я всё это пою! Машка – ты же дитя неразумное. Вот скажи – хоть раз от любви голову теряла?

– Наверно да. Не помню. Антон так не умеет?

– Умеет, ещё лучше. Так да не так. Всё дело в разнообразии, в новизне. Я люблю сумасшедшие скачки, напор, грубость, изобретательность, страсть. С ним я никогда не умру от сексуального голода, но и деликатесов не отведаю. Зачем я тебе всё это рассказываю? Машка, родная, лучше один раз попробовать, чем сто раз услышать. Рекомендую. Хочешь – познакомлю с таким виртуозом – обкончаешься?

– Не-не, я как-нибудь сама справлюсь. У меня аппетит другой – умеренный. И интересы иные. Терпеть не могу мимолётных отношений без духовного единства, без настоящей любви.

Как бы там ни было, подмена тел прошла без сучка и задоринки. Антон хрюкнул, возложил на Машку ногу, чмокнул в шею, захрапел и через пару минут повернулся к ней спиной.

У неё затекла спина от напряжения, свело от страха живот, ужасно захотелось писать. Наверно от страха.

Циферблат электронных часов словно застыл. Время неумолимо стояло на месте. Минула, казалось, половина ночи, а таймер упрямо показывал, будто Надежда улизнула в

самоволку всего час назад.

Машка готова была разрыдаться, ещё лучше украдкой отправиться домой. Хуже того, она вдруг представила, не хотела, само так получилось, что Антон начал к ней приставать.

Удивительно, но женщине стало вдруг так хорошо от нечаянно закрывшейся в настороженное сознание непутёвой мысли, так сладко, что она бессовестно потекла.

Это был провал, равносильный тому, что случился у Штирлица и Кэт в известном сериале.

Маша промокнула вязкую субстанцию ладонью, поднесла к носу, лизнула. Ей показалось, что вся комната моментально пропахла пряным запахом похоти.

Она вытирала сок рукой, чтобы избавиться от постороннего запаха, и слизывала, промокала и слизывала, с трудом задерживая дыхание. Сердце выпрыгивало из грудной клетки, но следы “преступления” необходимо было срочно ликвидировать.

Антон шумно принюхался, а у Машки провалился и застыл как лёд на реке зимой пульс.

Мужчина повернулся, зарылся лицом в её причёску, смачно поцеловал в шею, медленно провёл рукой по бедру до талии... и отвернулся.

То место, до которого Антон дотронулся, и поцелуй на шее, горели огнём.

Спустя некоторое время мужчина начал вертеться, шумно дышать, потом опять раздался богатырский храп, от ко-

торого он и проснулся.

У Машки от его акробатики предательски задралась слишком короткая ночная рубашка, прикрывающая только спину.

Антон повернулся, прижался, почувствовал горячие пончики разомлевшей под одеялом попы, вдохнул запах разгорячённого Машкиного тела, отчего у него моментально возникла эрекция, которую Мария мгновенно ощутила уязвимо впечатлительной нежной кожей.

Руки спящего мужчины привычно заскользили по бокам невольной жертвы (он же не ведал, кого ласкает), сосредоточились на груди, форма и размер которой вызвали секундное недоумение, которое тут же рассеялось, поскольку соски под пальцами Антона мгновенно превратились в спелые вишни, усилившие многократно возбуждение.

Ещё секунда и Машка заорала бы от страха.

Она готова была провалиться сквозь землю, сдаться на милость победителя, рассекретить своё инкогнито, но подвести подругу не могла даже под страхом смерти.

Пришлось терпеть изуверскую пытку.

Антон тем временем действовал в привычном алгоритме, практически на автомате, можно сказать, не просыпаясь: одним движением повернул Машку на спину, нагло раздвинул и задрал вверх её ноги.

Девушка боялась оказать сопротивление, выдать себя хоть чем-то. То, что могло произойти, пугало, но возможность

разоблачения была гораздо страшнее.

Мужчина с наслаждением, которое выдал чувственный стон, поцеловал затвердевшую, болезненно отреагировавшую на вторжение грудь, отчего по её телу разлились сладость и слабость, а дыхание стало горячим и частым.

Губы Антона мягко прошелестели по её напряжённому животу, слизнули с раскрытого наполовину бутона страсти капельку выступившего от невольного эротического напряжения густого сока.

В ход тут же бесцеремонно, нагло пошли умело направляемые в самые сокровенные уголки тела руки.

Мужчина явно просыпался.

Сопротивляться, искать экстренный выход, что-то делать – было поздно.

Желание Антона выросло, уплотнилось и уверенно направилось внутрь спелого плода желания. Это выходило за рамки договора с Надей, но как остановить опасную игру, Маша не знала, потому доверилась неумолимому ходу событий, который от неё почти не зависел. Мало того, её разрывало надвое любопытство, требующее испытать новые необъяснимо приятные ощущения.

Мария вдруг вспомнила, что именно про недюжинную силу Антона рассказывала подруга. Она поняла, что сейчас произойдёт нечто из ряда вон выходящее, что плакать и плакать сегодня придётся не Надежке, а ей, что приближается именно тот случай, про который подруга говорила – лучше

один раз попробовать.

Но одно дело слушать, совсем другое – участвовать в разврате, который не входил в её планы.

Антон был нетерпелив и стремителен, но внимателен и нежен одновременно.

Прошло меньше минуты как они слились воедино, а Машка уже наглухо, без единой возможности выбраться на поверхность, провалилась в судорожную эйфорию немислимой силы, переместившую эмоциональный восторг и чувственный экстаз за грань понимания.

Следом блаженное состояние накрыло её ещё раз, и ещё, и ещё.

Её вероломно трясло, колотило ощущение присутствия внутри незнакомого, чужого, но до неистового трепета приятного.

Несколько раз Мария теряла сознание, дважды проваливалась в глубокий мистический транс, бессовестно ловила оргазм за оргазмом.

Несмотря на испуг, на прямое предательство в отношении подруги, на уверенное знание, что это прелюбодеяние, блуд, она утопала в сладком блаженстве, вспомнив вдруг про сладкий сироп и восторженное сучение ножками от наслаждения процессом.

Всё, что она чувствовала, совсем недавно талантливо описала ей Надежда.

Машка теперь не просто лежала – активно участвовала в

изумительно вкусной любовной игре, настолько яркой эмоционально и физически, что не могла сдержать чувственный стон.

Антон, несмотря на крайнюю степень возбуждения, на стремительное приближение к очередному финалу, неожиданно осознал, что происходит нечто нереальное, почувствовал, что упражняется эротическими танцами явно не с женой.

Сила интимных мышц партнёрши, эластичность и гладкость кожи, гибкость стана, упругость груди, запах тела – всё это не вписывалось в привычные рамки. Такого удовлетворения, такого азартного кайфа он не испытывал прежде никогда.

Это было очевидно.

Свою женщину Антон узнал бы из тысячи. Это явно была не она.

Неужели всё происходит во сне?

Но нет, вот же она, самая настоящая готовность разрядиться запасом семени, скопившимся за неделю воздержания. Подобный взрыв невозможно испытать виртуально, во сне.

Мужчина, не сдержавшись, выстрелил во влажную глубину, чертыхнулся.

Девушка напряглась, оттолкнула Антона от себя и заплакала. Он стремительно протянул руку к ночнику, включил свет.

– Машка... что ты здесь делаешь, дурёха... а Наденька... Надюха где! Я чего-то пропустил, чего-то не знаю?

Доходило до него медленно, но больно.

Причина, по которой подруга жены могла оказаться в его постели могла быть только одна – измена. Впрочем, и он хо-рош!

– Ты всё знала и молчала... почему... почему не отказала мне? Машка-Машка... с кем она сейчас кувыркается, кто он?

– Я не могу, не могу ничего тебе рассказать. не могу подвести подругу! Я обещала.

– Ты уже помогла её разоблачить, понимаешь – уже! То, что мы сейчас испытали... для меня это не было игрой. Мы реально наслаждались друг другом. Скажи, Мария, почему ты рассталась с мужем, только откровенно, без ваших эффектных женских штучек.

– Я поняла, что не умею прощать предательство и обман, не хочу делить любимого с кем-то ещё, не желаю рисковать личным здоровьем, принимая интимные ласки от человека, который может дарить их сразу многим.

– Тогда объясни – что было сейчас! А ты... ты разве никогда не изменяла?

– Нет. У меня до тебя был лишь один мужчина. Я любила его, была уверена, что он меня тоже. Маша уверяла меня, что моя задача – лежать и пахнуть. Откуда мне было знать, что ты меня изнасилуешь!

– Ну, ты даёшь, подруга, сама залезла ко мне в постель, сама дала. И ревёшь теперь, словно я разорил твою девственность. Чудеса! А ведь ты... ты не притворялась. Тебе было хорошо. Так ведь!

– Не спрашивай, не знаю! Мне так стыдно.

– Глупости. Ты взрослая девочка, знала, на что идёшь. По мне, так это ты меня соблазнила. Но я даже рад. Знаешь, Машка, я только что, благодаря тебе понял, что тоже не умею прощать. А тебе теперь не смогу изменить даже с ней, с Надюхой. Скажи, ты смогла бы меня полюбить, только не ври!

– Это было бы нечестно по отношению к подруге. Но ты мне нравишься, всегда нравился, не скрою. А после того, что я испытала... я была бы счастлива... повторить, продолжить. Но это невозможно. Невозможно, потому, что нечестно, гадко!

– А она, Надька, по отношению к тебе, правильно поступила, честно, по-дружески! Неужели не понимаешь, что она тебя подставила, что ваша игра в подмену могла закончиться как-нибудь иначе, не знаю как, но не столь романтично.

Сложно, однако, разговаривать без штанов о серьёзных вещах, тем более, когда напряжение не спадает, а усиливается от предельной близости. Такого восторга я прежде не испытывал. Машка, да ты прелесть!

Антон беседовал с Марией, не выходя из неё. Разговор продолжался, а сила страсти не ослабевала. Маша, впрочем, Антон тоже, не вполне осознавали, что делают. Им было хо-

рошо и только.

Воздух комнаты был насквозь пропитан концентрированным запахом похоти. Остановить бурлящие гормоны было немыслимо. Страсть воспламенила нечаянных любовников и поглотила под пучиной чувственного дурмана.

Тихонечко прокрадываясь в это мгновение в квартиру Надежда, чтобы не разбудить ненароком мужа, уловила запах страсти ещё в коридоре. Привыкнув к темноте, она по-кошачьи бесшумно проникла в спальню.

Увидев Антона, под которым чувственно изгибалась и стонала Машка, она едва сдержалась, чтобы не закричать. Ей стало невыносимо дурно от подсмотренной сцены, обидно до дурноты. Выглядела картина разврата чудовищно, гадко.

Одно дело изменять самой, совсем иное – собственными глазами увидеть, как лучшая подруга ублажает мужа. Или он её – в темноте не разберёшь.

Как ни старалась Надежда быть незаметной, ей это не удалось. Антон почувствовал её приближение по движению воздуха, по знакомым вибрациям и еле уловимым звукам в тот момент, когда жена осторожно открывала дверь. Он намеренно не стал прерывать интимную игру, превратив любовный поединок в неразрешимую семейную драму, чтобы упростить неизбежное расставание.

– Какая же ты дрянь, Машка! Воспользовалась ситуацией, разбила семью. От кого от кого, от тебя такой подлости не ожидала, – прошипела Надежда, когда Антон включил ноч-

ник, – видеть тебя больше не желаю, гадюка, вон отсюда!

Мария, натянув до подбородка одеяло, сидела в кровати и тряслась как осиновый лист. Она не могла осмыслить в такой ситуации свою роль: кто она, почему оказалась меж двух огней! Как же дорого обходится глупость, неумение сказать твёрдое “нет”.

Антон вёл себя решительнее. Ведь это не он изменил, его обманули, причём настолько цинично, что сложно представить.

– О разводе поговорим завтра. А теперь иди, погуляй, мы ещё не закончили.

Самым обидным было то, что баскетболист в постели не произвёл на Надежду ровным счётом никакого впечатления. Гора мышц оказалась безвольной, мягкой.

Подарок Деда Мороза

*Любви все возрасты покорны
и эта истина бесспорна.*

*Пока душа – хозяйка тела,
для чувств, поверьте, нет предела.*

*Пусть к зрелости ведёт дорога
и зимний возраст у порога,
спешите жить и жизнь любите,
от одиночества бегите!*

Светлана Доровских

На последней электричке Денис ехал в дачный посёлок, чтобы увидеть её, Софью Витальевну, женщину-мечту, с которой не виделся бесконечно долгие десять лет.

Честно говоря, мужчина ужасно боялся опоздать.

Глядя на мелькающие огоньки и смутные силуэты, проплывающие за окном, он представлял себе пьяняще-заораживающий облик, пробуждающий прекрасные воспоминания и сладкую истому, пытался угадать, как она выглядит, как отреагирует на его появление.

Что с того, что тогда ему было семнадцать, а ей двадцать восемь, если любое напоминание, будь то болотная трава под цвет глаз, капелька воды на оконном стекле, аромат спелых персиков, рассветное пение жаворонка, первый луч солнца, грозная туча или густой туман до сих пор оживляют роман-

тический облик этой необыкновенной женщины.

В тот год Денис лишь изредка приезжал в дачный посёлок, чтобы побродить по перелескам, посидеть с удочкой в скрытой кустарником заводи, накупаться вдоволь. Мальчишкой, даже юношей, он не любил шумные компании, черпая жизненную энергию в уединении.

Жизнь и пристрастия радикально изменились, когда Денис увидел Софью Витальевну, соседку по даче, стыдно сказать – купающуюся на песчаном мелководе, окружённом тростником и ивовым кустарником, голышом.

Было настолько раннее утро, можно сказать первые проблески зари, когда даже птицы не подают ещё своего голоса, когда лепестки ромашек усыпаны бисером серебряных капель, когда стрекозы и бабочки, отяжелевшие от обильной росы, дожидаются пробуждения, притаившись на травяных стебельках.

Денис шёл босиком сквозь туманное марево на прикормленное для рыбалки место под раскидистой ракитой, свисающие ветви которой любовались своим отражением в зеркале тихой заводи, когда услышал плеск воды и еле слышное пение.

Желание посмотреть на источник звуков, точнее подсмотреть, поскольку мелодичные вибрации явно принадлежали молодой женщине, родилось внезапно.

Дальше Денис крался, пока не разглядел в молочной пелене подвижный силуэт, при виде которого юноша забыл, за-

чем шёл.

Скрывшегося за корявым ивовым стволом наблюдателя купальщица не видела, потому вела себя непринуждённо, свободно.

Проплыв десяток метров Софья Витальевна вернулась на песчаную отмель, встала во весь рост. Вода скрывала обво- рожительное тело до пояса, но того, что было открыто взору, хватало, чтобы у Дениса перехватило дыхание. Живую девичью наготу он видел впервые.

Туманное утро с зарождающимся солнечным светом нежным шёлком струилось по прекрасным изгибам. Восхитительно запретное зрелище изумило, очаровало, поразило, шокировало.

Он понимал, что подглядывать украдкой равносильно краже, но оторвать взор от бесстыдных движений бережно ласкающей себя женщины был бессилён.

Когда нимфа вышла на берег, обнажив скрытое прежде великолепии плавных линий, принялась обтираться, прыгать на одной ножке, чтобы освободиться от капель, попавших в уши, Денис чуть не застонал, настолько сладострастным было греховное зрелище.

О рыбалке пришлось забыть: его лихорадило. Кипящая кровь пульсировала в возбуждённом теле, рождая удивительно приятные, но постыдные желания.

Отныне Денис стал хранителем чужой тайны, забыть которую было невозможно: она будоражила воображение, пре-

вращая мелькающие мысли в зримые образы и чувствительные эмоции, пульсирующие в теле как сама жизнь.

Софья Витальевна отправлялась на речку почти каждое утро. Денис ждал её на берегу в тщательно скрытом от глаз, специально для этой цели оборудованном тайнике, решив, что городскую суету и мелкие проблемы можно забыть на время ради такого наслаждения.

Теперь он был предельно осторожен.

Так продолжалось довольно долго, пока юноша не понял, насколько несправедно его поведение относительно женщины, которая из объекта наблюдения превратилась в романтическую мечту.

Однажды Денис не стал скрываться и скрадывать соседку как дичь: встретил её утром у калитки и признался во всём.

Софья, так они в тот день договорились, покраснела, выдав тем самым смущение и растерянность, но справилась с эмоциями, только пожурила шутливо, – поклянись, что больше никогда так не поступишь, проказник.

Денис дал зарок, даже всплакнул, поскольку считал себя авантюристом, даже мошенником. В то утро Софья купалась в одежде и не одна.

Соседка жила на своей даче постоянно: свободная профессия и мобильные средства коммуникации позволяли не контактировать с внешним миром месяцами, творческий потенциал не нуждался в подпитке извне.

Дениса с его юношескими проблемами и романтическим

комплексами Софья Витальевна приняла легко: он не мог повлиять на мировоззрение, разрушить гармонию связи с природой, распорядок дня и творческие цели.

Она была сформированной духовно и физически личностью, прошедшей в своё время через долину любви, через дебри семейной жизни, через предательство и боль, могла себе позволить бесхитростные отношения с восторженным мальчишкой.

Что с того, что он грезит о любви и пылает страстью? Пока не созрела дерзкая циничная похоть, не получен опыт обратного тщеславия, пока вождение и жажда новизны не превратили его в ненасытного монстра, юный мужчина остаётся ребёнком, из которого можно вылепить что угодно.

Софья была права лишь частично: Денис был способен грезить лишь о том, что уже испытал, а ведь он даже не целовался ни разу, разве что в щёчку, представления не имел о том, что и как происходит при прикосновениях, объятиях, нежных физических ласках.

Бояться, что он сходу превратится в мужчину, не было повода, но химия любви уже проникла в кровь и плоть, наполнила мозг флюидами желания, концентрированными маркерами, способными замкнуть цепь, посылающую импульсы любви.

Мысли и желания Дениса замкнулись на образе Софьи, который расширялся день ото дня, пока не сравнялся в объёме с размером Вселенной.

Утром он провожал соседку на пляж, днём добывал букеты полевых цветов, которыми украшал окна её домика, до вечера сидел в тени, наблюдая за окнами и дверью в предвкушении прогулки с ней вдоль пшеничного поля и берёзовой рощи, мечтая, что Софья выйдет за колодезной водой или в сельский магазин за продуктами.

А как хотелось юноше побывать в таинственном доме, увидеть скрытую жизнь женщины-мечты. Сколько раз Денис порывался прокрасться, заглянуть в окна, но вспоминал о данном Софье Витальевне слове и останавливался, ограничившись виртуальным путешествием по недоступным pokojам.

Времени на фантазии было предостаточно. Юноша сочинил целый мир, в котором жила та, кого он боготворил.

– Я люблю тебя, – как-то раз выдавил он из себя на прогулке, пылая лицом от признания.

– Дурашка, я гожусь тебе в мамки.

– Пусть так, всё равно люблю, – сказал немного увереннее и убежал на берег.

Софья Витальевна отыскивала его, вытерла с лица слёзы, расцеловала, как когда-то давно делала мама, обняла, села рядом.

– Думаешь, я тебя не понимаю, Денис? Ещё как понимаю. Первая любовь, это такая... это такое... не знаю, как сказать. Этим нужно переболеть. Мне сейчас двадцать восемь, тебе семнадцать. Через десять лет я стану старушкой, ты превра-

тишься в настоящего мужчину. Не думай, я тебя не гоню. Пойми, слово люблю – лишь слово. Скажи, мой юный друг, чего именно ты ожидал от меня, делая такое серьёзное признание?

– Хочу любить тебя, видеть каждый день. Целовать, обнимать, дарить цветы.

– Замечательно. Так делай это: дари, обнимай, люби...

– Хочу жить рядом, вместе: помогать, гулять, прибираться, готовить, спать.

– Давай помечтаем. Предположим, сейчас идём к твоим родителям и сообщаем, что любим друг друга. Представил? Что скажет твоя мама, ведь тебе семнадцать? Начнёт кричать, топтать ногами, грозить судом за соращение несовершеннолетнего ребёнка. Как тебе такой расклад? Вот, любимый... мне почему-то не хочется в тюрьму.

– Мы никому не скажем.

– Предлагаешь играть в любовь тайком? Мечтаем дальше: кто-то увидел, что мы целуемся. Сплетники разнесут эту вестъ на весь мир. Меня объявят извращенкой, преступницей. Опять тюрьма. Давай не будем рисковать: ведь ты меня любишь, так? Подождём, пока подрастёшь, потом вернёмся к серьёзному разговору. А пока будем купаться, загорать, ловить рыбу, собирать грибы, гулять. Зимой будем писать письма, фантазировать, записывать в дневники свои эмоции. Согласен?

– Ты сказала, что обнимать можно, так?

– Поймал-таки на слове. Да, можно... только не как мужчина и женщина, как мама и сын.

Разговоры и прогулки занимали всё больше времени, рождая новые желания, новые сомнения и вопросы.

Денис под влиянием старшей подружки взрослел, становился мудрее и терпимее, хотя по ночам его распирало от неосознанных желаний, сновидения заканчивались сердцебиением и поллюциями.

В позитивном направлении менялась и Софья, слыша ежедневно слова любви, ловя восхищённые взгляды, вздрагивая от случайных прикосновений, загораясь и плавясь от как бы отеческих поцелуев, которые вихрем закручивали мысли, вызывая столь активный отклик в жаждущем нежности теле, что порой готова была не просто отдаться – изнасиловать Дениса.

Признаться себе в том, что влюбилась в ребёнка, было невысказано.

Внезапное завершение лета, начало учёбы, заставившее мальчишку вернуться в город, принесло временное успокоение, только процесс зарождения любви остановить оказалось невозможно.

Купаться теперь было холодно, но Софья продолжала утром ходить на берег. Днём она невольно искала на подоконниках букеты ромашек и лютиков, вечером проходила маршрут, по которому гуляла с любимым.

Да, именно так: теперь она не стеснялась признаться в

том, что давно забытые чувства вновь поселились в душе и теле.

Одинокими бессонными ночами Софья делилась эмоциями с дневником, писала стихи (боже, какая глупость – накручивать себя романтическими ритмами) и письма, которые некуда было отправить, мечтала и грезила.

Послания от Дениса приходили регулярно: сначала каждый день, позже – раз в неделю. В них было столько тоски и боли, эротизма и чувственности, сладострастия и соблазнов, что сердце разлеталось на мелкие кусочки как хрупкая хрустальная посуда. Сладкая истома терзала возбуждённую плоть, наполняя окружающее пространство и её саму чем-то воздушным, горячим, лёгким, отчего вкусно кружилась голова, потрясающе чувственно пульсировало и таяло между ног.

Софья собрала волю в кулак, дала себе слово, что забудет, поскольку этот плод недосыгаем и горек, сожгла дневники и свои письма, но оставила его весточки, притворно убедив себя, что нельзя распорядиться чужими чувствами.

Оказалось, что закатать в асфальт забвения живой росток совсем непросто: душа или некий неизвестный орган, хоть и был ампутирован, болел.

Софья осунулась, исхудала, перестала читать письма Дениса.

В апреле он неожиданно приехал: возмужавший, румяный, весёлый. Женщина пыталась отрезать его как сухую

ветвь, но увидела и поняла, что бессильна убить живое.

– Здравствуй, любимая, – воскликнул мальчишка и обнял, но не как мать – чувственно, нежно, отчего сердечко её затрепетало, выпрыгнуло наружу, породило в теле живую пульсацию, вызвало поток слёз.

– Что же ты плачешь, родная, я приехал. Мне исполнилось восемнадцать, меня теперь можно сколько угодно любить. Ты рада?

Софья не понимала, что делать. Она была в отчаянии.

Денис начал выкладывать на стол снедь, завалил деликатесами весь стол.

– Сегодня наш день, Софочка, ты ведь меня не прогонишь?

В этот вечер они не пошли гулять: столько всего нужно было рассказать друг другу, столько передать прикосновениями и поцелуями.

Три дня Денис пробыл с любимой. Три дня.

После школьных экзаменов и выпускного вечера Дениса забрали в армию. Война. Потом он подписал контракт, участвовал в боевых действиях за границей, раненый попал в плен.

По возвращении на родину его обвинили в измене, шпионаже, позже обнаружили ошибочность улик, реабилитировали.

Теперь ему было двадцать восемь лет, как когда-то Софье. Значит ей теперь тридцать девять.

Люди стареют неодинаково: есть те, кто в пятьдесят выглядит на тридцать, другие в тридцать – на пятьдесят. Денис не мог представить любимую иначе, чем в тот год, не знал, ждёт или нет, обрадуется или прогонит: ведь она ничего о нём не знала.

Ночь вступила в свои права. Дом стоял на прежнем месте. В окнах горел свет. В кухне за занавесками двигалась пара теней.

– Не дождалась, – огорчился Денис, – наверно правильно. Ну и пусть, я уже не тот застенчивый мальчик. Загляну, порадуюсь за неё, посмотрюсь вдоволь и исчезну... с глаз долой, из сердца вон. И всё же жаль.

Мужчина постучал в окно, подошёл к двери.

– Денис, – удивилась Софья, – вот кого не ожидала увидеть. Как ты... какими судьбами. В тот год вашу дачу продали, о тебе ни слуху, ни духу.

– Пустишь?

– Дай насмотрюсь. Заматерел, возмужал, тоска в глазах.

Проходи.

– Кто у тебя, замужем?

– Вовсе нет. Ребёнок, сын, Виталий. В честь моего папы назвала. Твой сын, Денис... твой.

Софья прильнула к мужчине, обняла, пустила слезу.

– А ты... женился, нет... дети. Почему молчишь? Я ждала тебя, понимаешь, ждала... а ты! Ладно, чего уж там. По пути

заглянул или ностальгия замучила? Проходи уж, бродяга. С сыном познакомлю.

– Софья, погоди. Про жизнь позже поговорим. Сейчас признаться хочу. Помнил я, все годы только о тебе и помнил. Люблю я тебя. Нет, не так. Я тебя люблю! Прости меня и выходи замуж.

– Дурашка! Я и так замужем. Виталику девять лет уже. Как же я соскучилась!

Прививка от любви

*Я соскучилась так,
как скучают зимою по солнцу.
Ты ушёл по-английски.
И даже не заперта дверь.
Кто теперь мы друг другу –
знакомые ли? Незнакомцы?
Две аморфных души,
заплутавших в слоях атмосферы.*

Мириша Мирошниченко

Настроение было ни к чёрту, так бывает.

Огорчения и разочарования тянулись клином, как стая перелётных пернатых.

Сначала Анюта, Витькина девушка с завидным любовным стажем, к которой он успел прикипеть всей душой по причине её скромных притязаний, восхитительного бесстыдства в постели, и покорной нежности, начала вдруг выносить мозг глупыми монологами о том, что пора подумать о будущем.

– О чём речь, девочка, о свадьбе... да кто мы такие, чтобы совершать опрометчивые поступки? Можно подумать, тебе подарков и секса не хватает. Оглянись вокруг: семейная жизнь, это бесконечные проблемы, скандалы, и разводы. Хочешь потерять любовь – женись. Нам с тобой это надо, малыш?

Ладно бы только это. На фирме анонсировали сокращение штатов, а у него два выговора, прогулы, и ипотека.

Шефиня, собака страшная, смотрит масляными глазками, намекая полуулыбкой, вульгарными жестами, и недвусмысленными коммерческими предложениями, на интим, словно он шлюха какая.

Ей сорок пять, ему двадцать шесть. Затеяла зараза игру в кошки мышки, и жмёт.

Анюта тоже не подарок, но в сексе бесподобна, потому и встречается он с ней скоро год.

А свобода?

В принципе, таких девчонок не бросают, но ведь известно – лучшее враг хорошего. Вдруг когда-нибудь повезёт встретить девочку-мечту, чтобы кровь с молоком, ангельский характер и полная системная совместимость. Таковую, чтобы мурашки по телу, чтобы от одного взгляда волосы дыбом вставали, чтобы дух захватывала... и без претензий.

Нет наверно таких. Но очень хочется.

И что получается? Надену брачные вериги, остепенюсь, затоскую, а она... та самая мечта, по извечному закону подлости, выплывет из тумана, улыбнётся... а у меня руки связаны.

Не нагулялся я ещё, не насытился. А ну как упущу единственный шанс стать по-настоящему счастливым.

Короче, наговорил Аньке всякого. Самому стыдно.

Как она не поймёт – нельзя на человека довить, нельзя!

Теперь работу, скорее всего, искать придётся. Не жиголо же я, чтобы на шефиню ради места под солнцем взгромоздиться, она мне в матери годится.

Или всё же жениться? От добра, добра не ищут. Она же хорошая, Анята, добрая... до мечты самую малость не дотягивает.

Ещё эта рыжая какого-то лешего уставилась. Скоро дырку глазами бесстыжими просверлит.

Села с подругой за соседний столик вполоборота, ногу на ногу закинула, обнажив шикарную ножку в возбуждающе игривых чулочках. Дым пускает, манипулируя сигаретой так, словно не её, а нечто более соблазнительное в рот берёт. Пальчиком по ножке бокала чувственно водит, водит, позы соблазнительные демонстрирует. Намекает что ли?

Впрочем, выглядит девочка неплохо, хотя года на три старше меня.

“Да на кой хрен она мне сдалась? В себе бы разобраться. Куда ни кинь – везде клин. Что Анята с матримониальными замашками, что извращенка Эльвира с бордельными намёками. Не-сво-бо-да это, принуждение, неволя!”

А эта, что напротив, напряглась, приосанилась, словно манекенщица на подиуме. Попку забавно отклячила, соски протыкают тонкую ткань полупрозрачной струящейся материи, под которой нет бюстика. А тыквы у неё ничего так себе – упругие, и форма... самое то, что надо. Губки поцелуйные, ямочки на щеках, зелёные глаза в половину лица.

Ресничками хлоп-хлоп. Недотрогу изображает. Чем не мечта?

Да пошла ты! Хоть наружу титьки вывали, хоть стриптиз станцуй – мне плевать, не до тебя.

Тоже мне – королева Шантеклера, Лёля-пора – сексуальная забавница.

Господи, чего я себя накручиваю, словно связали, и насилюют? Этой, в лабутенах, до меня наверняка дела нет, сам чего-то придумал.

Вот возьму и заарканю. Назло, чтобы неповадно было порядочных мужиков соблазнять. Подойду и...

Интересно: даст или продинамит?

Такую запросто не раскрутишь: дорого, одета со вкусом, ведёт себя непринуждённо, довольно скромно, хотя кое что в ней раздражает. Например, привлекающие излишнее внимание чулки, распущенные по плечам огненно рыжие волосы чуть не до пояса, яркая помада, зелёные глаза.

И сигарета... минетная какая-то, нарочито неприличная.

Странное сочетание благочестия и похоти в одном флаконе.

Вот и опустел графинчик вискаря. Придётся идти к бармену.

Собственно, почему придётся? Очень даже кстати. Пройду мимо, уроню зажигалку, или купюру, попытаюсь дотронуться. Любопытно, чем она пахнет.

Наверняка что-то необычное. В ней всё какое-то необыч-

ное, то ли с перчинкой, то ли с изюминкой.

Витька картинно раскрыл портмоне, вытащил из него сотню баксов, и “уронил” на колени незнакомки.

– В воздухе кружила бриллиантовая пыль, – прошептала, мило улыбаясь, хлопая пушистыми ресничками, прелестница. Осень жизни... тоска по утраченной молодости, ссора с любимой, плакап... ваша зелень?

– Извините, синьорина, как я неловок. Придётся реабилитироваться за неуклюжесть. Вино, шампанское, ликёр, вермут?

– Сегодня предпочитаю Бейлис. У меня игриво-карамельное настроение. Удачный ход, юноша, аплодирую. Домашняя заготовка или экспромт?

– Вы о чём?

– Ну-ну, проказник, я не так наивна, как может показаться. Прощаю на первый раз. Софочка, как ты отнесёшься к тому, что молодой человек за нами поухаживает?

– Если только обещает не приставать, я сегодня не в настроении.

– Что вы, леди, исключительно светская беседа. Рад познакомиться. Виктор Игоревич... Сурайкин. Логист, маркетолог, и немного программист, самую малость.

– А я подумала – коварный сердцеед, ветреный повеса, охотник за неосторожными девушками. И какими же духовными мыслями будем обмениваться?

– У каждого свои предпочтения, своё хобби. Тема диало-

га за вами. Можно поговорить о любви. Относительно моего легкомыслия вы ошибаетесь, милейшая. Предпочитаю устойчивое постоянство, умиротворение и гармонию.

– Даже так! Неважно. Если вы не искатель приключений, то кто?

– Философ, мечтатель, неисправимый сентиментальный романтик.

– Любите размышлять на тему – даст или не даст?

Витькины мысли немедленно выдали красные уши, хотя в остальном он был практически спокоен.

– Ясно, юноша. Об этом позже. Несите сюда обещанные напитки. Вы меня заинтриговали. Да, меня зовут Эва. Не Ева, а Эва, запомните. Такая фантазия взбрела в голову папе.

Разговаривать с новой подружкой было легко, если не обращать внимания на острый язычок, и весьма оригинальное мировосприятие.

Она была умна, проницательна, иронична, и шаловлива, что было интересно само по себе.

Спустя час за Софией заехал приятель.

Ещё через половину часа непринуждённой беседы, когда закончился и вискарь, и Бейлис, Витька запросто обнимал слегка опьяневшую Эву за тонкую талию, что пробуждало желание действовать более настойчиво.

– Виктор Игоревич, похоже, мы дошли до нужной кондиции. Теперь самое время поговорить о любви и дружбе. Как порядочный мужчина, поле всего того, что между нами

было, вы просто обязаны... не делайте круглые глаза, юноша... обязаны проводить меня до дома. И не только. Кстати, я ужасно, чудовищно, до колик в животе... боюсь одиночества. Особенно с пятницы на субботу ночью.

– Простите, Эва Леонидовна, давайте уточним регламент. Не люблю грубо пересекать пределы охраняемых добродетелью территорий: целомудренность, скромность, и всё такое, только по обоюдному согласию, только по любви.

– Экспромт, мистер сентиментальный романтик. Вдохновение, воображение, азарт, творческий поиск, мистический экстаз сокровенного познания. Не люблю людей, которые заблаговременно всё планируют. Вызывай такси. Нас ждут увлекательные приключения, головокружительные аттракционы и сенсационные открытия.

– Если после такой дозы, которую мы употребили, на романтику и авантюры хватит сил. Кажется, мы здорово нажрались.

– Самую малость, сударь. У меня открылось второе дыхание. Я готова... рвать и метать, настолько мне хорошо. А ты ничего, парниша, забавный! Вот что значит интуиция. Мне сразу показалось, что ты именно то, что нужно. И совсем не наглый.

Они шли, шатаясь, поддерживая друг друга. Виктор уронил телефоны, Эва сумочку.

Поднимая то и другое, новые знакомые хлопнулись лбами.

– Это знак свыше, прошептала Эва.

“Импровизация, вдохновение”, – предвкушал мужчина, – “это будет нечто... как же я её... это буде грандиозно, незабываемо. Какая женщина, просто мечта!”

В такси Витькины руки не знали покоя. Сначала он изучил от щиколоток до подола платья и оборки трусиков чулочки проказницы, затем непроизвольно, так вышло само собой, залез под платье, облизал оголённые декольте основания груди.

Как же Эва была горяча, как мягка, как обворожительна и возвышенно прекрасна!

От её сладковато-терпкого запаха кружилась голова.

Тело и волосы Эвы пахли смородиновым листом, экзотическими цветами, спелыми фруктами, и конечно сексом.

Не всем сразу, но оттенки того и этого чудились в разных пикантных местах, которых у неё было на удивление много.

Ароматы странным образом появлялись и исчезали, смешивались в разных пропорциях, возбуждали и манили, завораживали, лишая способности думать.

Разомкнув языком чувственные губы, вкусив капельку эликсира удивительного любовного нектара, Витька уже не был способен остановиться.

Он хотел Эву здесь и сейчас.

Если бы не водитель, кто знает, как далеко и быстро он начал бы экспериментировать.

Следующие несколько часов молодые люди предавались

безудержной похоти, устроив безумные скачки. Они без слов понимали малейшие импульсы и желания, исходящие друг от друга.

В каких только позах не совокуплялись возбуждённые нескрываемым интимным любопытством любовники.

Менялась интенсивность и глубина проникновения, сила и ритм слияния, нарастала страстность объятий и поцелуев. Желание не иссякало.

С Эвой можно было всё, не то, что с Анютой.

Не только минет, кое что куда круче.

Она была податлива, энергична, щедра. Обоюдные оргазмы следовали один за другим.

Эва стонала, извивалась, изредка вскрикивала, билась в конвульсиях, чем ещё сильнее заводила озверевшего от первобытной сексуальной агрессии партнёра.

Таким сильным и умелым любовником Витька никогда прежде себя не чувствовал.

Он ликовал, упивался триумфом, благодарил небеса за то, что в нужное время оказался в нужном месте; за то, что сумел побороть обычную застенчивость; за то, что вдохновенно, именно так, как нравилось Эве, импровизировал, чем доставил себе и ей несказанное наслаждения.

В минуту кратковременного отдыха, когда оба бесстыдно раскинув ноги, не стесняясь интимных подробностей анатомии и липких любовных соков, лежали на спине в облаке насыщенного мускусного тумана, когда Эва прикрыв глаза

закурила ментоловую сигарету, Витька так расчувствовался, что невольно объединил переживания до и после секса.

Он готов был заплатить чем угодно за состояние невесомости и безграничного счастья девушке, которая неожиданно и вдруг стала ему так дорога.

– Слушай, Эвочка, давай поженимся. Ты и я, мы такая замечательная пара. Ты невероятная, нереальная, сказочная, волшебная. Ты лучшая. А я... я буду самым нежным, самым усердным, бескорыстным и преданным.

– А давай, не давай. Встал, оделся... живо... жениться надумал! Три минуты на сборы.

– Это шутка, импровизация, розыгрыш?

– Имеешь в виду секс? Нормально потрахались, мне даже понравилось... местами. Спасибо за участие! Вижу, что всерьёз увлекаешься этим видом спорта, но секс для жизни не самое главное. Ты не в моём вкусе, малыш. Если честно – разочаровал сентиментальным предложением, просто взял, и опустил с небес на землю. Я ждала от тебя несколько иной реакции, дерзости, удали, агрессии. А ты сразу поплыл, как девочка.

– Ты мне понравилась... я всю жизнь мечтал...

– Сознайся, что врал относительно предложения жениться, себе врал, мне. Зачем? Ну, же... потом клял бы себя и меня, бегал бы, поджав хвост, прятался. Таких как ты, кто готов за острые ощущения чего угодно наобещать, я издали чую. А могли бы ещё пару часиков покувыркаться. Рас-

стались бы друзьями. Разве я давала повод думать, что могу связать жизнь с бесхребетным жиголом?

– Прости, как... хочешь сказать... будто ты меня технично и нагло развела на секс дешёвыми трюками, то есть, попросту сняла дешёвого парня? Намекаешь, что я обыкновенная шлюшка, что меня любая и каждая может заманить в постель чулками, губами, и аппетитными сиськами?

– Обрати внимание, юноша, это не я сказала, сам догадался. Только не заплачь, жалеть не стану. Меня от таких, как ты, мальчиков сунул-вынул, тошнит. Теперь меньше. Иммунитет наработала. Физиология порой требует праздника плоти, приходится уступать.

– Ошибаешься. Я не такой.

– Знал бы ты, чего мне стоила прививка от любви. Я ведь на, прости господи – подобных мальчиков, с некоторых пор каждую пятницу охочусь. Поначалу, когда увидела раздражение и задумчивость, подумала, что ты настоящий мужик: поспорил с любимой, маешься, что незаслуженно обидел.

– Ты что – экстрасенс, гадалка, ведьма... какое это имеет значение! Я же тебе, не ей, жениться предлагал.

– Большое, важное, мальчик, значение. Тебе-то по барабану, кому голову морочить, лишь бы без последствий для себя любимого. Потом я увидела похотливый блеск в твоих задумчивых глазах... дрожь в коленках, и поняла, что ты кобель и предатель, что взять тебя можно голыми руками, только помани. Решила провести эксперимент. Довольно удачно.

– Я поверил в твою искренность, в то, что понравился, что разбил твоё сердечко.

–Ещё бы. Я старалась играть реалистично. Не один ты хотел получить удовольствие. Сперму для убедительности проглотила, оргазмы артистично имитировала, по Станиславскому. А ведь ты так себе мужичонка: ведомый, с весьма слабой потенцией, но гипертрофированным эго. Как я уздечку на твою похоть ловко набросила, как лихо узелок на яйцах завязала, а потом вела как бычка на верёвочке. Любо-дорого. Теперь живи с этим знанием, мучайся. Не удивляйся, если в следующий раз у тебя в постели осечка произойдёт. Теперь всех баб бояться будешь, соколик.

– Почему ты со мной так?

– Сам догадайся. Такого же лицемера и паскудника любила, наизнанку перед ним выворачивалась, угодить старалась... а он. Впрочем, это совсем другая история, тебя не касается. Будь здоров, донжуан из Хаципетовки.

– Эва, ты неправильно меня поняла. Я серьёзно готов взять тебя в жёны.

– Правильно поняла. Взять он готов, ишь ты, а мои желания тебе интересны? Проваливай!

– Какая же ты стерва, Эва.

– Верно подмечено. Что выросло, то выросло. Если честно, горжусь, что не сломалась, что выкарабкалась. Боже, зачем я тебе всё это говорю, кому! Вот, полюбуйся на этот шрам. Вены резала, идиотка, жизни хотела себя лишить.

Мой милёночек так же как ты каждую упругую задницу, каждую тугую грудь взглядом облизывал, мастурбировал виртуально. И мне в вечной любви клялся. Верила, глупая баба.

– Давай хотя бы попробуем. Я обещаю...

– Обещать, не значит жениться. Ха-ха! Он тоже сулил небо в алмазах, море в Гаграх, а подарил унижение и боль. Когда забеременела, испарился: как сон, как утренний туман. Знаешь, что такое женская интуиция? Она мне подсказывает, что ты самый настоящий Троянский конь, ёмкость с двойным дном. Скажи, скольким дурёхам ты честное комсомольское слово дал, чтобы получить халявную дозу адреналина, лишая наивных прелестниц девственности? Не скажешь, потому, что кобель и лгун.

– Мужчина от природы полигамен, это не патология – физиологическая норма. И потом, никому я ничего не обещал. В любви признавался, было дело. По глупости. Откуда мне было знать, что такое настоящая любовь. Я и сам верил в то, о чём говорил.

– Пока не проверил. Уходи, я для себя всё решила... ещё тогда, когда меня бросили, как ссаную тряпку, с плодом любви в животе. Как же я истерила, как страдала... довела себя до хронической депрессии. Элениум, реланиум, нозепам, тозепам. А ребёночек так и не родился, выкинула. Наверно испугался появляться на свет с такой мамкой. Впрочем, об этом я не жалею. Как и том, что меня бросили.

– Анюта не беременна, просто замуж хочет.

– А я о чём... почему ты не её, а меня замуж зовёшь? Потому, юноша, что нет в тебе мужского стержня. Ответственности боишься.

– Да нет, торопиться не хочу, ошибиться. В мире столько интересного. Поспесишь – людей насмешишь. Себя в первую очередь.

– Всех девочек трахнуть невозможно, но стремиться к этому нужно, так? Пусть уж они ошибаются. Нет, мальчик, второй раз меня никому облапошить не удастся. Я с судьбой, с реальностью и счастьем, договориться сумела. Я их не трогаю – они меня. Если тебя имеют, пусть даже в грубой форме, стоит попытаться испытать кайф, получить толику наслаждения, тогда можно убедить самого себя, что это было не насилие, а альтернативный опыт, акт познания. Мы оба получили, чего хотели: вполне качественный секс. Обидно, что не ты, а тебя, мужика, поимела? Так бывает, это взрослая жизнь, сынок.

– Ты реально извращенка. Я про любовь говорю.

– Вовсе нет, скорее реалистка с опытом цинизма и скепсиса. Секс мне действительно нравится. Не могу отказать себе в удовольствии покувыркаться в постели с пользой для здоровья. Разве не это тебе нужно от своей, как её, Анюты, а?

– Причём здесь она?

– Вот и я говорю, какого лешего ты ко мне привязался?

Продолжения банкета не будет. Ты плохой мальчик.

– Да пошла ты!

– И тебе доброго здоровья, Витенька. Адью. Не забудь утереть сопельки.

Витька брёл домой и матерился про себя, рисуя в воображении сцены мести.

А впрочем, Эва всё правильно делает. Ну, женился бы я на ней, что дальше? Через месяц или год она бы мне осточертела, наскучила. Одни и те же глаза, сиськи, задница, пусть даже самые сладкие поначалу.

От добра добра не ищут. Эта милфа преподавала мне добрый урок. Реально, какого чёрта себя накручивать, переживать по поводу и без него, если можно не грызть себя, а воспользоваться ситуацией, превратить маленькие минусы в большие плюсы?

У меня есть Анюта: замечательная, доступная, удобная девочка. Почему бы не сделать ей приятно?

Хочешь замуж – пожалуйста. Весь мир к твоим ногам, дорогая!

Но не сегодня – завтра.

Приму душ, оденусь как на парад, куплю букет, шампанское, надену на лицо самую искреннюю улыбку, и вперёд – мириться.

Самый волшебный секс бывает после ссоры.

Трахну Анюту так, что у неё мозг превратится в эмульсию веры в любовь.

Обещать – не значит жениться. Вся жизнь впереди – надейся и жди.

Говорила же мамка – ласковое дитяти двух маток сосёт. Почему раньше не догнал?

Пусть даже второй маткой, точнее киской, будет старуха Эльвира. Если хорошенько подумать, она ещё ого-го бабища, причём с деньгами и возможностями, а это совсем не маловажно. Какого лешего искать другую работу, когда можно получить альтернативный опыт, а вместе с ним призовые бонусы.

Может и она чему доброму научит. Бабы-то оказывается тоже не дуры, кумекают.

В конце концов, всегда можно тёлку на ночь снять, отыметь со вкусом, если тошно станет взбивать сливки в одной и той же ступе. Анька, опять же, всегда под рукой.

Эва – ты просто гений! Насколько проще жить, когда не заморачиваешься на последствиях, а сам их подготавливаешь.

Призрачно все в этом мире бушующем...

Глазуют на нас удивлённо сосны...

Сжимаю в объятьях тебя... до хруста.

Пусть говорят, что влюбляться поздно.

Душе без любви – одиноко...пусто...

И сердцу тоскливо спокойно биться.

*Я это прочувствовал ночью звёздной,
поверил, что счастье – когда не спится,
и понял – любить никогда не поздно!*

Оливер Сергушин Сергей

Девочку звали Нелли, фамилия у нее была несколько странная, во всяком случае, непривычная – Патока.

Витьке она казалась очаровательной, даже больше.

Сначала он наблюдал за ней тайком. Рисовал в блокноте силуэты, глядя на неё, один соблазнительнее другого.

Мальчишке здорово удавались контурные рисунки.

На эскизах она выходила тонкая, звонкая, подвижная.

Пластика у девочки действительно была завораживающая: плавная, игривая, женственная, если так можно говорить о девочке тринадцати лет, танцующая.

Нелли ходила в балетную студию, но там ей не очень нравилось. Позднее перешла в танцевальную группу. В школь-

ных концертах она участвовала непременно. Витька наблюдал за ней, открыв рот, и хлопал. Сильнее всех. Даже свистел, потому что ему нравилось всё, что девочка делает.

Но Нелли его не замечала.

Впрочем, это было не так важно. Ведь она ему позировала, пусть и не догадывалась об этом.

Единственное, чего ему не хватало для создания настоящего портрета, детально разглядеть глаза и мимику. Это было сложно при её огневой живости.

Нелличка просто не могла усидеть на месте.

Если она не прыгала через скакалку и не танцевала, значит, что-то изящное изображала руками. И всегда крутилась.

Посмотреть на девочку пристально, в упор, Витька стеснялся. Даже мимолётные взгляды вызывали в нём горячую волну смущения, которое моментально выливалось на лицо и шею красными акварельными разводами.

И всё же он нашёл способ увидеть вблизи её лицо. Его друг, Венька Сидоркин, неплохо фотографировал. Аппарат у него был замечательный, зеркалка с современной оптикой.

Снимок стоил ему целых три рубля, приличные по тем временам деньги. Витька экономил на обедах целый месяц, в школу ему всегда давали пятнадцать копеек,

Снимков было три. Все разные. Веньке даже не пришлось уговаривать девочку, сама напросилась, причем поцеловала в награду за замечательные кадры.

Витька видел, как она прыгала от радости.

Фотографии были большие, чёткие, размером восемнадцать на двадцать четыре сантиметра. Разглядеть на них можно было едва ли не каждый миллиметр.

Витька поместил их в альбом с любимыми репродукциями известных художников, прятал от всех.

Эскизов с тех портретов нарисованы были десятки, если не сотни.

Вблизи Нелли казалась ему ещё более прекрасной.

Он дотрагивался до её лица губами, гладил волосы, заглядывал в глаза, разговаривал, представляя, что девочка отвечает.

Так продолжалось до школьного выпускного вечера.

На балу Нелли позволила себя пригласить, не потому, что мальчишка ей понравился, просто неудобно было отказать.

Она была необычайно лёгкая, с нежной кожей и удивительным запахом, от которого голова пошла кругом.

Руки девочки в его ладонях представлялись крыльями бабочки. До кукольных ладошек было страшно дотронуться.

Витька почти не дышал, впитывая ощущения от прикосновений, растворяясь в них.

Это был их единственный танец.

Чуть позже мальчишка пытался заговорить, но Нелли была нарасхват. Её кружили все выпускники.

Как же она была хороша и изящна!

Длинные рыжие волосы струились по прозрачному платью бирюзового цвета, разлетаясь при пируэтах, белоснеж-

ная кожа подчёркивала детскую непосредственность. Туфельки на высоком каблучке придавали силуэту летящие линии.

Круглые коленки, слегка вздымающаяся грудь, тонкая талия, губы в цветных блёстках...

Все было восхитительно.

– Нелли, а можно...

– Давай потом, Витька. У меня праздник. Хочу запомнить этот день на всю жизнь.

– Именно поэтому я и...

– Потом, Витька, всё потом.

Потом ничего не было. Нелли улетела с родителями на море, потом поступила в институт.

Он ей писал. На одно послание она даже ответила, но было понятно, что отныне у девочки другая жизнь, в которой ему просто нет места.

Витька долго не мог успокоиться. На стенках его комнаты висели портреты в рамках, эскизы, рисунки.

Нет, больше он Нелли не рисовал.

Ему не хотелось знакомиться с другими девочками. Она была единственной, кому Витька поклонялся.

Однако время и природа рассудили по-своему. В его подъезде жила неприметная, не очень впечатляющая, но интересная девушка – Лиза Фокина.

Невысокого роста полненькая шатенка с добрым взглядом.

Она носила туфли лодочкой, длинные закрытые платья, и разноцветные шарфики, всегда разные.

От Лизы пахло жасмином, переспевшими мандаринами, и немножко летом.

Здороваясь, девушка краснела, старательно отворачивалась.

Как они оказались вместе, Витька и сам не понял.

То ли он её первый поцеловал, то ли она его.

В памяти почти ничего не отложилось.

Витька до сих пор грезил Нелличкой, постоянно разглядывал её портреты, собственные рисунки, даже когда пожевелись, и юноша стал жить с Лизой.

Жена не препятствовала его платоническому увлечению. Она по-прежнему была незаметна, но прочно вошла в его жизнь, наполняя каждую минуту жизни радостью.

Казалось, что он в Лизе не очень-то и нуждается, даже подумывал несколько развестись, мечтая о свидании с ней, единственной девушке, которую мог уверенно назвать любимой.

Время шло, мечты несколько потускнели, жизнь вошла в наезженную колею, из которой невозможно было выбраться даже при желании.

Витька перестал замечать, как удивительно пахнет Лиза, во что она одевается, с каким обожанием на него смотрит.

Ему было безразлично, что чувствует женщина, с которой живёт, ложится спать, просыпается.

А она любила всерьёз, несмотря ни на что.

В один из дней Виктор посмотрел на жену, сначала в недоумении, потом с некоторой долей отвращения. Лиза оказалась ему откровенно некрасивой.

Время никого не делает стройнее и моложе.

Витька начал сравнивать ту и эту, конечно не в пользу Лизы.

Мало того, без зазрения совести говорил о своих впечатлениях вслух. Причёска, мол, так себе, никакая, губы тонкие, талии не видно. Мышцы дряблые, глаза бесцветные, – скучно с тобой.

Список недостатков пополнялся и пополнялся.

Лиза спокойно выслушивала мужа, потом прижималась к нему и целовала в губы.

– Ты прав. Распустилась, подурнела. Пора заняться собой, пока муж не упорхнул к той, которая вдохновит.

Женщина она деятельная, энергичная, предприимчивая. Чего наметила, обязательно выполнит. Это можно было видеть по тому, как Лиза вела домашнее хозяйство.

А уж если не для себя...

За внешность и здоровье Лиза взялась основательно, но так, чтобы не раздражать Витю, незаметно.

Он и не понял, когда невзрачная супруга превратилась в загадочную и томную сексуальную леди.

Раз муж хочет её видеть такой, так тому и быть.

Витька смотрел на жену во все глаза, и ничего не понимал.

Это была она, его Лиза, но совсем не такая, какой привык её видеть.

В облике супруги проступали черты из портретов и эскизов, на которых была изображена... Нелли: нежная лёгкая грация, подвижность, плещущая через край энергия.

Но ведь им уже почти по сорок лет. К чему эта непонятная моложавость?

Витька рассвирепел, долго ругался, топал ногами, в сердцах выбежал на улицу.

Долго бродил, не зная, куда и зачем идёт. Ноги несли сами, вне координации движения с головой и разумом.

Он не понимал, почему его в Лизе раздражает буквально всё.

Раньше, когда был излишек веса и не вполне современный внешний вид, это было понятно. Но теперь...

Их отношения последнее время свелись к одноразовому в неделю скучному сексу, исключительно для здоровья, коротких разговорах во время завтраков и ужинов, кивков при расставаниях и встречах.

Они нигде не бывали вместе, ничего не намечали заранее, не строили планов.

Почему?

Неужели причина неприязни к жене женщина, единственная, как он предполагал, его нереализованная юношеская любовь, которой так и не случилось? Ведь он её просто выдумал. Нарисовал, как и сотни портретов, пылящихся в чу-

лане.

Витьке просто край как захотелось увидеть Нелли, взять её за руки, заглянуть в глаза...

Он не вполне понимал, чего именно хочет от этой встречи, что желает увидеть в тех глазах.

Ему было необходимо увидеть, удостовериться, иначе незачем жить, и нечем дышать.

И тут его окликнули.

Это была неуклюжая толстая тётка с прокуренным грубым голосом и отечным лицом, в мешковатом платье, с огромными хозяйственными сумками, из которых торчали батоны хлеба, лук, хвост огромной рыбыны.

Женщина запыхалась, но лицо её выражало восторг узнавания.

– Витька, Строев, как я рада тебя видеть... сколько лет, сколько зим! Всё такой же красавец. А помнишь...?

Витька точно не знал эту тётку, совершенно определенно никогда прежде не видел.

Да и не хотелось чего-то там вспоминать, напрягать уставшее от невесёлых дум воображение. Мозг и без того был перегружен воспоминаниями, которые боролись с реально существующей женой, с которой ему никак не удавалось найти общий язык.

– Вот остолоп, Нелька я, Патока, теперь Сазонова! Как живешь?

Внутри у Витьки что-то глухо хрустнуло, и сломалось.

Было больно, и нечем дышать.

Он посмотрел на бывшую возлюбленную, которую считал до сих пор единственной и неповторимой, на образ которой разве что не молился.

Всего несколько минут назад он жаждал этой встречи, мечтал, как именно это должно произойти.

И что теперь... как жить дальше!

У него прекрасная жена, которая любит. Это видно невооруженным взглядом. А он... действительно остолоп. Кто же ещё!

Витька хлопнул себя ладонью по лбу, словно что-то внезапно вспомнил.

– Извини, Нелли! Потом, всё потом... если можно. Мне абсолютно некогда. И да... хочу запомнить этот день на всю жизнь, чтобы кое что попытаться забыть.

Витька не помнил, как взбежал на пятый этаж, как открывал дверь.

Лиза сидела за красиво накрытым столом, на котором горели свечи, сидела неподвижно в самом лучшем своём платье... и плакала.

Он налетел на неё коршуном. Целовал, прижимал, мял.

Пахла она восхитительно.

Лиза ничего не стала спрашивать, просто налила в бокалы вина, протянула мужу.

– За нас, родной... люблю я тебя, и ничего не могу с этим поделать!

Он застыл в изумлении, тоже расплакался, побежал в комнату, начал срывать со стен портреты.

– Зря, Витенька. Я к ним привыкла. Пусть висят. К сожалению, я никогда не стану такой, как бы ни старалась.

– Она тоже такой не станет. Ты куда лучше. Я только теперь понял, какая ты на самом деле. Ты замечательная, удивительная, родная. Я слепой, глухой, и абсолютно глупый. Если можешь, прости.

– Ты ни в чём не виноват. Это была мечта. Я рада, что ты от неё избавился. И всё-таки, давай выпьем за нас...

В репродукторе фоном звучала музыка, словно по заказу, – “призрачно всё в этом мире бушующем,

есть только миг, за него и держись. Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь...”

Притормози у счастья

*сто жизней пройдя по кольцу,
разведав, что где-то за маем,
умаявшись, ближе к нулю,
мы снова друга друга узнаем
и – надо же! –
снова полю...*

Алта Белая

Три дня в небесной канцелярии происходило нечто несуразное. Верхушка лета – сезон удушливого зноя и редких грозовых разрядов, а на город, где жила семья Ворониных, налетели вдруг холодные дожди без конца и начала.

Температура опустилась до восьми градусов. Непрерывный поток воды по капельке высасывал из душ и тел, оглушённых несвоевременной погодной мутацией последние возможности приспособиться.

То тут, то там стихия обрывала линии электропередач, рушила мачты, удерживающие провода, не выдерживали нагрузки трансформаторные подстанции. Фёдор работал в аварийной бригаде. Трудились на пределе возможностей, поскольку современная жизнь без электричества немислима в принципе: отключи подачу энергии и жизнь замрёт.

Прошедший день был на редкость неудачным. Бригада ремонтников металась с одного вызова на другой, некогда было

перекурить, съесть бутерброд. Два раза попадали в разлив, едва не утонули вместе с аварийной машиной.

Витька Угольников получил серьёзный ожог, замкнув собой цепь неожиданно свалившейся шиной на линии, которую диспетчер по какой-то причине не отключил, хотя по рации сообщили, что участок обесточен.

Мало того, что целый день крутились под проливным дождём, устали, промокли до нитки, так ещё пришлось писать подробные объяснения, потом весь личный состав допрашивали с пристрастием.

Фёдор долго стоял под горячим душем, согреться и расслабиться не получалось. Было впечатление, что под пресс положили пакет со льдом. От голода, напомнимшего вдруг о себе, неприятно урчало в желудке.

Только когда приятно зарокотал двигатель старенького Опеля, а печка выдала первые порции тёплого воздуха, удалось немного отключиться от перегрузки, от готовности к экстремальной жизнедеятельности в условиях непредвиденных катаклизмов.

Растекавшееся по расслабленным мышцам тепло вызвало ощущение тяжести, Фёдор на ходу задремал, едва не отключился.

Дома его с нетерпением ждали, хотя последние несколько месяцев он не был уверен в том, что семья о нём помнит.

Как-то неуютно стало в семейном гнёздышке.

Ангелина, которую раньше он нежно называл Геля, всё

чаще воспринималась как Ангина с осложнениями. Кто она ему теперь!

Вначале Фёдор воспринимал лишь романтические эпитеты: любимая, милая, моя, изредка обращаясь к жене сладенькая или малышка, когда желание и нежность выходили из берегов. Какая она была ласковая и нежная, какая тонкая и звонкая.

Была, да-а-а. Именно была. Ведь часа не могли прожить друг без друга: тело начинало гудеть и вибрировать, как двигатель автомобиля, когда через карбюратор подаётся в камеру сгорания обеднённая топливная смесь.

Хорошее настроение и радость наполняли Фёдора лишь в присутствии любимой, особенно в те моменты, когда прикасался к ней или смотрел глаза в глаза.

Теперь он не может ответить себе на систематически загружаемый в мозг вопрос: почему он вообще на Ангелине женился, разве на то была реальная причина? Неужели мы женимся потому, что пришло время, что так принято?

Конфликты и серьёзные дипломатические споры начались через месяц после свадьбы, но сила влечения и позитивный настрой в целом запросто стирали любую обиду.

Чтобы почувствовать себя счастливым достаточно было поцелуев и объятий, глобальные же противоречия легко преодолевались в постели, поглощаемые острыми ощущениями, сладчайшими эмоциями и пикантными упражнениями интимного характера .

Любовь, не любовь – что-то магнетическое долгое время объединяло Фёдора с женой. Он долгое время мучительно нуждался в близости.

Почему Ангелина перестала его возбуждать – загадка.

Она по-прежнему молода, красива, но желания дотрогнуться до спелой груди, обнять, поцеловать за ушком или в шею, с вожделением залезть рукой под юбку или головой под кофточку, вдохнуть до головокружения аромат женского тела, чувствуя, как волнуется пульс в каждой клеточке тела, как кровь устремляется вниз живота – ничего этого давно нет.

Ангелина есть, Фёдор тоже и тот же, а желания слиться в любовном экстазе с супругой исчезло. Порой, несмотря на усталость, очень не хочется возвращаться домой. На работе или с друзьями куда интереснее.

Сложно понять, почему испарились некогда трепетные, восторженные чувства. Хотя, чего от себя-то таиться – всему виной тёща, возложившая на себя по собственной воле роль дрессировщика, с садистским удовольствием формирующего характер дочери, наставляя её, как правильно надевать на супруга ошейник, как пользоваться естественными различиями и физиологическими преимуществами, чтобы добиться повиновения и исполнения желаний в полном объёме.

Паулина Леонтьевна контролировала все аспекты семейной жизни молодожёнов. Доминируя в собственной семье, тёща азартно влезала в хозяйственную, финансовую, даже в

интимную сферу супружеских взаимоотношений. Она дерзко требовала от дочери отчёта по доходам, расходам и планам.

Фёдор не имел склонности к интригам, таланта и желания отстаивать личную точку зрения, добиваться лидерства в семье, хотя в бригаде его слушались беспрекословно.

Постепенно тандем жена-тёща сосредоточил в своих руках все без исключения властные полномочия, с усердием и упоением пользовался ими, невзирая на его мнение.

Сегодня мужчина был настолько утомлён, что не было сил думать о сложностях семейных отношений. Он хотел погрузиться в атмосферу домашнего уюта, поесть домашней стряпни, сесть в удобное кресло с бутылочкой холодного пива, несколько минут посмотреть телевизор и уснуть.

Аварийных заявок, когда закончилась смена, накопилось столько, что ночная бригада никак не смогла бы с ними справиться. Значит, следующий день будет опять изнурительным и суматошным.

Фёдор был бы весьма рад и признателен, если бы сегодня его избавили от общения с тётшей, если бы Ангелина встретила мужа с приветливой улыбкой, вместо привычной процедуры травмирующего психику выноса мозга по любому случаю.

Тишина и спокойствие – вот в чём он прежде всего нуждается. Всё прочее потом, не сейчас.

У него от усталости кружилась голова, закрывались, как

ни старался остаться в реальности, глаза.

– Припёрся, болезный, не прошло и полгода! Совесть у тебя есть, – слишком эмоционально для рядовой ситуации закричала жена, напрягая мимические мышцы и брызгая слюной, – так-то ты относишься к собственной семье!

– Ангелина, у меня был очень тяжёлый день. Остановись, не начинай. Отдохну и сам себе качественно вынесу мозг, но сначала борщ... или котлеты с макаронами, без разницы чего. Я не ел со вчерашнего дня, ужасно устал, хочу спать.

– А маму, маму мою с юбилеем поздравить не хочешь, – голосом Паулины Леонтьевны верещала супруга, – она о тебе паразите-бездельнике никогда не забывает. То носки, то футболки дарит. Говорила мне маменька – за кого замуж идёшь, он же и меня и тебя до инфаркта доведёт. Теперь вижу, что права она. Куда мои глазоньки глядели, когда чурбану бесчувственному девственность жертвовала, когда красоте, честь и молодость безоглядно вручила безответственному чучелу! Не способен ты Федька ценить уникальную женскую заботу и беззаветную преданность.

– Ангина, тьфу ты, Ангелиночка, накорми сначала, напои, спать уложи. Утро вечера мудренее. Не могу я о каждой мелочи помнить, у меня по жизни другие задачи и цели. Работа у меня тяжёлая, и опасная. Разве сложно было утром мужу тормозок с бутербродами на работу собрать, напомнить о памятной дате?

– А я не работаю, я утром спать не хочу! Столовка для

такого случая существует. И книжка записная. Ты ещё мой день рождения забудь – живо у меня с жилплощади вылетит.

– Это и моя квартира тоже. Что-то я тебя не пойму. Давай не сегодня.

– А хо-хо ни хо-хо! Утрись, болезный. Недвижимость на меня приватизирована. Мама была права, хорошо, что подсказала вовремя, что ты человек не надёжный. Ты тут на птичьих правах, муженёк.

Ангелина вываливала на гудящую как колокол голову Фёдора проклятия и брань, припоминая какие-то давно минувшие события, ставила в вину непонятно чего, грубо, обидно обсуждала его родителей и родственников, у которых, оказывается, абсолютно не было позитивных качеств, зато каждого из них можно было с её слов упечь за решётку.

Фёдор усилием воли отключил слух, двигался по квартире как сомнамбула, не понимая, что делает, вымыл руки, прошёл на кухню.

Ужина не было. Холодильник тоже зиял девственной пустотой.

– Жрать захотел, а маму поздравил! Нет, не поздравил. Отныне у нас самообслуживание.

– Дай денег, я в магазин схожу.

– С деньгами каждый простак продуктов закупит. Я маме на подарок всё истратила.

– Так получка через неделю только. На что жить будем?

– Кто у нас мужик – ты или я! Думай. Займи. Я у мамы могу поужинать.

– Понятно. Нет... ничего не понятно! Кто дал тебе право потратить весь бюджет непонятно на что?

– Ах, вон ты как запел! Тёще на подарок денег пожалел! Она... она для тебя кто!

– Для себя она, для себя. И ты только для себя. Всё до копейки выгрёбаете, а на столе пусто, как в склепе. Когда ты успела превратиться в тень маменьки? Ты же поначалу внимательная и чуткая была, лаской и нежностью покоряла, бескорыстием и радушием обаяла. Смотрю на тебя, а вижу Паулину Леонтьевну, только ещё наглее и куда циничнее.

– Не устраиваю – проваливай. Свято место пусто не бывает. Желающих разделить со мной постель пруд пруди. Как же права была маменька, как права! Мужского в тебе – только штаны.

Фёдор выбежал из квартиры, громко хлопнув дверью, забыв в сердцах надеть плащ или куртку. Улицу по-прежнему поливал холодный дождь, до костей пробирали порывы ветра.

Вот тебе и лето... вот такая, брат, интересная и насыщенная семейная жизнь!

Мужчина залез в машину, минуту послушал мерный гул мотора. Голова была пустая, мутная, зато с вулканической активностью закипала кровь.

Фёдор бездумно выжал сцепление, включил скорость и

понёлся. Ему было без разницы – куда и зачем.

Автомобиль уверенно набирал скорость, покорно слушался руля.

Мысли отсутствовали, их заменили эмоции, подстёгиваемые наркотическим действием избыточной концентрации адреналина.

Мужчина уверенно жал на газ, чувствуя, как импульсивными поступками начинает повелевать бестолковый шальной азарт.

Он никогда не любил лихачей и вдруг сам заразился желанием стремительно мчаться, закладывая крутые виражи, вписываться в резкие повороты и лететь, лететь бездумно на пределе возможностей старенького двигателя.

Дорога была сколькая, его занесло, закрутило, но в книге судеб не было указания завершить его жизненный путь.

Фёдор слегка помял крыло, порвал одну из покрышек колеса. Пока ставил запаску – немного успокоился.

Не вчера Ангелина превратилась в стерву, не одним днём превратила совместную жизнь в ад. Давно нужно было стукнуть кулаком по столу, предъявить права на личное мнение, с которым нельзя не считаться.

Глупо мириться с безраздельной властью в семье женщин. Нельзя балансировать на перерезанном канате, подвешенном над пропастью. Нельзя соглашаться со всем, что взбредёт в большую голову тётки. Нельзя, нельзя, нельзя жить по чужому сценарию, наплевав на собственные амбиции, на

мечты и планы, в угоду людям, которые никого, кроме себя, не уважают.

Желание испариться, исчезнуть, чтобы проблема рассосалась сама собой, сменилось на попытку осмыслить тупик, в который умудрился себя загнать под руководством жены и тётщи.

Фёдор перебирал в уме варианты, как можно развернуть семейную лодку против ветра, чтобы не потопить её окончательно. Идей было так много, что выбрать одну было невозможно. Любая из них имела слепые зоны, проблемные участки и глухие тупики.

Он уже давно ехал по пригороду. Дворники с трудом справлялись с потоком воды, низвергаемым с прохуdivшихся небес.

На обочине стояла женщина без зонта и плаща. Она голосовала мокрая насквозь.

Фёдор посмотрел на неё безучастно, хотя подумал, что можно было бы подобрать, но она такая мокрая, что наверняка испачкает сиденья. Суши их потом, оттирай.

Фигура на дороге прыгала, безуспешно пытаясь привлечь внимание, топала ногами, возможно, кричала и плакала. Ничто не шлохнулось в его израненной душе. Он даже себя не мог сейчас исцелить, выручить, вытащить из лап обстоятельств.

Фёдор чувствовал, что вплотную приблизился к моменту истины, но не своей – тётщиной. Это она мечтала высо-

сать из его брэнного тела живительный сок, чтобы выстроить башню, из окон которой можно взмахом платочка решать его судьбу.

Если раньше можно было что-то изменить, если не поздно было предъявить жене ультиматум, поскольку эмоциональная и чувственная зависимость была взаимной, если способность любить имела место быть, а желание близости играло решающую роль, то теперь “глас вопиющего в пустыне” мог быть услышан и понят, лишь небесами.

Себя было жалко, очень жалко. Фёдор считал, что не заслужил такого отношения: он не предавал, не изменял, работал на износ, отдавал зарплату до копейки, относился к жене и теще с возможной степенью уважения.

Что теперь!

Ему цинично указали на дверь, обозначив предельную степень зависимости. У него теперь нет ничего, совсем ничего! Как могло такое произойти?

Километров через пять Фёдора торкнула мысль: женщина без зонта, ночью, одна под проливным дождём. Кто она, почему голосует!

Если не поможет он, то кто, кто остановит в такую темень, кто !

А вдруг в кустах притаились хулиганы или бандиты, что если цель этой женщины – нажива? Сердце Фёдора заскрипело от невозможности принять взвешенное решение.

– Ну и пусть, – подумал он, – пусть меня убьют. Пусть

провидение решит за меня. Это будет азартная игра, случайное стечение обстоятельств, русская рулетка.

Он развернулся, нажал на газ и поехал навстречу судьбе.

Женщина безвольно сидела на бордюре обочины, обняв себя за плечи. Ей было холодно и страшно, но перспективы вызвать сочувствие она не видела. Мимо проехали десятки машин, никто не обратил на неё внимания.

Фёдор остановился в метре от женщины, направил на неё свет фар. Она клала зубами, что было слышно на расстоянии, но не повернула головы.

Женщина устала, замёрзла и ни на что не надеялась. Она плевать хотела на превратности судьбы, которая отказалась проявлять по отношению к ней хоть капельку дружелюбия.

Мужчина подошёл вплотную. Бедолагу колотила дрожь, похожа она была на кошку, упавшую в стремнину реки, которую течение протащило по порогам и мелям, но сжалилось, выбросило на берег.

Смотреть на несчастную было больно. Одета она была в шикарное, если бы не было в столь плачевном состоянии из-за дождя вечернее платье, облепившее худенькое тельце. Выглядела страдальца ужасно, если не сказать больше – нелепо, жалко.

Дорогое платье, красивые украшения, туфельки на высоком каблуке, и стекающие по посиневшей коже холодные струи.

– Присаживайтесь, довезу.

– Мне далеко, у меня с собой ни копейки.

– Договоримся.

– Я не собираюсь расплачиваться телом! Ваша дорогая машина... я совсем мокрая.

– Принято. Переживу. Я тоже не настроен на сантименты, мне тоже плохо. Впрочем, неважно, это мои личные проблемы. Показывайте дорогу. Я сегодня добрый как никогда. Наверно приблизительно так чувствуют себя висельники перед казнью.

Фёдор мельком посмотрел на тщедушное тельце, на детскую, почти плоскую грудь, на сморщенное от влаги и холода лицо, свисающие сосульками волосы.

Определить возраст пассажирки, составить мнение о её облике, было невозможно.

Печка была включена на максимум, адрес назначения на другом конце города.

Женщина, судя по фигуре, скорее всего молоденькая девушка, молчала. Её лихорадило, трясло.

– Если можно – не гоните. Я боюсь быстрой езды, трижды попадала в аварии. Не переживайте, у меня есть деньги, только не здесь – дома.

– Я знаю этот адрес, бывал в том районе. Можете подремать. У меня хорошая печка. Быстро согреетесь. Меня зовут Фёдор.

– Очень приятно, если в моём положении можно так выразиться, Зоя.

– Как вы оказались одна среди ночи на пустынном шоссе?

– Можно, я не буду отвечать?

Дальше ехали в полной тишине. Время от времени Фёдор невольно скашивал взгляд, пытаюсь определить, с кем имеет дело.

Женщина была похожа на обсыхающего воробышка. Перья её волос торчали во все стороны, она то и дело проваливалась в сон, не в состоянии полностью открыть глаза. Видимо холод и дождь отняли у бедняжки остатки энергии. Но она пыталась держаться, видимо пыталась контролировать ситуацию.

По непонятной причине у Фёдора появились по отношению к пассажирке тёплые чувства. Девушка, теперь было определённо понятно – ей примерно двадцать пять лет, заснула, безвольно повалилась на его плечо. От пассажирки пахло дождём, молоком и мандаринами. Переключать передачи было неудобно, но беспокоить её не хотелось.

Фёдор остановился на заправке, не глуша двигатель. Пусть поспит.

Проснулась Зоя минут через двадцать, долго извинялась. Мужчина чувствовал отеческое беспокойство за судьбу незнакомки. Приятно было принять участие в её, скорее всего незавидной судьбе.

– Простите, ради бога, меня сморило. Не хотела вас напрягать. Я знаю эту заправку. Мы совсем рядом с моим домом, почти приехали. Скажите, сколько я вам должна?

– Сущие пустяки. Побудьте ещё немного со мной, просто так. Впервые за последний год я почувствовал себя нужным не только на работе.

– Давайте поднимемся ко мне, я с удовольствием угощу вас чаем.

– Нет-нет, мне, право, неловко. Вы такая молодая, тем более, я обещал только помощь.

– Чай, только чай, не подумайте ничего плохого. Мне страшно остаться одной.

– Договорились, Зоя. Но я так устал, что способен заснуть даже стоя. У меня был предельно тяжёлый день, скоро опять на смену, а я ещё ни минуты не сомкнул глаз.

Фёдор остановился у подъезда, где жила незнакомка, вышел, галантно открыл дверь, но поскользнулся и некрасиво грохнулся в лужу.

– Провидение не оставило нам иного выхода. Придётся стирать вашу одежду, потом сушить. Я справлюсь, а вы поспите. Ищите удобное место для парковки.

Квартира была однокомнатная, малогабаритная, но ухоженная, уютная. Повсюду стояли растения в горшках. Насыщенный цветочными ароматами запах и своеобразный интерьер подсказывали, что живёт в этом царстве чистоты и комфорта молодая женщина, причём одна.

Теперь он мог внимательно рассмотреть таинственную пассажирку.

Фёдор был в полном восторге от увиденного. Удивитель-

но, но его совсем не расстраивала разница в возрасте. Её доверчивость и жизнерадостность бросались в глаза.

– Раздевайтесь, я дам вам махровую простыню, запущу стиральную машинку, и начнём пировать. Чай с лимоном, сухари и сколько угодно сгущенного молока. Я сладкожека.

– Я бы съел что-нибудь посущественнее. Скоро сутки как ничего не ел.

– Могу предложить гречневую кашу с молоком и малиновым вареньем, только подождать придётся, а пока бутерброды с сыром и... или яичницу с беконом.

– Не отказался бы от того и другого. Всё на стол мечите.

– Решено. Вы в душ, я готовлю. Наедаемся от пуза и ложимся спать.

Ангелина и Паулина Леонтьевна перезванивали друг другу всю ночь, почём зря чехвостили непокорного зятя, посмевшегося проявить самостоятельность.

Фёдор не вернулся.

И на следующий день тоже.

Через месяц он подал заявление на развод и забрал из неприветливой квартиры пожитки. Проклятия жены и тёщи были ужасны, но его подобные мелочи несколько не беспокоили: он был счастлив.

В однокомнатной квартире Фёдора ждала Зоенька. Действительно ждала, минуты считала до его возвращения, сервировала стол настолько изобретательно и изысканно, что сама трепетала, возбуждаясь избытком положительных эмо-

ций в порыве творческого экстаза.

Когда Фёдор ел, она не могла оторвать взгляд, испытывая такие яркие эмоции, что не заметить её крайне возбуждённого состояния было невозможно.

Любимый отодвигал тарелку, вытирал губы и усаживал девочку на колени.

Он знал, чувствовал, чего ждёт его милая кошечка.

Фёдор спас Зою от переохлаждения, а она его от эмоционального смятения и полного крушения иллюзий. Кто знает, возможно, судьба преднамеренно выбрала такой извилистый путь, чтобы создать в не очень уютном пространстве уголок благоденствия и счастья.

Приходил-то зачем?

*Но сколько б пятниц не было в неделе,
где б не пересекались параллели –
когда из всех примет всего одна
пророчит счастье – битая посуда,
резонно полагая, что отсюда
спасение тем лучше, чем скорей,
душа, поймав за хвост попутный ветер,
холодного прощанья не заметит
последнего из многих октябрей.*

Ксения Хохлова

В дверь постучали.

Паша был в школе, Зоя в детском садике. Мария никого не ждала.

– Только взялась за приборку и здрасьте вам, притащила кого-то нелёгкая!

Настроение было паршивое. Последнее время, чтобы дети ни в чём не нуждались, приходилось работать на две полные ставки. Времени не то, чтобы на жизнь, на бытовые хлопоты не оставалось.

Муж, скоро уже два года исполнится, как бросил её с двумя ребятишками. Не только её жизнью, даже детьми за всё это время ни разу не поинтересовался. Растворился, словно сахарный песок в стакане воды, будто и не было десятка лет

относительно счастливой совместной жизни, общих планов, любви.

Странная всё-таки штука жизнь, никогда не знаешь, чем чрез час или через день огорчит или обрадует, хотя ни к тому, ни к другому не было предпосылок. Проблемы приходят внезапно, как телеграммы: примите, распишитесь. А дальше что!

По документам Генка всё ещё был мужем, а в реальности – никто. Даже алименты с него не затребуешь. Где он – неизвестно.

Зарботки теперь стали больше похожи на пособие по безработице. На жизнь не хватает, но выжить можно.

Она, конечно, справляется, но какой ценой!

В кои-то веки взяла выходной, да и тот весь день как белка в колесе.

Маша вообще-то женщина общительная, компанейская, но не в этой жизни. Кажется, всё хорошее с уходом из семьи супруга закончилось.

Давным-давно она последний раз чувствовала себя счастливой. Теперь уже и не припомнить.

Жизнь её с того трагического дня разделилась на два периода – на до и после Генкиного бегства .

Теперь ей всех и всё хочется послать так далеко, чтобы совсем никого не было рядом, потому что смотреть на чужое благополучие, когда сама медленно вязнешь в пучине финансовой и бытовой неустроенности, больно.

Даже дети, которые помогли выжить после крушения семейной эпопеи, стали порядком тяготить.

Конечно, Маша так или иначе их поднимет, выучит, выведет в люди, но жизнь тем временем отнимает последние надежды, лишает даже призрачных шансов на счастье, на то, что когда-то может наступить равновесие и не придётся больше суетиться по пустякам.

Она ведь не старуха ещё, тридцать два года всего. А жизнь смяли, словно использованный тетрадный лист или промокашку, на которую пролили чернила.

Сначала Мария с надеждой терпеливо ждала предателя-мужа, потом махнула рукой. Нет его и всё. Может, его и не было никогда, а любовь, семейная идиллия – всё это приснилось.

Паше только восьмой год пошёл, значит, самостоятельным станет, когда она окончательно в тираж выйдет. Только изначально счастливые женщины могут говорить, мол, в сорок пять баба ягодка опять. Если уж в тридцать лет, глядя на себя в зеркало, приходится горько вздыхать, что будет тогда – подумать страшно. Недаром говорят, что все болезни от нервов.

Нервы у Маши действительно ни к чёрту – всё-то её раздражает. Чуть что не так – истерика, слёзы. Запрётся в ванной и рыдает. Тихо-тихо, чтобы дети не услышали, а от напряжения горло болит и голова.

Тоскливо так жить, горько, дальше некуда.

Ни с кем Маша теперь дружбу не водит – времени нет, даже с подругами общаться, про мужчин и думать не хочется. Да и смотрят на брошенку с двумя детьми косо. Даже подруги, которые при наличии мужа каждый день приходили поболтать, в гости приглашали, потихоньку исчезли, видимо опасаются, что денег в долг просить будет, или плакаться.

Нет, Мария не такая, чтобы сор из избы выносить, выставить себя на всеобщее посмешище. Вне дома она держится независимо, делает вид, что всё хорошо, что отсутствие мужа, скорее, благо, чем лихо. Мужик, мол, с возу – портки стирать не нужно. Знали бы они, каково одной и за мужика, и за бабу!

Жизнь у Маши с самого детства не заладилась. Многолетняя мать старела на глазах, детьми занималась с неохотой; отец не выходил из запоев. Маша росла как придорожный сорняк, никому не нужная. Ей всё доставалось по остаточному принципу – с чужого плеча, или то, что никому не пригодилось. Она не брезговала ничем, что за ненадобностью выбрасывали соседи.

С Генкой познакомилась, когда было ей пятнадцать лет. Влюбилась до смерти, просто с ума сходила от лихорадочного возбуждения. Дневник вела, в котором незнакомые переживания, эмоциональные взлёты и падения, романтические мысли и сокровенные мечты, которые не давали покоя ни днём, ни ночью, страничкам в клеточку поверяла.

Но целомудренность настойчиво блюла, близко не подпус-

кала. Разве что робкие поцелуи позволяла.

Из армии милого дождалась. Иногда с фотографией Генкиной, с письмами, облитыми слезами, засыпала. Надеялась на счастье. И боялась его одновременно, потому что вокруг ничего похожего на то, о чём мечтала, не видела.

Сентиментальная была чересчур, впечатлительная, потому уязвимая. От избытка переживаний, ожидая любимого, похудела, высохла, но веру в любовь и верность не растеряла.

Свадьбу сыграли, когда Маше почти двадцать лет было.

Счастлива она была до помутнения рассудка. Надеялась, даже уверенна была, что счастье как скала – незыблемо, то есть навсегда.

Рушиться семейная идиллия начала через год после рождения Паши.

Сначала Генка на работе стал задерживаться, потом в подпитии возвращаться, после и вовсе загулял, менял одну за другой доверчивых дурочек, которые тоже на что-то серьёзное рассчитывали. Супруг умел тень на плетень навести.

Потом муж ушёл к смазливой простушке, скорее всего несовершеннолетней, очень восторженной и доверчивой, за призрачным счастьем. Девочка оказалась с сюрпризом, точнее, с двойным дном. Как только приручила, посадила на зависимость – начала активно манипулировать. Вскоре обратно вернулся.

Простила. Не могла не простить, потому, что любила, потому, что Паше отец нужен.

Как же Маша была рада, когда Гена бросил пить.

Два года прожили душа в душу. Зоя родилась.

Всего два года или целых два года?

Теперь-то без разницы, а тогда в счастье буквально купалась. Теперь вспоминает то время – а было ли оно на самом деле, или опять всё выдумала?

Это после Маша поняла, что жизнь, как облака себя ведёт. Приближается красивыми туманными сгустками, похожими на волшебные миры, наплывает плотными серо-голубыми волнами, закрывающими солнечный свет и лазурь небесного свода, и незаметно убегает вдаль, снова превращаясь в сказку, только уже не твою – чужую.

Мир вокруг меняется, с каждым днём быстрее, наслаивает череду событий, которые не дают времени и возможности, не то, чтобы отреагировать на каждое, даже проследить за ними.

Краткосрочная эйфория сменяется безразмерной величины отрезками неприглядных будней, грядущими бедами и несчастьями, которые так же со временем превращаются в прошлое, о котором не хочется вспоминать.

Ко всем этим напастям невозможно приспособиться, потому, что они текущие, подвижные, очень-очень разные.

Было время, когда Маша упала на самое, как ей тогда казалось, дно. Потом стало ещё хуже.

Сейчас, вроде, ничего, жить можно.

Скорее бы детишки росли. Может, тогда повезёт.

А открывать дверь всё равно нужно. Очень уж настойчиво барабанят. Может, случилось чего!

Маша опустила подоткнутый за пояс подол платья, вытерла о передник натруженные руки и пошла к двери.

На пороге стоял Генка, собственной персоной. Только худой, жалкий и потрёпанный. Нарисовался – не сотрёшь.

Не узнать его Маша не могла.

Разом нахлынули воспоминания, но совсем не те – радужные, когда семейная жизнь только начиналась. Всплыли в памяти те мгновения, когда готова была без сожаления расстаться с жизнью.

Если бы в руках оказалась мокрая тряпка, она обязательно хлестнула бы Генку по наглой роже.

Любовь рассеялась как сон, как утренний туман. Осталось лишь горькое послевкусие.

Маша предприняла попытку закрыть дверь.

Генка засунул в просвет ногу, посмотрел на неё до того жалобно, как умеют это делать брошенные хозяевами щенки и котята, которые в каждом прохожем видят спасителя.

– Я же на заработках был, Машута, на приисках. Для вас старался, горбатился. Зуб даю!

– Ага, знаю я, в каких пещерах ты алмазы и слитки золотые добывал. Мне твои подружки уже предъявляли претензии, чтобы алименты на байстрюков за тебя платила.

– Какие подружки, Машенька, бог с тобой, брешут злые языки! На Колыме пропал, света белого не видел, только

О вас и думал.

– Туда и возвращайся, нет тебе веры, ничего, почитай, нет, даже сочувствия. Та Маша осталась в прошлом.

– Жена ты мне. Вот, смотри, в паспорте штамп стоит. И прописан я в этой квартире. Непустишь – приведу участкового. Право имею здесь жить, по закону. Так что – извини-подвинься, как говорится.

– Это мы посмотрим. Я тебя за алименты засужу.

– Верну. Всё до копейки отдам. За каждый прожитый без твоей, Машенька ласки, день, рассчитаюсь. Скучал я по тебе, горевал безмерно. Помнишь, у Лермонтова – и скучно, и грустно, и некому руку подать... как же я мечтал о тебе, родная, долгими холодными ночами. Магадан, милая, это тебе не курорт, там люди жизни отдают за длинные тяжёлые рубли.

– Будет брехать. Если бы скучал, письма бы слал, денегжат детишкам подкидывал. Если и заработал чего – всё сам прожрал. Не верю я тебе.

– На, читай, это справка, что артель должна мне одиннадцать тысяч рублей. На такие деньги квартиру можно купить, машину, дачу... ещё и останется.

– Справка, значит, а чего в тряпье-то с помойки вырядился, если такой богатый! Не бери грех на душу – ступай, откуда пришёл. Самим жрать нечего, е ещё и тебя содержать! А бумажку свою... в туалете пригодится.

– Так это, Машуль, деньги только после полного расчёта,

месяца через два будут. Вот те крест. Рублик к рублику. Всё до копейке тебе и детям. Мне что теперь, на улице жить!

– К Верке на постой попросись, в соседний подъезд. Она тебе борща нальёт, может и приголубит. Но велика вероятность, что яйца отрежет. Женщина половину зарплаты отдаёт, чтобы с твоим сыночком сидели, с хлеба на воду перебивается. Или забыл жену свою гражданскую?

– То не от меня! Врёт. Пьяный я тогда был, вот она и придумала! Сама-то на неё погляди – ни глаз, ни рожи. Разве ж я мог на такую вскарабкаться... бр-р-р!

– Но, был же, у неё, ночевал. Видели тебя там, и не раз.

– Да не помню я такого случая. Оговорила, Машуль, я всю жизнь только тебя одну люблю, провалиться мне на этом месте, если вру. Семнадцать лет уже без малого. Не губи, роденькая. Деньги из Магадана придут – заживём. Королевой у меня ходить будешь. Шубу песцовую тебе куплю. Или норковую. Да хоть из соболя, там на всё хватит. Для тебя ничего не пожалею.

Слово за слово, пожалела Мария приبلудного мужа, до того жалостливо глядел, что не смогла отказать, в дом пустила.

Накормила, напоила.

По рюмашке хлопнули. Со свиданьем.

В хмельном благоденствии, сами знаете, чувства обостряются, особенно тогда, когда сил больше нет вынести неприкаянное одиночество. Недаром люди говорят... или читала

где – что всё в жизни взаимосвязано: живёшь – хочется выпить, выпил – хочется жить.

Не успел Генка до неё дотронуться, как Мария всё-всё запомнила – словно в бездну провалилась, а там... бабочки порхают, пчёлки гудят, всё кругом цветёт, благоухает. Так ей стало хорошо, так здорово.

Начала Маша молодость вспоминать, словно в тот – самый первый их медовый месяц. А ведь было их, уходов и приходов... не сосчитать теперь, не упомянуть. Да и надо ли, когда в дверь постучало счастье!

Сколько же всего хорошего в их совместной жизни было.

Расчувствовалась Маша, расплакалась. Так ей себя и судьбу свою горемычную жалко стало.

Сама не поняла как, но оказались бывшие супруги в одной постели. Недаром говорят, что ссора между супругами – это секс, отложенный на потом.

Утром Мария проснулась в холодной постели.

Голова шла кругом.

Хотелось понять, что это было.

Может, ничего и не было, приснилось, пригрезилось?

Ан, нет, через три недели стало понятно, что Генка, сволочь, оставил ей очередной щедрый подарочек. И записку забрал из тайника, который с тех пор как вместе жили, не поменял места жительства.

– А приходил-то зачем, – думала Маша, – наверно тысяч своих стало жалко.

Пусть прошлое останется в прошлом

Мы друг друга заждались до боли.

До безумья. До "невозмогу".

И рискнули будничные роли

Обменять, не глядя, на мечту.

Мы себя друг другом заразили.

До горячки. До озноба. Вглубь.

Уступая слабости и силе

Неуёмной ласковости губ.

Ариша Сергеева

В автобусе была давка. Сесть, как назло не удалось. Полина жалела о том, что залезла. Ведь ей спешить, по сути, было некуда – мама отпустила погулять до следующего кормления Вадика, а это почти четыре часа.

Ей такая прогулка казалась праздником жизни. Семь месяцев адского труда. Двести с лишним дней Полина не выпускала из рук болезненное чадо. Сын родился недоношенный, слабый, всё время плакал.

Самыми трудными были первые месяцы. Полина тогда совсем не спала. Она жила в каком-то странном – расплывающемся, как воздух в мареве знойного полдня, висящем над перегретым асфальтом, не совсем реальном мире.

Вадик кричал постоянно. Женщина привыкла к пронзительным звукам его голоса, практически не слышала их.

Из мутного морока, в котором она пребывала большую часть суток, её выводили лишь паузы в душераздирающих воплях и импульсы внутреннего таймера, который подавал тревожный сигнал, означающий время кормления, необходимость пеленать, мыть, готовить, стирать, гладить.

Полина жила в автоматическом режиме, практически не задумываясь, ничего не понимая. В нормальном состоянии выдержать такую нагрузку невыносимо.

Усталость валила с ног. Полусонная невесомость стала привычной.

Муж постоянно был на работе. Это и понятно – бытовые расходы с рождением Вадика многократно возросли.

Свекровь жила далеко, у мамы ответственная должность, постоянные авралы и бытовые проблемы. Ждать помощи неоткуда.

Полина не роптала. Она знала, что такое положение, эта адская нагрузка, циклическая круговерть однообразных занятий и обязанностей, отупляющих мозг, дело временное. Стоит только пережить: год, может быть два. Жизнь войдёт в колею и обязательно наладится.

Опять будет сиять солнце, петь птицы, люди улыбаться и радоваться жизни.

Как же было хорошо тогда... совсем недавно, но словно в иной реальности.

С Ромкой они почти не общались, виделись лишь краткий миг перед сном, и несколько условно приятных минут в постели.

Рома старался не утомлять жену интимной физкультурой. Ей и без того тяжело.

Оба ужасно уставали, отчего приходилось жить в изолированном, отчуждённом мире. Несмотря на ребёнка и мужа Полина чувствовала себя одинокой, брошенной.

Ромка в краткие минуты, когда им удавалось побыть наедине, слиться душой и телом, был заботлив и нежен, трогательно чувствителен, ласков, но закончив ритуальный танец, сразу отворачивался к стенке, и моментально засыпал.

Он всегда хотел Полину, только последнее время всё чаще старался гасить страсть, чтобы не утомить, не причинить боль, не вызвать приступ негодования.

Он понимал, насколько Полине непросто, как слаб и хрупок их малыш, что сам бы не выдержал и десятой доли тех титанических усилий, которые приходится прилагать жене ежеминутно, но помогать не спешил.

Мужское восприятие действительности, которое внушила ему мать, не позволяло взять часть женских забот на себя. Ромка боялся, что такими действиями можно избаловать жену, тогда всё в семье пойдёт наперекосяк.

Пусть уж сама справляется – уверял себя он.

Чтобы не расстраиваться, наблюдая за плавно-медлительными, словно постоянно под наркозом, действиями Полины,

Ромка старался подольше задерживаться на работе, или общался с закадычными друзьями.

Он не был плохим мужем. Так его научили жить.

Полина втянулась в порядок семейных церемоний и обязательных действий, приспособилась, примирилась с альтернативной, словно не вполне настоящей реальностью.

Другой жизни девочка не знала.

Ромку она любила. Очень любила. Про Вадика и говорить нечего. Эти люди не просто часть её жизни – они и есть сама жизнь.

Полина выдержала. Оборачиваться назад совсем не хотелось. А тут мама...

Елизавета Павловна вдруг заинтересовалась внуком, пожалела дочь: пришла рано утром и объявила, что даёт Полине отпуск, – хоть на целый день, доча. Отдохни, развлекись. Нельзя так себя гробить.

Было радостно и одновременно обидно, потому что семь с лишним месяцев про неё никто не вспоминал.

Ладно, хоть так.

Полина приделалась, накрасилась, но сама себе не нравилась.

Макияж лёг неровно. Оказывается, она всё забыла, кроме Вадика и мужа.

Придётся начинать с азов: сначала учиться дышать свободно, ходить, улыбаться. Со временем она обязательно придёт в себя. Стоит только сделать первый шаг.

С Ромкой они познакомились летом, в парке. Полина кормила лебедей и уток в тенистой заводи. У неё были туфли-лодочки. Подошва оказалась скользкой.

Девочка подошла слишком близко, лебеди были доверчивы. Она сама не поняла, как поехала в воду.

Ромка стоял поблизости. Как ему удалось её подхватить...

Впрочем, это неважно.

Дальше было мороженое, прогулка, долгая беседа непонятно о чём.

Им было уютно и весело.

Любовь это была или что иное – неважно.

Эмоции переполняли, чувства зашкаливали.

Спустя всего пару месяцев они поженились.

Потом... а потом, это то, что происходит сегодня, сейчас.

Полина едет в переполненном автобусе в тот самый парк. Она хочет покормить тех лебедей, посидеть на той скамеечке, съесть такое же, как тогда, мороженое. Вспомнить, как было хорошо, как сладко.

Там ещё... там, на берёзе, в глубине аллеи, Ромка вырезал ножичком... “Рома + Поля = Любовь ♥”.

Банально, но тогда это казалось проявлением по-настоящему волшебных чувств.

Час назад, когда пришла мама, ей в голову бы не пришло ничего подобное. И вдруг такая сентиментальность.

Полина вспомнила, что есть другая жизнь. Лучше, или хуже – не важно, но другая, наполненная интересными и вооб-

ще разными событиями.

Вадик – прекрасный малыш, Ромка – замечательный муж, но вокруг столько всего замечательного, а она про всё это забыла, превратившись если не в зомби, то в бездушную ма-рионетку, которую дёргают за ниточки однообразные обстоя-тельства.

У Полины гусиная кожа встала дыбом от мысли, что она, по сути, отказалась от самой жизни.

Ещё немного и мурашки прокололи бы её тонюсенькую, слишком чувствительную после родов кожу насквозь.

Девушку в салоне автобуса толкали, жамкали, больно на-ступали на ноги, говорили зря нелепые грубости, а она чув-ствовала себя счастливой.

Скоро нужная остановка.

Полину захлестнула волна эмоций. Радостные предчув-ствия опалили сознание, рассыпались яркими искорками, взрывались фейерверками.

Она поспешила к передней двери на выход. Народ нерв-ничал. Её задирали, кричали непристойности, кто-то нагло ошупывал, другие бесцеремонно толкали.

Ну и пусть!

Автобус остановился, открылась дверь. Сзади подтолкну-ли. Пассажиры посыпались наружу как горох.

Полина подвернула ногу, упала на колени. На неё нава-лился толстый дядька, смял, как промокашку, уронил на грязный асфальт.

Как же ей было обидно!

До мечты, до пруда, лебедей, берёзы с надписью, до скамейки и мороженого, до вчерашнего счастья, оставалось несколько сот метров, и вдруг такое.

“Неужели это судьба? Значит, пути назад нет? Но я не хочу, не хочу жить так, как сейчас, до конца своих дней!”

Эти и десятки других мыслей больно кололи, карябали где-то внутри, то ли в голове, то ли в районе груди.

Полину вдруг подхватили сильные руки, рывком поставили на ноги.

– Полина... Копылова? Я думал, ты здесь больше не живёшь. Триста лет тебя не видел. Надо же, какая ты стала... записная красотка... как же тебя угораздило так упасть! Ладно, нет худа без добра. Зато я тебя повстречал. Как же я рад!

– Сёмка, Пантелеев, я бы тебя ни за что не узнала. Повзрослел, возмужал. Извини, мне сейчас не до тебя. Видишь, во что превратилось платье. Придётся на такси домой ехать, а я так хотела покормить лебедей. Целую вечность не выходила из дома.

– Чего так, болеешь... или работа задолбала?

– Сын... сын болеет, я вместе с ним... развлекаюсь.

– Бледная, прозрачная... но тебе идёт, ей бо, ты просто богиня, Поля. Господи, о чём я... ты всегда была самая-самая. А помнишь...

– Семён, извини, видишь, что со мной? На нас все смотрят, словно в кунсткамере на заспиртованный эмбрион. Ко-

лени в крови, платье грязное, руки... а так хорошо всё начиналось.

Из глаз Полины потекли слёзы, хотя она старалась их затолкать обратно.

Сёмка обнял её, прижал к себе, – не обращай внимания. Сейчас потеряют интерес. Ты ещё не забыла, что я вон в том доме живу? Теперь совсем один. Родители к бабушке уехали, думаю надолго. Парализовало бабулю. Жалко, такая замечательная. Я любил к ней на каникулы ездить.

Удивительно, но Полине было ужасно приятно, что бывший одноклассник уделил ей внимание, принял деятельное участие в не очень приятном приключении.

Умом Полина понимала, что следует отстраниться, показать, что они уже не дети, ведь она серьёзная замужняя женщина, тем более мама, но что-то внутри сопротивлялось.

От удовольствия Полина прикрыла глаза. Ещё мгновение, и она замурычет, как довольная жизнью сытая кошечка.

Наверно именно участия, теплоты, прикосновений, девушке так не хватало последнее время.

– Пошли ко мне. Постираем, высушим твоё платье, с этим теперь просто. Полчаса, час, и всё будет готово. Успеешь лебедей покормить. Желания обязательно нужно исполнять, иначе они будут стучаться в мозг, требовать сатисфакции. Шучу. Ну что, идём? Коленки твои бедненькие вылечим, помоешься. Горячую воду ещё не отключили.

– Семён... спасибо, но нет. Я замужем, у меня сын. Это

неудобно, неправильно. Наконец, стыдно идти в гости к одинокому мужчине.

– Ты очень удивишься, Суровцева, но я ещё не мужчина. Честное слово. Смешно, да?

– А мне это нужно знать? Я никуда не иду.

– Ладно, сейчас такси поймаю. Только адрес запиши. Мой... и свой. Я тебя потом разыщу. Но думаю, будет лучше и правильнее, если домой ты придёшь тихо, незаметно, чистенькая, довольная жизнью.

Зачем привлекать лишнее внимание? Ты не подумай, Полинка, все приличия будут соблюдены, тем более что расставлены все точки над нужными полями. Я догадался, р чём ты подумала. Вспомним юность, – *“нам жизнь свою не повторить никак. Осталась молодость за гранью где-то. Бывало, – попадали мы впросак... но песня наша до конца не спета. И есть ещё возможность изменить, всё то, что нам не удалось когда-то. И нужно продолжать мечтать и жить, и не корить судьбу, что виновата.”*

– Хватит лирики Семё. Ладно, уговорил. Стираем скоренько, моемся, и расстаёмся друзьями.

– *Прощай... и ничего не обещавай... и ничего не говори... а чтоб понять мою печаль, в пустое небо по-смотри... Ты помнишь, плыли в вышине... и вдруг погасли две звезды, но лишь теперь понятно мне, что это были я и ты... да, я и ты, Полина Сергеевна.*

– Не ёрничай, Семён. Посмотри, что с моим новым пла-

тьем. Муж меня убьёт. Он мне его на день рождение сына подарил. Не время для лирики, нужно спасать подарок... если это возможно.

– И я о том же. Заходи. У меня тут бардак, обычный творческий беспорядок. Не обращай внимания, для холостяка это норма. Снимай платье...

– Чего... как, очумел, да!

– Вон халат. Хочешь – рубашку мою надень. Она длинная, вместо платья сгодится. Или ты вместе с платьем в стиральную машину полезешь... чего стесняешься? У моей стиралки функция сушки, потом прогладим, и пойдём в парк, к твоим лебедям. Я пока чай организую. Тебе зелёный, или чёрный?

– Без разницы.

Пока платье крутилось в барабане стиральной машинки, Полина ополоснулась под душем. Потом лечили разбитые коленки.

Сёмка обрабатывал садины. У Полинки от его прикосновений, хотя здорово жгло, кружилась голова, где-то внизу становилось жарко и щёкотно.

Полинка покрутилась в мужской рубашке перед зеркалом. Она себе определённо нравилась. Оглянувшись, удостоверившись, что Семён не видит, покрутилась, радостно подмигнула себе, скорчила несколько раз потешные рожицы.

Ей почему-то было хорошо и спокойно, хотя это не её дом, и вообще, ситуация больше чем странная.

В Сёмкиной рубашке было непривычно удобно. Мягкая ткань приятно холодила, от неё пахло, наверно просто показалось... чем-то терпким, что вызывало странные ощущения.

У Полины появилось игривое настроение.

– А помнишь, Сёма, – спросила она, зайдя на кухню, где был накрыт стол, – мы с тобой...

– Конечно, помню, Поляночка. Я всё помню. Я тебя всю жизнь буду это помнить.

– С чего бы это?

– Да так... потому, что ты самая-самая, только и всего. Ты в этой рубашке такая, просто расцеловать хочется.

– Не говори, Сёмка, я даже сама себе понравилась. Теперь всегда буду Ромкины рубашки надевать. Так удобно.

– Ты такая красивая. Завидую твоему... Ромка, говоришь? Счастливчик. Наверно на руках носит.

– Не так, чтобы очень. Ему некогда. Работает много. А ты, почему холостой?

– Не знаю, наверно всех чудесных Полин до меня разобрали.

– Семён, мы же договорились. Постираем и разбежимся. Ты меня настораживаешь, пугаешь. Зря я согласилась сюда прийти.

– Извини. Давай выпускной альбом посмотрим. Ты с кем-нибудь из одноклассников встречаешься?

– Тебе бы моего Вадика – крикуна-непоседу, света белого

не вижу. Из дома-то не выхожу. Разве что возле подъезда, с коляской. Нет, ни с кем не виделась. Давно.

– Вот, смотри, это всё в выпускном классе снято. А я много кого вижу.

Семён раскрыл альбом, сел рядом, начал показывать. Полина не понимала, почему вдруг ей стало так интересно. Большая часть снимков есть и у неё. Ничего особенного.

Друзья сидели, тыкали то в одного, то в другого одноклассника пальцами, с интересом, весьма энергично и весело вспоминали, как...

Сёмка стоял за спиной, прижимался всё теснее. Полина не обращала на это внимания, пока...

Пока его рука не легла весомо и дерзко на одну из грудей. Реакция на это прикосновение была более чем странной – ей невыносимо, причём немедленно захотелось близости.

Полине стало неудобно и стыдно. Она вскочила. Лицо девушки горело, словно от сильного солнечного ожога, сердце рвалось наружу, дыхание спёрло.

Окружающее пространство сжалось, превратилось в плотный сгусток, который начал вращаться и переворачиваться. Её тело зависло внутри подвижной плазмы, которая проникала в самые потайные уголки её неожиданно чувствительного тела.

Полина чувствовала такое... по-настоящему волшебное. Девушка хотела лишь одного – чтобы это чудо, это блаженно-пьянящее, дремотно эйфорическое, невесомо-сла-

достное состояние, никогда не кончалось.

Она ни о чём не думала, ничего не помнила, ничего не хотела, кроме того, что с ней происходило здесь и сейчас.

Неожиданно всё закончилось. Мимо взора медленно проплывали размытые очертания мебели.

Полина нехотя приходила в сознание.

Она лежала на разобранном диване раздетая, в позе морской звезды. Тело всё ещё сотрясали сладкие волны сказочно-сладостного экстаза.

Над ней нависал Сёмка. Милый Сёмка.

– Дурачок, что ты со мной сделал, я же замужем, мы же договорились...

Семён обнял её, принялся целовать. Это было невыносимо приятно, до такой степени, что не было сил терпеть, поэтому она попросила ещё... ещё раз пройти по тому же маршруту.

Полина нестерпимо хотела вновь оказаться там, в вязком сиропе чарующе волнительных эмоций и трепетно-нежных ощущений, имя которым блаженство.

Такого с ней никогда не было.

Наверно это и есть счастье.

Теперь Полина была в полном сознании. Она понимала, что это предательство, измена, разврат, но остановиться, прекратить наслаждаться жизнью, уже не могла.

Ментальное тело девушки разлетелось на мелкие кусочки, у каждого из которых были свои ощущения, своё созна-

ние. Собрать себя воедино, противостоять неизведанным таинственным силам, пусть и греховным, было невозможно.

Полина извивалась под Семёном, стонала, кричала, звала на помощь, рвала кожу на его теле ногтями. Ей это нравилось.

Она хотела, хотела, хотела... ещё и ещё... бесконечно долго летать где-то там, далеко-далеко.

Придя в себя, Полина ужаснулась, разрыдалась, кусала губы.

Семён её успокаивал.

Привести себя в порядок было непросто.

Она понимала, что мир вокруг, и она сама, стали другими, что это очень заметно, что скрыть изменения не получится, что они отпечатаны на лице, на теле, что её падение с высоты, или стремительный взлёт, кто знает, что именно это было, увидит теперь каждый, стоит только захотеть и приглядеться.

Молодые люди никак не могли проститься: то и дело кидались в объятия, сбрасывали с себя одежды, сливались в подвижный клубок, рассыпались, пытались успокоиться, сосредоточиться, договориться.

Мама накормила Вадика смесью. Он спал.

– Что с тобой, дочь? Ты какая-то... волшебная, что ли. Надо чаще тебя отпускать.

– Давно нигде не была, не гуляла. Это я от свободы опьянела, мамочка.

У Полины было время подумать, обсудить произошедшее событие с внутренним цензором и диспетчером, договориться с ним по-доброму.

Станным образом всё вокруг приобрело иные очертания, другие цвета, запахи, вкусы. Жизнь попала в фокус, у неё появились чёткие силуэты.

Теперь Полина понимала, что, почему, и зачем делает. Чего именно хочет от жизни.

Вадик почему-то перестал кричать и болеть. Ромка вовремя возвращался с работы, постоянно лез с нежностями.

Полина стала чувствовать его желания, поняла, что любовь, та любовь, с которой всё началось, закончилась, что семейная жизнь превратилась в рутину и обыденность.

А ещё она поняла, что ничего не хочет менять, что её всё устраивает, что Ромка замечательный муж, и наверно способен стать неплохим отцом.

Но внутри зрело сладкое томление, смутное желание очутиться хоть на миг внутри того урагана, который пронёсся в душе и в теле в тот памятный день.

По ночам Полина грезила, представляя, как обнажённое тело медленно зависает над землёй, как Вселенная превращается в сгусток, как проникает внутрь, расширяется, вытесняет тоску и печаль, замещая наслаждением, которое переходит в экстаз, как в тот день.

Всё в её сегодняшней жизни было хорошо и правильно, не хуже, чем у подруг, но чего-то очень важного не хватало.

И Полина решила узнать, чего именно.

Она ещё сама не понимала до конца, на что решилась, но вручила Вадика маме, надела самую-самую лучшую одежду, с удовольствием накрасилась, долго-долго всматривалась в зеркало, всё больше влюбляясь в себя нынешнюю.

Ноги сами понесли Полину по известному одной ей маршруту, в дом рядом с парком, в котором плавают лебеди, и растёт памятная берёза, к Семёну.

Но туда, к памятнику былой любви, она больше никогда не пойдёт, потому, что та любовь осталась в прошлом, а она... она настоящая, живая.

И пусть весь мир подождёт, пока она будет купаться в океане счастья.